

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Хуснутдинов Артем Ильгизович

**Право на доступ в Интернет в системе конституционных прав и
свобод**

Специальность 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научные руководители:

кандидат юридических наук,

доцент Арбузкин А.М.

кандидат юридических наук,

доцент Кряжкова О.Н.

Москва – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
ГЛАВА 1. СЕТЬ ИНТЕРНЕТ И ДОСТУП К НЕЙ В ПРАВОВОМ ИЗМЕРЕНИИ ..	16
§ 1. Понятие сети Интернет и доступа в Интернет	16
§ 2. Право на доступ в Интернет как самостоятельное право: внутригосударственный и международный опыт формализации	47
§ 3. Содержание права на доступ в Интернет	74
ГЛАВА 2. МЕСТО ПРАВА НА ДОСТУП В ИНТЕРНЕТ В СИСТЕМЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	106
§ 1. Пути признания права на доступ в Интернет в Российской Федерации	106
§ 2. Юридическая природа права на доступ в Интернет	138
§ 3. Соотношение права на доступ в Интернет и других конституционных прав и свобод	154
§ 4. Проблемы ограничения доступа в Интернет	193
Заключение	225
Список литературы	229

Введение

Актуальность темы исследования. Столь привычные ныне вещи, такие как книгопечатание, почтовая, телефонная и телеграфная связь, радио и телевидение сыграли в развитии человечества заметную роль. Если обобщить их под единым термином «информационные технологии», понимая под ними в соответствии с нормативным определением ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹ (далее – «Закон об информации») процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких методов, то можно сравнить их совокупное значение с такими изобретениями человечества как колесо, лук и стрелы, «приручение» огня. Каждое из этих изобретений сопровождалось преобразованием всего уклада жизни цивилизации. Сейчас одной из передовых информационных технологий является информационно-телекоммуникационная сеть общего доступа Интернет (далее – сеть Интернет, Интернет) – совокупность глобальных информационных магистралей, позволяющих мгновенно передавать информацию в любую точку планеты. Появившись сравнительно недавно, в семидесятые годы двадцатого века, он стремительно развился, проникнув во все аспекты нашей жизни и сильно ее изменив. Столь стремительное развитие и влияние не могло долго оставаться без внимания со стороны государств, что вылилось в резкий всплеск законодательной активности по всему миру как на уровне национальных юрисдикций, так и на международном уровне.

Среди различных аспектов, связанных с сетью Интернет и ее регулированием, не остался в стороне и аспект влияния ее на права человека. Развитие этой глобальной сети связи некоторое время проходило, с точки зрения

---

¹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 02.11.2023) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448.

права, в основном стихийно. При создании того или иного сервиса, принцип действия которого основывался всецело на передаче данных по каналам связи, юридическим аспектам, связанным с правами человека, зачастую отводилось второстепенное место. Сейчас же ситуация стремительно меняется, и многие интернет-сервисы декларируют свою приверженность целям защиты прав и свобод своих пользователей (например, сервисы электронных сообщений провозглашают своим приоритетом право на конфиденциальность переписки)².

Влияние информационных технологий на права личности позволяет говорить о возникновении понятия «цифровой конституционализм»³, а также в юридической литературе обсуждается вопрос о праве на доступ в Интернет⁴. Представляется, что это продиктовано не только фактической значимостью Интернета в повседневной жизни, но и уже имеющимися примерами ограничений различных аспектов работы в нем (в частности, во время событий Арабской весны⁵), а также имеющимися международными документами, упоминающими это право (Окинавская хартия Глобального информационного общества от 21 июля 2000 года, Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» от 12 декабря 2003 года, Тунисская программа для информационного общества от 15 ноября 2005 года и другие).

---

² См. например: <https://telegram.org/privacy?setln=ru> (дата обращения: 02.07.2023)

³ Кравец И. А. Цифровой конституционализм и будущее информационного общества (в контексте глобализации и интеграционных процессов) // Право и государство. 2020. № 3-4 (88-89). С. 85-104.

Кравец И. А. Цифровой конституционализм: методологические и правовые аспекты // Государство и право. 2022. № 1. С. 19-33.

⁴ См. например: Талапина Э.В. Право на информацию в свете теории субъективного публичного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 6. С. 70-83; Пазюк А.В. Доступ к Интернету: права человека или универсальная услуга с точки зрения международного права // URL: <https://digital.report/dostup-k-internetu/> (дата обращения: 28.03.2022).; Европина И.В. Риски и угрозы Украине в связи с расширением доступа ее граждан к информационным ресурсам Интернет и пути их преодоления // Информационное право. 2014. № 3. С. 21-24.

⁵ См.: Перчаткина С.А., Черемисинова М.Е., Цирин А.М., Цирина М.А., Цомартова Ф.В. Социальные интернет-сети: правовые аспекты // Журнал российского права. 2012. № 5. С. 14-24.

В доктрине конституционного права встречаются два дискурса относительно того, как именно следует рассматривать право на доступ в Интернет: как некое правомочие, частный случай права на информацию, предусмотренного ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации⁶, или как самостоятельное новое право личности⁷. Существование двух разных позиций на этот счет предопределяется как выраженной связью доступа в Интернет и работой с информацией, так и то, что информационно-телекоммуникационные сети являются сложной и многоаспектной информационной технологией, которая становится все более значимой в повседневности. Вместе с тем авторы сходятся на том, что это право должно быть закреплено юридически в том или ином виде.

Актуальность темы настоящей диссертации предопределяется тем обстоятельством, что до сих пор вопросы о праве на доступ в Интернет как субъективном праве (или правомочии) личности не получили целенаправленной и глубокой научной проработки, в том числе на диссертационном уровне. Между тем такая потребность существует. Как отмечает Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин, «Какой бы ни была цифровая реальность по степени ее развитости, она в конечном счете должна подпадать под действие Конституции как нормативного акта, имеющего высшую юридическую силу в российской правовой системе, в том числе по отношению к законоположениям, регулирующим указанную сферу новых отношений»⁸.

Ставить вопрос о необходимости юридического закрепления (формализации) права на доступ в Интернет как фундаментального права

---

⁶ Погорелова М.А. Конституционные гарантии свободы слова и права доступа к информации в сети Интернет. дисс. канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2010. С. 118.

⁷ Талапина Э.В. Право на информацию в свете теории субъективного публичного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 6. С. 70-83. Пазюк А.В. Доступ к Интернету: права человека или универсальная услуга с точки зрения международного права // URL: <https://digital.report/dostup-k-internetu/> (дата обращения: 28.03.2022).

⁸ Зорькин В.Д. Право в цифровом мире // URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (дата обращения: 27.02.2022).

личности, нужно по причине того, что отсутствие такового приводит к следующим проблемам:

1. Создание отдельными государствами нормативного базиса для ограничений доступа в Интернет как глобальную компьютерную сеть, которые периодически приводят к существенному и массовому ограничению прав и свобод человека, несмотря на закладываемые в них рациональные основания. В перспективе ситуация продолжает усугубляться. Если в начале выстраивания политики ограничений речь шла о блокировке единичных ресурсов и сервисов, то сейчас появляются инициативы, которые содержат в себе предпосылки для полного отключения от сети Интернет⁹, при этом в законодательстве не конкретизированы пределы для государственного вмешательства в регулирование интернет-доступа.

2. Препятствование реализации прав и свобод человека в онлайн-среде, сложности в их защите. Примером является нарушение принципа сетевой нейтральности (установление приоритета и/или дискриминации в отношении передачи информации определенной категории), блокировка интернет-ресурсов без надлежащих правовых оснований. Признание права на доступ в Интернет повысит качество реализации остальных прав и свобод, связанных с Интернетом, и оградит от нарушений в области свободы их реализации.

Степень разработанности темы исследования. Многие представители отечественной юридической науки занимаются изучением проблем поиска, получения, передачи, производства и распространения информации, а также роли доступа в Интернет в этих процессах (И.Л. Бачило, М.С. Дашян, Н.Н. Ковалева, М.А. Лапина, И.М. Рассолов, В.С. Толстой, А.А. Чернова, Н.Н. Федосеева и многие другие), однако в среде конституционалистов вопросу о праве на доступ в Интернет пока уделяется достаточно скромное внимание (работы А.А. Щербовича, А.В. Пазюка, М.Ю. Середы, Э.В. Талапиной и некоторых других авторов).

---

⁹ Федеральный закон от 1 мая 2019 года № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О связи” и Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 01 мая 2019 года.

На уровне диссертационных исследований специального исследования права на доступ в Интернет не проводилось; в защищенных в Российской Федерации работах можно обнаружить, что Интернет рассматривается в контексте реализации конституционных прав и гарантий¹⁰.

Существуют работы о праве на доступ в Интернет зарубежных специалистов по конституционному праву: Андрис Меллакаулс (Andris Mellakauls), Лоуренс Лессиг (Lawrence Lessig), Дуглас Рутзен (Douglas Rutzen), Якоб Зенн (Jacob Zenn) и другие.

Цель диссертационного исследования – разработка концепции права на доступ в Интернет как субъективного права личности в системе конституционных прав и свобод, выявление тенденций, связанных с формированием права на доступ в Интернет как самостоятельного и общепризнанного права человека.

Для достижения данной цели в работе поставлены и разрешены следующие **задачи**:

- определить отличительные особенности сети Интернет, позволяющие рассматривать ее как благо, достойное считаться объектом прав человека, и описать ключевые факторы доступа в Интернет как правовой категории;

- систематизировать опыт признания права на доступ в Интернет и отдельных элементов его содержания в различных государствах и на международном уровне;

- уяснить юридическую природу права на доступ в Интернет;

- установить соотношение данного права с другими конституционно признанными правами и свободами, выявить, как оно влияет на эти права и свободы;

- определить потенциальное содержание права на доступ в Интернет через правомочия личности, которые им охватываются, и сопутствующие этим правомочиям позитивные и негативные обязательства государства;

---

¹⁰ Щербович А.А. Конституционные гарантии свободы слова и права доступа к информации в сети Интернет. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2013; Липатова С.Л. Защита конституционных прав человека на честь и достоинство от посягательств в компьютерной сети «Интернет». дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2006.

- произвести анализ и оценку конституционности существующих ограничений доступа в Интернет.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, связанные с формированием права на доступ в Интернет как нового права человека в условиях информационного общества.

Предметом диссертационного исследования являются конституционно-правовые и международно-правовые нормы, выступающие основой признания, осуществления и гарантирования права на доступ в Интернет, а также соответствующие доктринальные положения.

Методологической основой исследования стали общенаучные методы: анализ (использовался при исследовании понятий Интернета и доступа в него, а также связанных с ними ограничений), системный метод (использовался при рассмотрении юридической природы данного права и его места в системе конституционных прав и свобод), синтез (использовался при выявлении социального предназначения и содержания права на доступ в Интернет).

Среди частно-научных методов были применены формально-юридический и сравнительно-правовой (при рассмотрении регулирования права на доступ в Интернет на уровне международных организаций и национальных юрисдикций).

Теоретическую основу исследования составили научные положения, выводы, оценки, содержащиеся в трудах отечественных ученых в области конституционного права, проблем реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина: С.А. Авакьяна, И.А. Алешковой, В.И. Анишиной, Н.С. Бондаря, Н.В. Витрука, Г.А. Гаджиева, И.А. Дудко, В.В. Ершова, В.Д. Зорькина, А.Е. Козлова, Е.И. Колюшина, М.А. Краснова, О.Н. Кряжковой, О.Е. Кутафина, Л.В. Лазарева, В.М. Лебедева, С.П. Ломтева, В.И. Лучина, А.Н. Писарева, В.Е. Сафонова, Б.А. Страшуна, Э.В. Талапиной, И.А. Умновой, В.Е. Чиркина, А.А. Щербовича, Б.С. Эбзеева и других ученых.

Нормативную основу диссертационного исследования составили:

Конституция Российской Федерации;

международные правовые акты, в числе которых Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года, Окинавская хартия Глобального информационного общества от 21 июля 2000 года, Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» от 12 декабря 2003 года, Тунисская программа для информационного общества от 15 ноября 2005 года и другие;

федеральные законы: от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», от 7 июля 2003 года № 126-ФЗ «О связи», от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», от 6 июля 2016 года № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» и другие.

В исследовании использованы конституции и законы зарубежных государств (Греции, Финляндии, Франции, Непала, Эстонии, Испании и других).

Эмпирическую базу диссертационного исследования составила обобщенная автором правоприменительная практика, в том числе зарубежная, касающаяся регулирования Интернета и закрепления права на доступ в него. В состав этой базы входят акты судебных органов различных инстанций, в том числе акты Конституционного Суда Российской Федерации, Конституционного суда Коста-Рики, Верховного Суда Эстонии, Конституционного Совета Франции, Суда Европейского Союза, Европейского Суда по правам человека и других.

Научная новизна диссертационного исследования. В диссертации систематизированы объективные предпосылки для юридического закрепления права на доступ в Интернет в Российской Федерации как самостоятельного права личности. Определена ценность доступа в Интернет (доступ выражается в возможности подключения непосредственно к этой компьютерной сети, а также работы в ней). Установлено, что идея признания за доступом в Интернет качества

нового субъективного права личности находит реализацию на уровне отдельных государств, в международном праве и конституционно-правовой доктрине.

Изложены способы признания права на доступ в Интернет в Российской Федерации. Данное право вписано в систему существующих конституционных прав и свобод через распространенные в доктрине классификации прав. Выявлено его социальное предназначение, в частности гарантирование полноценной реализации прав и свобод человека и гражданина в условиях информационного общества. Показано влияние доступа в Интернет на существующие конституционные права и свободы человека и гражданина. Разработана концепция содержания права на доступ в Интернет. Показаны аргументы для оценки конституционности применяющихся в Российской Федерации ограничений доступа в Интернет.

На защиту выносятся следующие основные положения и выводы диссертационного исследования, обладающие элементами научной новизны:

1. Необходимость введения в систему российского права понятия права на доступ в Интернет как комплексного субъективного права личности, имеющего фундаментальное (конституционное) значение проистекает из возросшей социальной значимости Интернета, сформировавшейся в законодательстве системы ограничений доступа и риском нарушения функционирования российского сегмента компьютерной сети в результате вредоносного воздействия. Такая институционализация субъективного права направлена на обеспечение баланса интересов государства, общества и личности и повышение гарантированности прав личности в условиях обеспечения технологического суверенитета государства в текущих условиях.

2. Для целей конституционно-правового регулирования сети Интернет рассматривается как социальное благо, качествами которого являются:

- широта предлагаемых возможностей для личности по реализации своего потенциала и по реализации иных субъективных прав;

- цифровая среда взаимодействия участников информационного общества, включая государство и его органы, институты гражданского общества и отдельных лиц;
- средство трансформации доступа к материальным и нематериальным благам и расширения их содержания;
- ценность в общественном сознании в качестве самостоятельного блага.

С точки зрения субъективных прав личности необходимо отметить, что уже признанные конституционные права благодаря Интернету расширяют собственное содержание через появление новых правомочий в своем составе, обретают новые способы и гарантии реализации. В условиях нарастающих рисков геополитической напряженности для обеспечения реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина в максимально возможном объеме требуется юридическая формализация права на доступ в Интернет в качестве самостоятельного комплексного права.

3. На международном уровне и на уровне национальных юрисдикций право на доступ в Интернет как субъективное право личности находится на пути становления в качестве общепризнанного права, оно получает признание в межгосударственных соглашениях, а также в актах международных организаций, которые провозглашают важность доступа в Интернет для реализации прав и свобод человека, а также декларируют намерения государств взять на себя обязательства в области обеспечения доступа в Интернет для каждого.

На уровне национальных юрисдикций имеет место прямое закрепление данного права в конституциях отдельных стран (Мексика, Непал), признание этого права высшими судебными органами (Франция, Коста-Рика), а также возложение государствами на себя обязательств в области обеспечения доступа в Интернет и возможностей работы в нем (Греция, Эстония, Испания, Египет, Эквадор, Португалия, Венесуэла, Финляндия).

4. С учётом исследования опыта нормативного регулирования и правоприменительной практики различных государств возможными способами

юридического признания права на доступ в Интернет в Российской Федерации являются:

1) прямое закрепление в Конституции Российской Федерации (в случае принятия новой Конституции);

2) принятие соответствующего федерального закона, вводящего дополнительные гарантии доступа в Интернет и его комплексное регулирование, меры по минимизации цифрового неравенства, а также развивающего подход по обеспечению доступа к социально значимым информационным ресурсам в сторону большего числа этих ресурсов, их разнообразия и распространения в том числе и на значимые зарубежные ресурсы с компенсацией расходов операторам связи;

3) выработка Конституционным Судом Российской Федерации правовой позиции, которая может состоять в следующем:

- признание доступа в Интернет в качестве общепризнанного права человека;

- выведение самостоятельного права на доступ в Интернет путем толкования конституционного права на свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение информации любым законным способом (ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации);

- формулирование вывода о презумпции равенства реализации прав и свобод человека и гражданина как в реальном мире, так и в Интернете из конституционных принципов верховенства прав и свобод человека, их непосредственного действия, если иное не вытекает из существа права и особенностей его реализации;

- выведение права на доступ в Интернет из неписаных норм (обычаев), обусловленных уровнем вовлеченности населения в интернет-среду и количеством пользователей, использующих Интернет регулярно для реализации конституционных прав.

5. Право на доступ в Интернет, будучи комплексным по своей природе, включает в себя правомочия личности, обусловленные техническим и нетехническим факторами доступа в Интернет, а также корреспондирующие этим правомочиям позитивные и негативные обязательства государства.

Среди наиболее важных правомочий личности:

- гарантированность обеспечения качественного интернет-подключения в сетях связи общего пользования в каждом поселении на территории Российской Федерации;
- возможность использования доступа в Интернет для любых целей, не противоречащих закону.

В числе негативных обязательств государства следует назвать, например:

- невмешательство в реализацию права на доступ в Интернет, воздержание от нарушения связности национального сегмента компьютерной сети с остальным Интернетом;
- недопустимость блокировки ресурсов в сети Интернет вне рамок процедур и оснований, установленных законодательством Российской Федерации.

К наиболее существенным позитивным обязательствам государства следует отнести:

- устранение различных форм цифрового неравенства в цифровом пространстве, обусловленных техническим и нетехническим факторами доступа в Интернет;
- обеспечение и защита в сети Интернет тех же прав, что и в реальном мире (если существо и природа права не требуют иного).

6. Действующие ограничения доступа в Интернет в Российской Федерации вводятся для целей охраны публичных и частных интересов, и могут носить как индивидуально-определенный, так и общий характер. Индивидуально-определенные ограничения вводятся в силу специфического правового статуса лица (например, в отношении военнослужащих), ограничения общего характера – в силу намерения государства разрешить противоречия, возникающие в ходе реализации возможностей, предоставляемых Интернетом (в частности, противоречия между неприкосновенностью частной жизни, личной и семейной тайной, тайной сообщений (ст. 23 Конституции Российской Федерации) и публичными интересами).

7. Ограничения доступа в сеть Интернет и (или) к отдельным интернет-ресурсам, применяемые в Российской Федерации осуществляются на основании федеральных законов и, по общему правилу, соответствуют критерию правомерных целей ограничения прав и свобод человека и гражданина, установленному в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации. Для лучшего балансирования частных и публичных интересов в отношении блокировок, осуществляемых в административном порядке, следует ввести в законодательство новеллу о возможности собственников ресурсов инициировать проведение предварительного судебного контроля по принятому в административном порядке решению, с приостановлением блокировки.

Теоретическую значимость исследования определяют содержащиеся в нем выводы и предложения, а также тот фактический материал, на который они опираются. Сформулированные в работе выводы развивают и дополняют теоретические основы конституционного права в части развития концепции прав человека, уточнения тенденций и перспектив их развития в Российской Федерации с учетом тенденций развития общественных отношений и информационных технологий.

Практическая значимость исследования определяется его направленностью на реализацию конституционного принципа примата прав и свобод человека и гражданина в условиях информационного общества. Содержащиеся в работе выводы и предложения имеют широкую область практического применения и могут быть использованы:

- а) в законодательном процессе;
- б) в правоприменительной деятельности судебных и иных государственных органов;
- в) научно-исследовательской деятельности;
- г) в учебном процессе.

Достоверность результатов диссертационного исследования определяется тем, что оно проведено автором единолично, самостоятельно, с

использованием анализа нормативных правовых актов, судебной практики России и зарубежных стран, а также достижений российской и зарубежной юридической науки.

Личный вклад автора. Выносимые на защиту результаты получены лично автором.

Апробация результатов исследования. Основные положения, выводы и рекомендации отражены в опубликованных девяти статьях в научных изданиях, в том числе в семи изданиях, рекомендованных ВАК. Также основные выводы исследования представлены посредством выступлений на конференциях: VIII Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей и молодых ученых «Определенность и неопределенность права как парные категории» (25 апреля 2017 года, Москва, РГУП), а также на Международной научно-практической конференции «Верность Конституции», посвященной 80-летию со дня рождения профессора, доктора юридических наук Николая Васильевича Витрука, (2 ноября 2017 года, Москва, РГУП).

Структура работы обусловлена целями и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, объединяющих семь параграфов, заключения и библиографического списка литературы.

ГЛАВА 1. СЕТЬ ИНТЕРНЕТ И ДОСТУП К НЕЙ В ПРАВОВОМ ИЗМЕРЕНИИ

§ 1. Понятие сети Интернет и доступа в Интернет

В современных условиях научно-технический прогресс оказывает все большее влияние на развитие общественной жизни. Одним из существенных результатов технического прогресса является феномен, известный под названием «Интернет». Мы постоянно пользуемся Интернетом, он все глубже проникает во все сферы общественной жизни, что вместе с тем обуславливает потребность в понимании его сущности не только в бытовом смысле (который достаточно хорошо осознан), но и в плоскости правовой науки, в частности, конституционного права.

В настоящее время в отечественной и зарубежной юридической литературе ведутся обсуждения, касающиеся различных правовых аспектов Интернета. Одно из направлений – дискуссия, разворачивающаяся вокруг права на доступ в эту глобальную компьютерную сеть, истоки которой можно отыскать задолго до возникновения сети Интернет в современном виде.

Так, в литературе в качестве одной из предтеч этой концепции рассматривают парадигму свободного потока информации, которая занимала видное место в послевоенной разработке международных документов, и продвигалась Соединенными Штатами Америки и их союзниками на Западе¹¹. Эта идея заявлялась не только в целях противодействия пропаганде и цензуре, но и как право человека само по себе, вместе с другими важными правами и свободами, такими как свобода выражения мнения, право на развитие и мир. Несмотря на определенные основания рассматривать данную идею как предшествующую идее права на доступ в Интернет, следует усомниться в том, что в тот исторический

---

¹¹ Penney J.W. Internet Access Rights: A Brief History and Intellectual Origins // William Mitchell Law Review. 2011. Vol. 38. Iss. 1. P.21

период действительно имело место продвижение данных идей ради заявленных целей, а не её использование исключительно в целях отстаивания геополитических интересов США, так как в то же время развитие получили идеи маккартизма и «красной угрозы»¹².

Ещё одной предтечей называют право на коммуникацию, идею которого высказал официальный представитель ООН Жан д'Арси в 1969 году, суть которой заключалась в том, что для коммуникации людей между собой требуются материальные и духовные условия, «без которых реальное осуществление этого права оказывается невозможным»¹³. В 1980 году эта правовая концепция получила развитие и состоялась попытка международного признания усилиями ЮНЕСКО, когда была принята резолюция на Генеральной конференции в Белграде¹⁴ о том, что это право «общества, этнических и социальных групп и отдельных лиц иметь доступ к источникам информации и активно участвовать в процессе коммуникации» (абз. 11, п.14. раз. 4/20).

Впоследствии это право не получило практической реализации в силу того, что для государств предполагались международные обязательства предоставить меры поддержки для людей в реализации этого права, однако же этого не случилось, «так как ни страны первого, ни третьего мира не имели ресурсов или не захотели оказывать поддержку или субсидировать»¹⁵ реализацию этого права.

В правовых системах некоторых государств, а также в нормотворческой деятельности международных организаций существует тенденция рассмотрения Интернета как особого, чрезвычайно значимого блага, подлежащего конституционно-правовой охране. Это происходит в контексте развития

---

¹² Крашенинникова, Н. А. История государства и права зарубежных стран. В 2 томах.: Том 2: Современная эпоха: учебник / отв. ред. Крашенинникова Н. А., - Москва: Норма, ИНФРА-М, 2020. С.152.

¹³ Терин В.П. Массовая коммуникация. Исследование опыта Запада. М., 2000. С. 197.

¹⁴ UNESCO Res. 4/19, Recs. of the General Conference, 21st Sess., Vol. 1, Sept. 23–Oct. 28, 1980 at 69 URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000114029>. (дата обращения: 11.03.2023)

¹⁵ Penney J.W. Internet Access Rights: A Brief History and Intellectual Origins // William Mitchell Law Review. 2011. Vol. 38. Iss. 1. P.19

возникших в середине XX века концепций нового мирового информационного порядка (НМИП), а затем информационного общества. «Суть этой концепции заключалась в том, что должен быть установлен новый, более справедливый международный порядок в сфере информации и коммуникации, основанный на равном участии всех государств в международном информационном обмене; преодолены диспропорции в обмене информацией между развитыми и развивающимися государствами; развивающиеся государства должны получить право на помощь международных организаций, других государств в развитии ими собственных систем информации»¹⁶.

Идея нового мирового порядка, в свою очередь, стала основой для развития концепции информационного общества¹⁷. Один из известных апологетов концепции информационного общества, Дэниэл Белл, в работе «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования»¹⁸ использовал термин «информационное общество» в контексте несколько видоизмененной парадигмы постиндустриального общества; автор подчеркивает, что важнейшим производительным ресурсом становится информация, и тот, кто ею владеет, легко получает самый удобный доступ к разнообразным социальным и материальным благам. По его мнению, решающее значение для экономической и социальной жизни, для способов производства знания, а также для характера трудовой деятельности человека приобретет становление нового социального уклада, зиждущегося на телекоммуникациях¹⁹.

---

¹⁶ Талимончик В. П. Международно-правовое регулирование отношений информационного обмена / В. П. Талимончик — «Юридический центр», 2011. URL: litres.ru/valentina-talimonchik/mezhdunarodno-pravovoe-regulirovanie-otnosheniy-informacionnogo-obmena/ (дата обращения: 28.02.2023).

¹⁷ Талимончик В. П. Там же.

¹⁸ Белл Д. Социальные рамки информационного общества. Перевод с английского / Под общ. ред. П.С. Гуревича, пер. Ю.В. Никуличева // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1988. С. 67.

¹⁹ Там же.

Исследование, проведенное Мартином Гилбертом и Присциллой Лопез (Martin Hilbert, Priscila Lopez)²⁰ показывает, что количество ежегодно производимой человечеством информации постоянно растет и достигает астрономических величин, и Интернет здесь играет одну из ведущих ролей. Каждый обладатель доступа к телекоммуникационной сети может в одночасье донести любые мысли, любое свое произведение до десятков, сотен, тысяч, а в отдельных случаях – и миллионов людей. Не будет большим преувеличением сказать, что Интернет и есть фактическое выражение информационного общества²¹.

Следует охарактеризовать и современные работы исследователей-конституционалистов. Так, Э.В. Талапина исследует право на доступ в Интернет в качестве одной из гарантий реализации права на информацию, делая вывод о том, что «мы накануне международного признания нового фундаментального права – права на доступ в Интернет»²².

А.А. Щербович анализирует возможное содержание данного права, называя в качестве его составляющих качественный сервис и доступ к технологическим возможностям, свободу выбора и использования устройств и программного обеспечения, с которых осуществляется доступ, сетевую и технологическую нейтральность, запрет дискриминации сетевого трафика и качества услуг, обеспечение максимального охвата для доступа с мобильных устройств в общественных местах²³.

---

²⁰ Hilbert Martin, Lopez Priscila. The world's Technological capacity to Store, Communicate, and Compute information // URL: https://www.researchgate.net/publication/49826525_The_World's_Technological_Capacity_to_Store_Communicate_and_Compute_Information (дата обращения: 27.02.2022).

²¹ Зиновьева Е. С. Международно-политические аспекты развития Интернета // Вестник МГИМО. 2013. №4 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-politicheskie-aspekty-razvitiya-interneta> (дата обращения: 21.02.2023).

²² Талапина Э.В. Право на информацию в свете теории субъективного публичного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 6. С. 81.

²³ Щербович А.А. Реализация конституционных прав и свобод в Интернете: Монография. М.: ТЕИС, 2015. С. 147.

Анализ статуса права на доступ в Интернет в международном праве, анализ понятия свободного и недискриминационного доступа к этой сети, апробацию применимости функционального подхода к международному нормотворчеству для обоснования закрепления права на доступ в Интернет в качестве фундаментального права человека дает А.В. Пазюк²⁴.

В зарубежных исследованиях доступ в Интернет нередко рассматривается как средство реализации права на свободу выражения мнения. Так, обязательства государств по обеспечению доступа в Интернет, а также соответствующие позиции международных организаций исследует Андрис Меллакаулс (Andris Mellakauls)²⁵, где он, ссылаясь на «непревзойдённый потенциал» Интернета для свободы выражения мнения, ставит вопрос о том, не следует ли Совету Европы рассмотреть возможность принятия дополнительного протокола к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, и о том, какие в связи с этим позитивные обязательства государства должны включаться в этот протокол.

Близкое исследование, касающееся возможностей глобальной компьютерной сети для объединения людей, проводили Дуглас Ратцен и Джейкоб Зенн (Douglas Rutzen, Jacob Zenn), с той разницей, что мотивом для него послужили протестные явления на Ближнем Востоке и стремление правительств, против которых были направлены протесты, противостоять им и ограничить возможности человека свободно выражать свое мнение через ограничение или блокирование доступа к сети²⁶.

---

²⁴ Пазюк А.В. Доступ к Интернету: права человека или универсальная услуга с точки зрения международного права // URL: <https://digital.report/dostup-k-internetu/> (дата обращения: 28.03.2022)..

²⁵ Andris Mellakauls. Access to the Internet – a human right? // URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=0900001680474fb0> (дата обращения: 27.02.2022).

²⁶ Douglas Rutzen, Jacob Zenn. Association and Assembly in the Digital Age // URL: <https://www.icnl.org/resources/research/ijnl/association-and-assembly-in-the-digital-age-2> (дата обращения: 27.02.2022).

Ученые-конституционалисты Поль де Херт, Дариус Клоза (Paul De Hert, Dariusz Kloza) справедливо отмечают, что в условиях действующего регулирования, доступ в сеть Интернет уже обладает некоторой правовой защитой в силу действующих гарантий права на свободное выражение убеждений и мнений, предусмотренных статьей 19 Всеобщей Декларации Прав человека²⁷, а также статьей 19 Международного пакта о гражданских и политических правах²⁸, в то же время они отмечают, что эта защита не полная, что вызывает сложности в отстаивании прав, предусмотренных данными статьями, когда речь идет об их реализации посредством сети Интернет. Проблема также усугубляется разностью подходов к ограничениям этих прав в разных юрисдикциях, отдельные способы реализации права на свободу выражения мнения допустимы в одних юрисдикциях, но запрещены в других²⁹.

В более поздней работе Поля де Херта, написанной в соавторстве с Линой Джасмонтейт (Lina Jasmontaite), отмечается, что интернет-доступ больше, чем просто инструмент, обслуживающий право на свободу выражения убеждений и других взаимосвязанных прав, он также связан с правом на участие в общественной жизни³⁰.

Впрочем, отнюдь не все ученые юристы позитивно относятся к идее доступа в Интернет в качестве самостоятельного права, встречается точка зрения, что доступ в Интернет может рассматриваться в качестве «вспомогательного» права. К

---

²⁷ Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН // Российская газета. 1995. 5 апреля.

²⁸ Международный пакт от 16 декабря 1966 г. «О гражданских и политических правах» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

²⁹ Paul De Hert, Dariusz Kloza. Internet (access) as a new fundamental right. Inflating the current rights framework? European Journal of Law and Technology, Vol. 3. No. 3, 2012. URL: <https://www.ejlt.org/index.php/ejlt/article/view/123/268> (дата обращения: 20.02.2023)

³⁰ Jasmontaite Lina, De Hert Paul. Access to the Internet in the EU: a Policy Priority, a Fundamental, a Human Right, or a Concern of eGovernment? in Wagner, B., C. Kettemann, M. & Vieth, K. (eds.), Research Handbook on Human Rights and Digital Technology: Global Politics, Law and International Relations, Cheltenham, United Kingdom: Edward Elgar Publishing, Vol. 6. No 19. February 2020 P. 15. URL: <https://brusselsprivacyhub.eu/publications/BPH-Working-Paper-VOL6-N19.pdf> (дата обращения: 20.02.2023)

такому выводу приходят Райан Шендлер и Дафна Канетти (Shandler Ryan, Canetti Daphna), хотя они и не отрицают возможности того, что это право может стать самостоятельным в будущем³¹.

Ещё более осторожно к признанию доступа в Интернет относится Никола Лучи (Lucchi Nicola), предостерегая от скоропалительного признания новых прав, аргументируя это тем, что возникают риски обесценивания всех прочих прав человека, а также указывает, что по причине существующего экономического неравенства будет сложно обеспечить соблюдение принципа равных возможностей реализации этого права человека³².

Нельзя не упомянуть и известного конституционалиста Лоуренса Лессига (Lawrence Lessig), проводящего обширные изыскания в отношении места Интернета в современной жизни. Интересно, в частности, его оригинальное отношение к программному коду (тексту компьютерной программы на языке программирования) в качестве закона нового качества, а также исследование возможностей объединения людей для совместной деятельности посредством интернет-доступа³³, и влияния Интернета «за пределами самого интернета, о его воздействии на процесс формирования культуры»³⁴.

Таким образом, в научной литературе идет дискуссия о праве на доступ в Интернет как новом праве человека со своим собственным содержанием. Как будет показано в § 2 главы 1 настоящей работы, это право уже признано в ряде

---

³¹ Shandler Ryan, Canetti Daphna. A Reality of Vulnerability and Dependence: Internet Access as a Human Right. *Israel Law Review*, 52(1), P.96 URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/israel-law-review/article/abs/reality-of-vulnerability-and-dependence-internet-access-as-a-human-right/20B747C454E16B7257954C34D800807B> (дата обращения: 20.02.2023)

³² Lucchi Nicola. The role of Internet access in enabling individual's rights and freedoms. *European University Institute - RSCAS working paper*. URL: https://www.researchgate.net/publication/241276736_The_role_of_Internet_access_in_enabling_individual%27s_rights_and_freedoms (дата обращения: 20.02.2023).

³³ Lawrence Lessig. Code 2.0 // URL: <http://codev2.cc/download+remix/Lessig-Codev2.pdf> (дата обращения: 27.02.2022).

³⁴ Лессиг Л. Свободная культура/Пер. с англ. — М.: Прагматика Культуры, 2007. С.38

государств, а также на международном уровне. Стоит вопрос о соотношении права на доступ в Интернет с другими правами, в первую очередь с правом каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ч.4 ст. 29 Конституции России),³⁵ далее – «право на информацию». Интернет зачастую воспринимается как новый способ реализации права на доступ к информации, поскольку является совокупностью магистралей для ее передачи. Право на доступ в Интернет понимается и как «ответвление права на информацию, стремящееся приобрести самостоятельное правовое значение»³⁶.

В настоящей диссертации развиваются идеи о том, что доступ в Интернет возможно рассматривать именно как отдельное (самостоятельное) право человека и гражданина, нуждающееся в правовом закреплении и защите. Постановка вопроса о необходимости рассмотрения права на доступ в Интернет в качестве самостоятельного права актуальна по ряду причин, при этом «классическое» право на информацию свою актуальность не утрачивает, напротив, происходит усложнение его предмета, и вопросы технологических способов взаимодействия с информацией уходят на второй план. Так, если ранее «право на информацию» традиционно включало в себя гарантии свободного поиска, получения, производства информации, то сейчас особую актуальность имеет и вопрос достоверности этой информации. Это стало заметно на событиях последнего десятилетия и особенно последних лет, когда геополитические события и пандемия коронавирусной инфекции Covid-19 показали, сколь негативные последствия

---

³⁵ Конституция Российской Федерации. Принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ.) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 6 октября 2022 года.

³⁶ Талапина Э.В. Право на информацию в свете теории субъективного публичного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 6. С. 80.

может нести доступная, но недостоверная информация. Здесь нельзя не согласиться с С.А. Авакьяном, отметившим, что «придуманы сотни способов преподнесения нам информации под видом как достоверной, так и недостоверной, которая делает личность беззащитной от Сети»³⁷.

Необходимость же рассмотрения доступа в Интернет в качестве самостоятельного права происходит по причине перехода в данную компьютерную сеть все большего числа общественных отношений. Человек, не обладающий доступом в эту компьютерную сеть, лишается возможности участвовать в этих отношениях, многие из которых непосредственно связаны с реализацией конституционных прав, и это будет в работе продемонстрировано. То есть, в случае с Интернетом сама возможность доступа становится конституционно значимой, что дает основания поставить вопрос о конституционно-правовом регулировании доступа в Интернет.

В юридической литературе признано, что права и свободы человека и гражданина (основные права, конституционные права) представляют собой ядро правового положения личности в обществе и государстве, являются субъективными правами, поскольку принадлежат каждому отдельному гражданину³⁸. «Права человека носят незыблемый, фундаментальный (статусный) характер»³⁹. «Они призваны определять вид и меру возможного поведения лица, стремящегося к какому-либо благу»⁴⁰. Как писал Н.В. Витрук, «Объектом субъективных прав служат явления и предметы окружающего нас мира, способные удовлетворить потребности и интересы носителей прав. Обобщенно говоря, это разнообразные материальные, духовные и личные блага и ценности. Благо

---

³⁷ Авакьян С.А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 26.

³⁸ Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. М., 1997. С. 153 – 154.

³⁹ Алексеев С. С. Права человека: энциклопедический словарь / отв. ред. С.С. Алексеев. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2019. С.155.

⁴⁰ Троицкая А. Основные права: происхождение, юридическая природа и пределы защиты // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 1. С. 65.

характеризует объекты стремлений человека, условия его жизнедеятельности»⁴¹. Анализ права на доступ в Интернет оправданно начать с определения объекта данного права, т.е. блага, стремление к которому этим правом защищается.

Для целей настоящего исследования необходимо определить то, чем является Интернет, какие его отличительные и уникальные особенности, которые способствовали его осмыслению с конституционно-правовых позиций, а также определить, что следует понимать под доступом в Интернет.

Прежде всего следует указать, что в нормативных актах Российской Федерации не содержится прямого определения того, что следует понимать под термином «сеть Интернет». В Законе об информации встречается понятие «информационно-телекоммуникационная сеть», под которой подразумевается «технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники» (п. 4 ст. 2). В постановлении Правительства РФ от 16 ноября 2015 г. № 1236 можно обнаружить указание, что Интернет представляет собой частный случай информационно-телекоммуникационной сети общего доступа (пп. «б» п. 38 Правил)⁴².

Следует учесть, что законодательство знает и другой похожий термин – «сеть связи общего пользования», который в соответствии с ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 7 июля 2003 года № 126-ФЗ «О связи»⁴³ (далее – Закон о связи) подразумевает сеть, предназначенную «для возмездного оказания услуг электросвязи любому пользователю услугами связи на территории Российской Федерации и включает в себя сети электросвязи, определяемые географически в

---

⁴¹ Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: НОРМА, 2008. // СПС «КонсультантПлюс».

⁴² Постановление Правительства РФ от 16 ноября 2015 г. № 1236 (ред. от 28.12.2022) "Об установлении запрета на допуск программного обеспечения, происходящего из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд".

⁴³ Федеральный закон от 7 июля 2003 года № 126-ФЗ «О связи» (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 14.07.2003. № 28. Ст. 2895.

пределах обслуживаемой территории и ресурса нумерации и не определяемые географически в пределах территории Российской Федерации и ресурса нумерации, а также сети связи, определяемые по технологии реализации оказания услуг связи». На наш взгляд, возможно рассматривать понятие «сеть Интернет» как пример сети связи общего пользования. В пользу этой возможности можно привести логический довод о том, что Интернет является сетью, связавшей весь мир, и теоретически её может использовать любой человек. Также в пользу говорит и Постановление Правительства РФ от 21 января 2022 г. № 29 «Об утверждении Правил присоединения сетей электросвязи и их взаимодействия и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации»⁴⁴, где в п. 3 Правил указано, что сеть связи общего пользования включает в себя «иные сети связи, определяемые по технологии реализации оказания услуг связи», под которыми в соответствии с пп. а) п.5 подразумеваются «сети передачи данных». Поэтому в работе под терминами «Интернет», «сеть Интернет», мы подразумеваем информационно-телекоммуникационную сеть общего пользования «Интернет».

Отсутствие прямого нормативного определения понятия «сеть Интернет» порождает попытки выработать данное определение на доктринальном уровне. В диссертационной работе по конституционному праву М. А. Погореловой обнаруживается попытка дать определение Интернету. Здесь указывается, что Интернет - это «глобальная информационно-телекоммуникационная сеть общего пользования, реализующая информационно-техническую, компьютерно-программную и кибернетико-логическую системную интеграцию в единое информационное пространство и единую архитектуру совокупностей самостоятельных структурно-сетевых и отдельных информационных ресурсов

---

⁴⁴ Постановление Правительства РФ от 21.01.2022 № 29 «Об утверждении Правил присоединения сетей электросвязи и их взаимодействия и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 26.01.2022.

(интернет-сайтов), маркируемых позволяющими их идентифицировать доменными адресами и размещенных на программно-технически подключенных к этой сети серверах и иных компьютерных технических устройствах, с помощью их логического и программного соединения на основе специальных программных протоколов связей между этими ресурсами (включая протоколы управления передачей/получением данных) в рамках единого системно-логически взаимосвязанного доменно-адресного пространства, для обеспечения непосредственного или опосредованного (через провайдера) доступа к таким информационным ресурсам посредством гипертекстовых (гипермедиа) технологий, технологий поиска информации и технологий доменных имен, а также обеспечения обмена информацией посредством электронно-почтовых, чатовых и иных компьютерно-программных служб»⁴⁵.

Данное определение, очень подробное и обстоятельное, не лишено недостатков и уже устарело. В нём прослеживается параллель между понятиями «информационный ресурс» и «интернет-сайт», хотя в действительности не всякое устройство, подключенное к сети Интернет, вообще предназначено для сценария взаимодействия подобного взаимодействию с интернет-сайтом (например, удаленное подключение к рабочему столу или использование мессенджера на смартфоне).

В самом общем виде Интернет представляет собой информационно-технологический феномен, а именно сеть компьютерных сетей, объединение компьютеров в единую глобальную инфраструктуру, способную быть хранилищем, средой создания и распространения информации. Подобно компьютерам, соединенным между собой для обмена данными в сеть, технология Интернета объединяет целые сети в единое целое, умножая их возможности.

---

⁴⁵ Погорелова М.А. Конституционные гарантии свободы слова и права доступа к информации в сети Интернет. дисс. канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2010. С. 21.

Для того чтобы передача между сетями была возможна, помимо информационных магистралей требуется идентификация и адресация конкретных устройств в Интернете. За эти процессы отвечают наборы правил Transmission Control Protocol / Internet Protocol (протоколы TCP/IP)⁴⁶. В соответствии с этими протоколами каждому устройству присваивается уникальный адрес (IP-адрес, Internet Protocol Address), исходя из которого определяется маршрут доставки данных. Успешная адресация оборудования пользователя в ресурсе IP-адресов Интернета позволяет констатировать факт того, что это оборудование стало частью этой компьютерной сети и может отправлять и получать информацию в ее пределах. При этом сам по себе этот факт не гарантирует возможности получения и передачи информации в конкретном случае, т.е. появления полноценного доступа. Немаловажно и качество подключения, его скоростные характеристики и стабильность, ибо в противном случае номинально интернет-ресурс может быть доступен, но воспользоваться им не представляется возможным, либо это чрезвычайно затруднительно. Значимо и отсутствие технических мер, направленных на ограничение взаимодействий внутри компьютерной сети.

Говоря обобщенно, Интернет с технологической точки зрения можно понимать как *глобальную интегрированную протоколами TCP/IP технологическую систему передачи данных по линиям связи*.

Необходимо отметить, что помимо компьютерной сети Интернет существуют и иные сети. Так, в профильной литературе⁴⁷ приводится классификация компьютерных сетей, это локальные вычислительные сети, глобальные вычислительные сети, городские (региональные) сети. Отдельные сети, интегрированные с Интернетом, могут утрачивать это свойство интеграции.

Представляется недостаточным рассмотрение Интернета исключительно в качестве средства передачи информации, каким он был с самого начала. В

---

⁴⁶ Кобылянский В. Г. Сетевые информационные технологии. Моделирование и основные протоколы компьютерных сетей: учебное пособие. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2021. С.9

⁴⁷ Урбанович П. П. Компьютерные сети: учебное пособие. Москва; Вологда: Инфра-Инженерия, 2022. С.23-25

настоящее время можно находиться в любой точке мира и иметь теоретическую возможность доступа к абсолютно любому устройству, подключенному к этой сети – к компьютеру, смартфону, автомобилю, видеокамере, телевизору и многим другим. Круг этих устройств только расширяется, добавляются все новые и новые возможности взаимодействия с разнообразной техникой. В науке права о нем говорится как о самостоятельном пространстве⁴⁸. При этом данное пространство невозможно рассматривать в качестве однородного, так как степень его внедрения в повседневную жизнь различается и значительно коррелирует с уровнем жизни и материального благополучия. И это закономерно, так как для доступа в Интернет требуется оборудование, которое доступно не всем, необходима сама возможность подключиться к сети, что также требует денежных вложений. Обеспечивает передачу информации и соответствующая инфраструктура, которая может быть предназначена для стационарного и мобильного доступа в сеть. Все эти факторы обуславливают материальные затраты, которые приходится нести всем участникам отношений, связанных с поддержанием информационного обмена по данной сети. Исследование, проведенное Барбарой Дэвидсон (Barbara Davidson) в 2020 году, показало, что стоимость стационарного доступа в Интернет в разных государствах колеблется и составляет от 0,68% до 2792.56% от средней заработной платы в соответствующем государстве⁴⁹.

Далее для целей настоящего исследования необходимо определить, что понимать под доступом в Интернет. Сложившиеся реалии таковы, что пользователь Интернета не является исключительно потребителем информации, как это было с радио, телевидением, печатными СМИ. Это означает, что вряд ли корректно увязывать доступ в Интернет исключительно с доступом к информации в нем, равно как и составляющие работы в Интернете – исключительно с

---

⁴⁸ Анисимова А.С. Механизм правового регулирования Интернет-отношений: проблемы теории и практики / А.С. Анисимова. Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. С.36.

⁴⁹ Barbara Davidson. Which Countries Have the Most Affordable Internet? // URL: <https://www.netcredit.com/blog/which-countries-have-most-affordable-internet/> (дата обращения: 27.02.2022)

распространением информации. В этом случае происходило бы чрезмерное упрощение рассматриваемого явления.

Само по себе подключение к компьютерной сети фактически не порождает сколь-либо значимых последствий для личности. С другой стороны, без подключения какая-либо деятельность в сети Интернет невозможна. Это позволяет судить о неразрывном единстве двух аспектов – подключения к Интернету и возможности осуществления деятельности (работы) в нем. Под доступом в Интернет можно понимать возможность подключения к этой компьютерной сети, а также возможность работы в ней: использования ее информационных ресурсов, самостоятельного и активного распространения информации, создания информационных ресурсов и предоставления возможности доступа к ним для других лиц. Это же единство проявляется и при анализе условий (факторов), обеспечивающих реализацию доступа в Интернет, которые можно условно разделить на технические и нетехнические. Здесь возникает задача конкретизации этих условий, при которых имеется реальная возможность реализовать право на доступ в Интернет, так как «... для осуществления любых прав необходимо, чтобы они принадлежали данному лицу, были у него в наличии, чтобы он имел реальную возможность пользоваться ими»⁵⁰. Определение этих условий (факторов) поможет установить и юридическое содержание данного права.

Доступ в Интернет обеспечивается при соблюдении следующих *технических условий (факторов)*:

- *наличие у пользователя компьютерной сети оборудования*, позволяющего работать в Интернете;

- *наличие инфраструктуры провайдера – оператора связи*, обладающего техническими возможностями для предоставления адресации оборудованию пользователя в Интернете и осуществляющего прием и передачу информации в соответствии с запросами от оборудования пользователя;

---

⁵⁰ Воеводин Л.Д. Указ. соч. С. 158.

- успешное предоставление оборудованию адресации в Интернете;
- отсутствие ограничений для приема и передачи информации со стороны оборудования и программного обеспечения, посредством которого сознательно осуществляется блокировка приема и передачи информации (сетевых экранов);
- наличие в достаточной степени качественного соединения с сетью Интернет⁵¹.

Техническая составляющая доступа в Интернет онтологически объединена с нетехническими факторами, оказывающими несколько иное, но не менее важное влияние на реализацию такого доступа. Один из этих факторов имеет субъективный характер, другой – объективный.

Субъективный фактор связан с пользователем сети. Место Интернета в жизни конкретного индивида определяется его собственными интеллектуальными, культурными, экономическими, физическими и другими возможностями и потребностями. Особенное значение имеет техническая грамотность пользователя; к сожалению, не каждый способен приобщиться к информационным технологиям самостоятельно, что особенно заметно на людях старшего поколения. Различная проблематика, связанная с субъективным фактором, составляет комплексную проблему цифрового неравенства, а именно, отсутствие равных возможностей использовать доступ в Интернет. Имеется интересная точка зрения о том, что «лучше быть выключенным из Интернета, чем быть подключенным, но не иметь компетенций и ресурсов, необходимых для эффективной работы в Сети»⁵². По нашему мнению, данная точка зрения получает ещё большее подкрепление в ситуации распространения различных правонарушений и мошенничества, которые

---

⁵¹ В профильной литературе выделяют разные характеристики качества сетевого соединения: производительность, надежность и безопасность, расширяемость и масштабируемость, прозрачность, поддержка разных видов трафика, управляемость, совместимость. См. подробнее: Урбанович П. П. Компьютерные сети: учебное пособие. Москва; Вологда: Инфра-Инженерия, 2022. С.50

⁵² Иванов А.Ю. Контроль монополизации в условиях цифровой экономики: первая часть дискуссии о пятом антимонопольном пакете // Закон. 2018. № 2. // СПС «КонсультантПлюс».

осуществляются во многом благодаря невысокому уровню технических компетенций пострадавших людей.

Объективный фактор заключается в складывающейся политике государства по отношению к доступу в Интернет, потенциальным возможностям Интернета, обеспечению их реализации, а также деятельности компаний, предоставляющих различные услуги посредством компьютерной сети Интернет. Государство и бизнес выступают так называемыми мультистейкхолдерами⁵³, заинтересованными субъектами, оказывающими заметное влияние на доступ в сеть Интернет. Следует признать, что Интернет трансграничен, но, несмотря на это, степень его проникновения в жизнь людей, проживающих в том или ином государстве, в заметной степени определяется властями этого государства, и единой устоявшейся практики в этом вопросе не имеется. Схожее влияние оказывает и бизнес, инвестирующий в развитие инфраструктуры для доступа в Интернет, а также предлагающий услуги, мотивирующие пользователей использовать данную сеть.

В частности, известно об ограничениях в отношении Интернета, принятых в Китае, где действует государственная система интернет-цензуры (также известная как «Золотой Щит», или «Великий Китайский файрвол»), ограничивающая доступ к сетевым ресурсам в случае обнаружения слов из «черного списка». Кроме того, там закрыт доступ к таким ресурсам как Google, Facebook, YouTube, Instagram, Twitter, сайт «Википедии» на всех языках, сайт международной правозащитной организации Amnesty International, ресурсам различных иностранных СМИ – The New York Times, The Independent, Bloomberg, BBC и другим⁵⁴. В целом, правовое регулирование интернет-отношений в Китае имеет весьма длительную историю развития. В литературе отмечается, что оно началось 23 января 1993 года, с

---

⁵³ Правовое пространство: границы и динамика: монография / Ю.А. Тихомиров, А.А. Головина, И.В. Плюгина [и др.]; отв. ред. Ю.А. Тихомиров. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2021. С.61

⁵⁴ «Великий файрвол»: особенности интернета в Китае // URL: <http://tass.ru/info/2530474> (дата обращения: 28.02.2022).

принятием Государственным Советом «Временного положения об управлении международной связью компьютерной информационной сети», впоследствии 8 декабря 1997 г. были приняты конкретизирующие «Подробные меры по реализации временного положения»⁵⁵. Если обратиться к тексту этого Временного положения, то в нём обнаруживается множество ограничений разного рода, к примеру, запрет частным лицам устанавливать подключения к международным телекоммуникационным сетям, минуя каналы, представляемые Министерством Почты и Телекоммуникаций (статья 6), а для получения доступа требуется регистрация (статья 10)⁵⁶. Учитывая длительный период развития правового регулирования доступа в Интернет в Китае, нельзя не согласиться с точкой зрения о том, что «по сравнению с другими юрисдикциями в Китае принят беспрецедентный подход к организации информационной безопасности и осуществлению контроля за реализацией коммуникативного аспекта информации»⁵⁷.

Весьма изменчива эволюция объективного фактора на Кубе. Прежде государственные инициативы были направлены на развитие Интернета в домохозяйствах, где ранее доступ к глобальной сети имелся только у ученых, преподавателей и врачей, теперь же с появлением мобильного доступа в Интернет ситуация стала улучшаться⁵⁸. Однако протесты в 2021 году вызвали реакцию местной власти, выразившуюся в принятии ряда мер, направленных на

---

⁵⁵ Jack Linchuan Qiu. Virtual censorship in China: keeping the gate between the cyberspaces // International Journal of Communications Law and Policy. Winter 1999/2000. Issue 4. URL: https://ciaotest.cc.columbia.edu/olj/ijclp/ijclp_4/ijclp_4a.pdf (дата обращения: 20.11.2022)

⁵⁶ Interim Regulations on the Management of International networking of Computer Information // URL: <https://wipolex.wipo.int/en/text/182413> (дата обращения: 20.11.2022)

⁵⁷ Азизов Р.Ф. Правовые аспекты функционирования сети Интернет в китайской Народной Республике // Пенитенциарная наука. 2015. №1 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-aspekty-funktsionirovaniya-seti-internet-v-kitayskoy-narodnoy-respublike> (дата обращения: 20.11.2022).

⁵⁸ Как мобильный интернет за год изменил жизнь Кубы // URL: <https://rg.ru/2019/12/06/kak-mobilnyj-internet-za-god-izmenil-zhizn-kuby.html> (дата обращения: 28.02.2022).

осуществление контроля доступа в сеть Интернет⁵⁹. К примеру, в соответствии со статьей 69 Декрета-закона № 35 от 17 августа 2021 г. «О коммуникациях, информационно-коммуникационных технологиях и использовании радио-электрического спектра», операторы должны осуществлять технические меры для минимизации рисков, связанных с использованием их сетей, в том числе прерывать оказание услуг, в случае, если сети используются для воздействия на других операторов или стран или для передачи ложной информации, оскорбления или нанесения ущерба человеческому достоинству; распространения сексуального, дискриминационного содержания и т.д.⁶⁰. Данного рода меры подразумевают осуществление контроля за поведением пользователей.

Своеобразна история развития Интернета в Иране. В этом известном консерватизмом государстве Интернет поначалу развивался стихийно, без каких-либо ограничений, однако впоследствии возможность доступа строго ограничилась, особенно серьезно Интернет стал контролироваться после массовых протестов 2009 года. Но и в этом государстве в последнее время расширяются возможности интернет-доступа. В августе 2014 года операторы сотовой связи Ирана получили лицензии на предоставление мобильного доступа по стандартам 3G и 4G⁶¹. Однако в дальнейшем тотальное ограничение доступа снова повторилось⁶². В 2021 году была попытка принятия акта в области регулирования Интернета в Иране, названного как «Закон о защите пользователей», который был

---

⁵⁹ Cuba passes internet censorship and cybersecurity law URL: <https://therecord.media/cuba-passes-internet-censorship-and-cybersecurity-law/> (дата обращения: 21.11.2022).

⁶⁰ Decreto-ley no. 35 de las telecomunicaciones, las tecnologías de la información y la comunicación y el uso del espectro radioeléctrico. Gaceta Oficial No. 92 Ordinaria de 17 de agosto de 2021 // URL: <https://www.mined.gob.cu/document/gaceta-oficial-no-92-ordinaria-de-17-de-agosto-de-2021/> (дата обращения: 22.11.2022)

⁶¹ Tehran Unfeters Cellphones, and the Pictures Start Flowing // URL: <https://www.nytimes.com/2014/09/03/world/asia/iran-speeds-up-cellphone-connections.html> (дата обращения: 02.03.2022).

⁶² Суверенный "конец света": как Иран жил неделю без интернета // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7189991> (дата обращения: 28.02.2022).

сперва отклонен Президиумом Парламента⁶³, и подвергался критике как ограничивающий права человека. Однако отдельные части данного акта вошли в текст Постановления о полномочиях Высшей комиссии по регулированию Высшего совета киберпространства⁶⁴.

Нельзя не отметить, что ограничение доступа к Интернету и возможности работать в нем может исходить не только от государства. Операторы сотовой мобильной связи ранее осуществляли попытки ограничить, а то и вовсе запретить работу крупнейших сервисов передачи текстовых сообщений и голосовой связи вследствие того, что передача голоса по тарифам интернет-трафика зачастую обходится существенно дешевле, чем обычная телефония. Особенно это касалось междугородной и международной связи. Попытка ограничения предпринималась, в частности, телекоммуникационной компанией «Фирма Тел», которая в 2010 году инициировала блокировку трафика популярного сервиса интернет-телефонии Skype. Среди операторов так называемой «Большой тройки» – Мегафон, МТС, Билайн – также распространено негативное отношение к данному сервису. И это не вызывает удивления: например, еще в 2010 году доля потерь российских операторов от работы Skype оценивалась в 6,7 млрд рублей⁶⁵. Вмешательства такого рода достаточно распространены, и формируют проблему так называемого «сетевого нейтралитета»⁶⁶. Кроме того, в 2022 году в Российской Федерации приостановили работу множество ресурсов и компаний, осуществляющих деятельность в сети Интернет, тем самым ограничив россиян в реализации возможностей, предлагаемых всемирной компьютерной сетью. Так, о прекращении

---

⁶³ Letter to Iran, Regarding the Regulatory System for Cyberspace Services Bill. URL: <https://www.eff.org/ru/deeplinks/2022/03/letter-iran-regarding-regulatory-system-cyberspace-services-bill> (дата обращения 25.11.2022).

⁶⁴ URL: <https://way2pay.ir/285280/> (дата обращения 25.11.2022).

⁶⁵ МТС требует зарегулировать деятельность Skype в России. http://www.cnews.ru/news/top/mts_trebuat_zaregulirovat_deyatelnost (дата обращения: 28.02.2022).

⁶⁶ См. подробнее например: Богдановская И.Ю. Сетевая нейтральность: политико-правовые аспекты (на примере опыта США) // Информационное право. 2015. № 4. С. 39 - 44.

своей работы заявляли ведущие мировые поставщики программного обеспечения: Microsoft, Oracle, SAP, Autodesk⁶⁷.

Все это свидетельствует о том, что на Интернет как на важнейшее благо регулярно производятся посягательства как со стороны государственной власти, так и крупного бизнеса.

Исследуя Интернет, его роль в жизни общества, нельзя не затронуть тему и возможных его альтернатив. В самом деле, сам Интернет является продуктом разнообразных фундаментальных научных исследований, серьезно изменивших жизнь человека на большей части земного шара. Конечно, развитие технологий, и политика государств по отношению к Интернету порождают явления, способные в той или иной степени рассматриваться как его альтернативы. Важно уделить внимание этим альтернативам по той причине, что они также являются результатом развития информационных технологий и обладают функциональной схожестью с Интернетом. Их исследование позволяет, в свою очередь, понять присущие им достоинства и недостатки и определить на их фоне ценность Интернета как блага, достойного считаться объектом прав человека и гражданина.

На Кубе выработалась своеобразная альтернатива Интернету в привычном его понимании. Как отмечалось выше, доступ в Интернет там возможен не для всех слоев населения. Этот факт породил собой специфический полулегальный бизнес по распространению на электронных носителях большого объема контента, загруженного из Интернета, – своеобразных подборок информации, которую в других странах пользователи получают напрямую. Суть данной инициативы состоит в следующем: еженедельно формируется массив из различных файлов объемом до терабайта (1024 гигабайта), который переписывается курьерами на компьютеры заказчиков. Стоимость таких услуг составляет приблизительно два доллара США (равносильно стоимости часа работы в публичной Wi-Fi сети).

---

⁶⁷ Крупнейшие IT-компании покидают Россию. URL: <https://www.vesti.ru/hitech/article/2685316> (дата обращения: 06.03.2022).

Массив включает в себя видеоролики, кинофильмы, музыку, программное обеспечение, электронные книги и журналы, фотографии, и даже полные копии некоторых Интернет-ресурсов⁶⁸.

В Иране сложилась несколько иная, но схожая с Кубой ситуация. Здесь практикуется передача заготовленных массивов данных по спутниковому телеканалу, а полученная информация затем перерабатывается на компьютере в подборку файлов из Интернета. Почва для такой альтернативы Интернета в Иране весьма благоприятна, так как количество домохозяйств со спутниковым оборудованием оценивается в 70% процентов⁶⁹.

Во Франции с конца 1970-х годов существовала сеть под названием Минитель (некоторое время – параллельно с Интернетом), где подключение информационных терминалов осуществлялось по линиям телефонной связи. Вместо сайтов там работали «информационные киоски», доступ в сеть оплачивался поминутно, но функционал имел много схожих черт с Интернетом. Отмечается, что на пике своего развития сеть насчитывала 9 миллионов терминалов, установленных в домохозяйствах, 25 миллионов пользователей и 26000 сервисов⁷⁰. Сеть проработала 30 лет и была свернута 1 июля 2012 года, длительное время выдержав конкуренцию с Интернетом.

Помимо Минитель, ставшей результатом развития информационных технологий, примечателен пример Северной Кореи, государства, руководствовавшегося политическими мотивами при создании своей специфической сети, функционировавшей отдельно от Интернета, получившей название Кванмен. Несмотря на отделенность компьютерной сети, интернет-сайты

---

⁶⁸ This is Cuba's Netflix, Hulu, and Spotify – all without the internet // URL: <http://www.vox.com/2015/9/21/9352095/netflix-cuba-paquete-internet> (дата обращения: 02.03.2022).

⁶⁹ Iran: Regime admits over 40% Iranians view satellite TV despite crackdown // URL: <https://www.wired.com/2016/04/ingenious-way-iranians-using-satellite-tv-beam-banned-data/> (дата обращения: 02.03.2022).

⁷⁰ Minitel: The rise and fall of the France-wide web // URL: <http://www.bbc.com/news/magazine-18610692> (дата обращения: 03.03.2022).

туда попадают после прохождения цензуры в Корейском компьютерном центре, который осуществляет выгрузку по заявкам уполномоченных лиц. При этом сам доступ в Интернет является прерогативой высшего руководства, ученых, а также иностранных организаций и консульских учреждений, сообщения в СМИ свидетельствуют о наличии порядка 1024 IP-адресов⁷¹. В то же время нельзя не отметить и позитивный момент: по сообщениям СМИ, в стране ведется круглосуточная работа 2000 переводчиков по переводу материалов из Интернета на государственный язык⁷², что естественно сказывается положительно на доступности информации. При этом доступ бесплатен и неограничен⁷³. Таким образом, отождествлять внутреннюю сеть Северной Кореи с сетью Интернет можно только очень условно, ситуация скорее напоминает большую библиотеку информации, где ее специально подготавливают для доступа (каталогизируют, переводят, цензурят). Такая модель распространения информации фактически делает невозможным ее оперативное обновление и актуализацию, что придает сети еще большее сходство с библиотекой.

Интернет изначально был разработан как средство эффективной доставки информации, способной адаптироваться под складывающуюся ситуацию, и продолжает таковым оставаться и по сей день. Анализ показывает, что наиболее развиты альтернативы Интернету в странах, где имеются существенные ограничения доступа к глобальной компьютерной сети, обусловленные политическими и экономическими причинами. Несмотря на то, что данные альтернативы невозможно рассматривать в качестве полноценной замены Интернету, в них можно обнаружить и позитивные элементы: обеспечение

---

⁷¹ North Korea Loses Its Link to the Internet // URL: https://www.nytimes.com/2014/12/23/world/asia/attack-is-suspected-as-north-korean-internet-collapses.html?_r=0 (дата обращения: 02.03.2022).

⁷² В Северной Корее работает только 28 сайтов // URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2801510> (дата обращения: 02.03.2021).

⁷³ Чучхе онлайн: что гуглят друзья Ким Чен Ына // URL: https://www.gazeta.ru/tech/2017/07/26/10804556/north_korea_internet.shtml (дата обращения: 02.03.2022).

бесплатного доступа в Северной Корее, перевод информационного содержания на доступный пониманию населения язык; в случае Кубы и Ирана – получение готовой систематизированной подборки информации, сравнительно высокий уровень информационной безопасности подборки (в случае полноценного доступа в сеть обеспечение схожего уровня безопасности требует от пользователя определенных навыков), отсутствие нежелательного информационного наполнения (навязчивая реклама, вредоносное программное обеспечение, и т.д.), с которым часто приходится сталкиваться во время работы в Интернете. Но вместе с тем у Интернета имеется ряд отличительных особенностей, которые не позволяют рассматривать вышеуказанные решения в качестве полноценной замены Интернету.

Что же конкретно влечет людей в Интернет, и что позволяет его рассматривать в качестве общечеловеческой ценности? Ведь существуют и другие виды связи, как, например, почтовая или радиотелефонная.

Как мы указывали выше, не существует исчерпывающего перечня возможностей, которые предоставляет Интернет, конкретные возможности определяются потребностями и возможностями интернет-пользователя, а также политикой государства в отношении данной сети. Интернет всеобъемлющ: заменяет радио, телефон, телевидение, позволяет получать дистанционное образование, телемедицинскую помощь, управлять техникой из любой точки земного шара, осуществлять различную экономическую деятельность, предоставляет доступ к культурным ценностям. Естественно, такой объем возможностей не доступен в случае почтовой и радиотелефонной связи.

Благодаря Интернету появились новые формы коммуникации: огромной популярностью пользуются социальные сети, ставшие ни много ни мало новым средством общения людей. Так, по состоянию на 2020 год число пользователей

крупнейшей социальной сети Facebook составило 2,5 миллиарда человек⁷⁴. В России наиболее популярна социальная сеть «ВКонтакте», ее ежемесячная аудитория составляет более 72,5 миллионов человек⁷⁵. Таким образом, отличительной особенностью Интернета является *широта предлагаемых возможностей для реализации личностью своего потенциала*, которая принципиально доступна пользователям этой компьютерной сети, и не может быть реализована сейчас при помощи другой компьютерной сети, не говоря про радиотелефонную и почтовую связь.

Далее, Интернет де-факто стал олицетворением нового, *глобального информационного общества, став средой взаимодействия его участников*. Глобальность – та ключевая характеристика, которая обеспечивает Интернету большую часть его возможностей. Став средством, связавшим страны и континенты, Интернет тем самым стал и средой глобального взаимодействия, не имеющего аналогов среди других средств передачи информации и других компьютерных сетей. Функционал Интернета постоянно расширяется, возникают новые возможности для осуществления разнообразной деятельности, в том числе направленной на реализацию конституционных прав. Потенциал Интернета в этом отношении гораздо шире, чем мы можем себе представить, что во многом обусловлено его постоянным транснациональным развитием, и широтой предлагаемых возможностей.

Интернет перестал быть простой информационной магистралью, по которой осуществляется циркуляция информации. Фактически он является средством доступа к реализации множества благ, которые существуют в современном информационном обществе. Количество таких благ постоянно расширяется, и не представляется возможным представить их исчерпывающий перечень. Многие из этих благ непосредственно связаны с реализацией прав человека, ставшей

---

⁷⁴ Число пользователей Facebook достигло трети населения планеты // URL: <https://lenta.ru/news/2020/01/30/facebook/> (дата обращения: 05.03.2022).

⁷⁵ «ВКонтакте» подвела итоги 2021 г.: 72.5 млн. пользователей в России и 1.2 млрд. просмотров видео в день // URL: <https://cnews.ru/link/n544629> (дата обращения: 05.03.2022).

возможной как в реальном мире, так и в виртуальном пространстве, и будут рассмотрены в настоящей диссертации далее. Некоторые механизмы общественных взаимодействий и вовсе получают «второе дыхание», что касается, прежде всего, народовластия, которое впервые за длительный период развития общества вновь получило возможность стать непосредственным, предоставить населению возможность непосредственного влияния на решение важнейших государственных вопросов. Имеется и пример кардинального изменения реализации конституционного права – этим примером является право на информацию. Здесь убираются многие ограничения, бывшие ранее объективной данностью (высокая стоимость услуг по передаче информации, невозможность мгновенной передачи информации в любой возможной форме из любого местоположения и другие), информация становится доступна повсеместно, в любое время суток, бесплатно или гораздо дешевле, чем прежде. Единственные возможные ограничения этого права, которые остались и объективно сохраняют свое действие, основываются на законе. И здесь имеется отрицательный аспект, – информация стала, в частности, гораздо более уязвимой в плане доступа к ней лиц, не имеющих на то законных оснований. В целом это позволяет говорить об Интернете в качестве *средства трансформации способов доступа к прежним, хорошо известным благам и расширения их содержания.*

По данным социологического опроса, проведенного в 2010 году компанией BBC среди 27 тысяч человек в 26 странах, возможность доступа в Интернет рассматривается в качестве неотъемлемого права четырьмя из пяти опрошенных⁷⁶. В 2014 году, по данным исследования российского Фонда общественного мнения, доля совершеннолетних россиян, пользующихся Интернетом ежедневно, впервые

---

⁷⁶ Опрос Би-би-си: доступ к интернету – неотъемлемое право // URL: http://www.bbc.com/russian/international/2010/03/100308_internet_poll.shtml (дата обращения: 06.02.2022).

достигла 50%⁷⁷. В 2011 году российский сегмент Интернета принес 1% в ВВП страны, по состоянию на 2014 год – 2,2%, в 2015 году – 2,3%⁷⁸, а в 2019 – около 4%⁷⁹.

Принимая во внимание тот факт, что Интернет выступает в роли мощного инструмента, содействующего реализации прав и свобод человека, а по отношению к некоторым правам выступает средством, расширяющим их содержание, именно Интернет отчетливо воспринимается в массовом сознании в качестве *самостоятельного блага*, доступ к которому, как следствие, должен быть отнесен к правам человека.

Несмотря на попытки изолирования сетей, наличие как естественно возникших, так и специально созданных по политическим мотивам «цифровых барьеров», Интернет не теряет своего планетарного значения, а информационные потоки, в отношении которых власти пытаются ввести ограничения, все равно находят другие, обходные пути распространения. Это позволяет усомниться в возможности практической реализации полноценной и контролируемой одним государством альтернативы глобальной сети Интернет.

Здесь интересным примером является технология создания сетей ячеистой топологии⁸⁰. Благодаря ей пользователи способны разворачивать компьютерную сеть без помощи государства или организаций, занимающихся созданием и эксплуатацией компьютерных сетей. Теоретически возможно даже создание глобального общего пространства доступа через объединение Wi-Fi-сетей; получение, таким образом, некоего аналога сети сотовой связи. Возможно и

---

⁷⁷ Социологи: половина россиян ежедневно заходит в интернет // URL: http://www.bbc.com/russian/russia/2014/07/140701_levada_internet_poll (дата обращения: 02.02.2022).

⁷⁸ РАЭК: доля интернета в ВВП РФ в 2015 г выросла до 2,3% с 2,2% // URL: <https://ria.ru/economy/20160413/1409780623.html> (дата обращения: 02.02.2022).

⁷⁹ Кириенко сообщил, что доля интернет-компаний в ВВП РФ составляет около 4% // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3937701> (дата обращения: 06.03.2022)

⁸⁰ Знакомимся с реализацией свободной mesh-сети // URL: <http://samag.ru/archive/article/1731> (дата обращения: 06.03.2022).

обеспечение доступа в Интернет в местах, где магистральную линию связи строить не выгодно. Уже существуют действующие примеры реализации сетей для доступа в Интернет по таковой модели. К примеру, в Испании зародился проект Guifi.net, в городе Гурб с населением 2500 человек, который долго оставался без развитой оптоволоконной магистрали, что делало качественное подключение к глобальной сети недоступным⁸¹. На сегодняшний момент это крупнейшая сеть такого рода в мире, которая проникла за пределы региона возникновения, и распространяется в другие государства Европейского Союза.

Вместе с тем нельзя отрицать необходимость создания инфраструктуры для передачи информации в пределах Российской Федерации, способной выступить в качестве альтернативы Интернету при возникновении экстремальных ситуаций. Интернет не является абсолютно надежным изобретением; как и с любой технологией, с ним могут возникать сложности. При этом сложности эти могут быть вызваны как техногенными проблемами, так и целенаправленным нанесением вреда или стихийными бедствиями. Имеются случаи нанесения вреда государственным интересам через распространение вредоносного программного обеспечения. Так, вредоносная программа, получившая название Stuxnet, смогла нанести существенный ущерб иранской ядерной программе. Это происшествие стали расценивать как первый случай применения промышленного кибероружия⁸².

Ситуация усугубляется ещё и тем, что и сам Интернет, и особенно множество связанных с ним инженерно-технических решений, оборудования, программного обеспечения находится в пределах технологического суверенитета Соединенных Штатов Америки. В качестве иллюстрирующего примера влияния этого суверенитета на права и свободы человека стал скандал вокруг программы PRISM,

---

⁸¹ Forget comcast. Here's the diy approach to internet access // URL: <https://www.wired.com/2016/07/forget-comcast-heres-the-diy-approach-to-internet-access/#.jr4wdjp1e> (дата обращения: 05.03.2022).

⁸² Марков А.С., Фадин, А.А. Организационно-технические проблемы защиты от целевых вредоносных программ типа Stuxnet // Вопросы кибербезопасности. 2013. № 1(1). С. 28-36.

когда стало известно о фактах глобальной слежки, которой не мешало наличие государственных границ⁸³, тем самым были созданы условия для масштабного нарушения прав и свобод человека на неприкосновенность личной жизни и нарушения тайны переписки. В значительной степени такие события стали следствием почти неограниченного суверенитета данного государства, сконцентрировавшего массу технологий, и сделавшего ограничение доступа к ним частью своей внешней политики⁸⁴. Таким образом, создание собственной инфраструктуры может рассматриваться также в качестве средства, обеспечивающего защиту прав и свобод человека. В законодательстве Российской Федерации идея обеспечения технологического суверенитета получила рассмотрение в Указе Президента от 12 апреля 2021 г. № 213 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности», где в качестве основных направлений государственной политики по обеспечению технологического суверенитета рассматривается (пп. а) п. 17) создание условий для противодействия использованию отдельными государствами технологического доминирования и монополизации ими различных сегментов рынка информационно-коммуникационных технологий, включая основные информационные ресурсы, критическую информационную инфраструктуру, ключевые технологии, продукты и услуги, а также (пп. б): содействие обеспечению безопасного и стабильного функционирования и развития информационно-телекоммуникационной сети "Интернет...»⁸⁵.

---

⁸³ Интернет оказался под PRISMой спецслужб. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2207917> (дата обращения: 08.03.2023)

⁸⁴ Новые технологические санкции могут сказаться на параллельном импорте. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/02/27/964338-novie-sanktsii-mogut-skazatsya-na-parallelnom-importe> (дата обращения: 08.03.2023)

⁸⁵ Указ Президента РФ от 12 апреля 2021 года № 213 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 12 апреля 2021 года.

В качестве одного из примеров эффективного результата создания собственной инфраструктуры следует рассматривать Систему передачи финансовых сообщений (СПФС), разработанной в качестве аналога системы SWIFT,⁸⁶ которая оказалась очень актуальной в 2022 году⁸⁷. Подобные решения не должны являться, однако, заменой Интернету, а быть исключительно средством обеспечения прав граждан и интересов государства в случае чрезвычайных ситуаций, военных действий, масштабных техногенных аварий. Так, в 2022 году после введения антироссийских санкций проявилась другая проблема – отсутствие поддержки сертификатов подлинности интернет-сайтов, в результате которой возникли риски подмены данных сайтов мошенническими, и ряд сайтов стали недоступными, что вынудило Минцифры разработать собственные сертификаты⁸⁸.

Потенциал Интернета слишком широк и всеобъемлющ, чтобы от него возможно было отказаться без ущерба для экономики, научного и культурного прогресса. Интернет нуждается в регулировании на уровне государства, прежде всего, с точки зрения обеспечения его развития, принятия мер, способствующих раскрытию его потенциала для личности, общества и государства, а не ограничения.

Доступ в Интернет, в силу трансграничной природы этой сети и ее технологической пластичности де-факто исходит от личности и может обеспечиваться ею же, Интернет в значительной степени саморазвивающаяся структура, в нем действует принцип «инновации без разрешения»⁸⁹. Государственные ограничительные механизмы не способны полностью воспрепятствовать реализации этого доступа. Более того, даже в случае

---

⁸⁶ Российские банки защитились от отключений из Брюсселя // URL: <http://izvestia.ru/news/601876> (дата обращения: 16.04.2022).

⁸⁷ Как отключение от SWIFT повлияет на жизнь простых россиян URL: <https://www.vesti.ru/finance/article/2683312> (дата обращения: 06.03.2022)

⁸⁸ Отечественные TLS-сертификаты стали доступны для скачивания на "Госуслугах" // URL: <https://tass.ru/ekonomika/15793463> (дата обращения: 18.03.2023)

⁸⁹ Грачева С.А. Черемисинова М.Е. Вопросы конституционного обеспечения цифровых прав // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2018. № 4 (32). С. 59.

наибольших ограничений в отношении Интернета, принятых по модели Северной Кореи, речь идет скорее о создании альтернативы глобальной компьютерной сети, а не об общем запрете такой модели обмена информацией. Эти инициативы явно проигрывают Интернету, хотя и в них можно обнаружить некоторые позитивные черты.

Выявив отличительные и уникальные особенности Интернета, следует констатировать, что:

1. Интернет – сеть компьютерных сетей общего доступа, благо, которое в силу следующих своих качеств может рассматриваться как общечеловеческая ценность и объект прав личности:

- широта предлагаемых возможностей для личности в реализации своего потенциала;

- среда взаимодействия для участников глобального информационного общества;

- средство трансформации доступа к благам и расширения их содержания;

- ценность в общественном сознании в качестве самостоятельного блага.

2. Под доступом в Интернет следует понимать возможность подключения к этой компьютерной сети, а также работы в ней.

3. Доступ в Интернет предопределяется двумя типами факторов – техническим и нетехническим. К техническому следует отнести:

- наличие у пользователя компьютерной сети оборудования, позволяющего работать в Интернете;

- наличие инфраструктуры провайдера – оператора связи, обладающего техническими возможностями для предоставления IP-адреса оборудованию пользователя в Интернете и осуществляющего прием и передачу информации в соответствии с запросами от оборудования пользователя;

- успешное предоставление оборудованию IP-адреса в глобальной компьютерной сети;

- отсутствие ограничений для приема и передачи информации со стороны оборудования и программного обеспечения, посредством которого сознательно осуществляется блокировка приема и передачи информации (сетевых экранов);

- наличие в достаточной степени качественного соединения с сетью.

Нетехнический фактор является комплексным, и включает в себя:

- субъективный фактор, а именно совокупность знаний, способностей личности, позволяющую реализовать потенциальные возможности сети Интернет;

- объективный фактор, заключающийся в политике государства по отношению к доступу в Интернет, его потенциальным возможностям, обеспечению возможности их реализации личностью.

Вышесказанное позволяет утверждать, что Интернет стал объектом устремлений человека, благом, обладающим уникальными чертами, который невозможно заменить чем-либо еще, что в свою очередь позволяет его рассматривать в качестве объекта прав человека.

§ 2. Право на доступ в Интернет как самостоятельное право: внутригосударственный и международный опыт формализации

Следующим важным аспектом, который следует осветить при исследовании права на доступ в Интернет, является опыт, наработанный различными государствами в пределах своих юрисдикций, а также положения, обнаруживающиеся в межгосударственных соглашениях и в актах международных организаций, как имеющих отношение к признанию этого нового права как самостоятельного, так и затрагивающих технический и нетехнический факторы доступа. Этот подход обуславливается рядом соображений.

Учитывая, что мы исследуем новое конституционное право человека, и учитывая, что права человека носят универсальный характер, и на современном этапе развития являются универсальным стандартом, в значительной степени определяющим правовой статус личности, полагаем, что подобный анализ имеет смысл. Интернет становится значимым для самых разных государств, и всё больше

законодательных органов обращают внимание на эту сферу, однако мы далеки от идеи возможности прямой рецепции норм и решений, принятых в столь разнообразных правопорядках. Интерес представляет здесь «правовой инструментарий», а именно «логические ходы, применяемые при конструировании правовых норм и институтов⁹⁰». Такой «правовой инструментарий» будет полезен при формировании авторской концепции права на доступ в Интернет как самостоятельного права, определения его содержания, а также позволит оценить применимость предложенного в предыдущем параграфе подхода, касающегося выделения технического и нетехнического факторов доступа в сеть при систематизации наработанного правового инструментария.

Важным вопросом является то, право каких именно государств, а также акты каких именно международных организаций и какие международные соглашения следует исследовать. Идеальным вариантом было бы, конечно, исчерпывающе исследовать регулирование всех государств, где доступ в Интернет активно развивается, с целью выделить общее и особенное в имеющихся подходах, касающихся доступа в Интернет и ограничений этого доступа, а также рассмотреть все акты международных организаций и межгосударственных соглашений. Однако следует согласиться с позицией А.А. Троицкой в том, что «...исчерпывающий анализ абсолютно всех имеющихся вариантов построения конституционно-правовой нормы или института – это нереалистичная задача, но все же учет позиций, существенно дополняющих представления о конституционно-правовых смыслах тех или иных норм или институтов (и собственно, постоянное расширение знания о таких позициях) составляет важную часть работы»⁹¹.

Что касается выбора государств, представляющих наибольший интерес для исследования, мы полагаем, что надлежит рассмотреть те из них, где право на доступ в Интернет получило юридическую формализацию в том или ином виде,

---

⁹⁰ Троицкая А.А. Сравнительный метод в науке конституционного права и решениях органов конституционного контроля. дисс. док. юрид. наук: 12.00.02. М., 2020. С. 260.

⁹¹ Троицкая А.А. Указ. соч. С. 272.

при этом в поле рассмотрения должны попасть государства, расположенные в разных регионах мира. Что же касается международных организаций, то здесь важным будет сделать ряд ремарок, касающихся текущей геополитической ситуации. Ряд рассмотренных ниже документов является актами Совета Европы, который Россия покинула с 16 марта 2022 года, но наш взгляд, это не имеет существенного значения в рамках данной работы в силу того, что выход из международной организации не несёт ущерба для академического интереса к сформулированным в актах этой организации концепциям.

Юридическое закрепление права на доступ в Интернет существует, хотя и далеко не повсеместно; его можно обнаружить как на государственном, так и на международном уровнях. Нередко это право формулируется в судебных актах. При этом исследуемые документы могут касаться как одновременно технического и нетехнического факторов доступа, так и по отдельности.

В параграфе мы начнем с национального уровня правового регулирования, охарактеризуем в хронологическом порядке случаи, когда государства закрепляли в своих конституциях это право, и приведем примеры, как это конституционное положение реализуется в национальном законодательстве, затем рассмотрим случаи, когда в конституциях закрепляются положения, непосредственно касающиеся технического и/или нетехнического факторов доступа, далее уделим внимание случаям, когда о наличии права на доступ в Интернет говорят судебные органы и органы конституционного контроля в своих актах. После мы отдельно также рассмотрим случаи формализации права на доступ в Интернет в законодательстве без закрепления этого права в основных законах государств.

Затем в хронологическом порядке мы рассмотрим ряд межгосударственных соглашений и актов международных организаций, имеющих отношение к признанию этого права в качестве самостоятельного и рассмотрим положения, касающиеся технического и нетехнического факторов доступа.

Государством, напрямую закрепившим право на доступ в Интернет, стала Мексика. В Конституцию этого государства от 5 февраля 1917 года Декретом от 11

июня 2013 года⁹² были внесены изменения, в соответствии с которыми в абз. 3 ст. 60 было установлено обязательство государства гарантировать доступ к информации и коммуникационным технологиям, доступ к службам радиопередач, телекоммуникациям и широкополосному Интернету. С этой целью государство должно способствовать установлению условий для эффективной конкуренции в предоставлении этих услуг. Как видно, данные обязательства государства касаются одновременно технического и нетехнического факторов доступа.

Помимо этого, обнаруживается интересный пример из судебной практики, связанный с этой статьей Конституции Мексики, под названием «Алестра против Мексиканского Института Промышленной Собственности». Суть дела состояла в том, что сайт в сети Интернет незаконно распространял музыкальные произведения, и был заблокирован. Владелец сайта, представляемый своим провайдером, обратился в Мексиканский Верховный Суд Справедливости за защитой конституционного права на выражение мнения. Суд согласился с этими доводами, и в своем решении от 19 апреля 2017 года № 1/2017⁹³ счел, что меры, направленные на блокировку доступа к сайту, чрезмерны и непропорциональны, так как затрагивают интересы не только владельца ресурса, но и обычных пользователей, их конституционное право на свободный доступ к информации, свободное выражение мнения. Суд также отметил, что блокировка конкретного содержания сайта, его отдельных страниц, нарушающих авторские права, была бы соразмерна целям защиты авторского права.

Другим государством, пошедшим по пути прямого закрепления гарантий, относящихся к нетехническому фактору доступа в сеть Интернет, стала Республика Непал. Согласно ч. 2 ст. 19 Конституции Непала от 20 сентября 2015 года «радио,

---

⁹² Decreto por el que se reforman y adicionan diversas disposiciones de los artículos 60., 70., 27, 28, 73, 78, 94 y 105 de la Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos, en materia de telecomunicaciones // URL: http://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/ref/dof/CPEUM_ref_208_11jun13.pdf (дата обращения: 07.03.2022).

⁹³ Amparo en revisión 1/2017 // URL: <https://globalfreedomofexpression.columbia.edu/wp-content/uploads/2017/07/SC-Internet-Ruling.pdf> (дата обращения: 07.03.2022).

телевидение, Интернет или другие формы цифрового или электронного оборудования, пресса или любые иные средства коммуникаций и распространения информации, эфирного вещания или передачи любых новостей ... не могут быть закрыты, изъяты или подвергнуты прекращению регистрации в связи с произведенными публикациями, трансляцией или изданием таких материалов на аудио-, аудиовизуальном или электронном оборудовании»⁹⁴.

В числе актов, направленных на регулирование среды телекоммуникаций в Непале, следует отметить «Акт об электронных транзакциях, 2063 (2008)»⁹⁵. В законе содержится подробное регулирование проведения коммерческих и финансовых транзакций, а также некоторые важные аспекты, касающиеся ограничения ответственности провайдеров (п. 43), устанавливается ответственность за различные нарушения, касающиеся функционирования электронных коммуникаций безопасности информации (ч. 9).

Существуют государства, которые также закрепили в своих конституциях отдельные положения, касающиеся технического и/или нетехнического факторов доступа в сеть Интернет, рассмотрение которых нельзя оставить в стороне, так как они свидетельствуют о возложении государством на себя ряда обязательств, касающихся доступности Интернета. Можно сказать, что эти государства подошли вплотную к формализации права на доступ в Интернет на конституционном уровне.

Интересное в этом отношении положение обнаруживается в Конституции Венесуэлы⁹⁶, принятой на референдуме 15 декабря 1999 г. В статье 108 было закреплено положение о том, что государство гарантирует общественное радио и

---

⁹⁴ The Constitution of Nepal // URL: <http://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/np/np029en.pdf> (дата обращения: 07.03.2022).

⁹⁵ The Electronic Transactions Act // URL: <http://www.tepc.gov.np/uploads/files/12the-electronic-transaction-act55.pdf> (дата обращения: 07.03.2022).

⁹⁶ Constitucion de la Republica Bolivariana de Venezuela // URL: https://www.oas.org/dil/esp/constitucion_venezuela.pdf (дата обращения: 01.02.2022).

телевидение, а также библиотеки и компьютерные сети с целью обеспечения всеобщего доступа к информации.

Схожей нормой обладает и Конституция Португалии от 25 апреля 1976 года, в п. 6 ст. 35 которой Конституционным законом № 1/2001 от 12 декабря 2001 года⁹⁷ было добавлено положение о том, что каждому должен быть гарантирован свободный доступ к общедоступным компьютерным сетям, однако не имеется указания на то, что имеется в виду именно сеть Интернет, что оставляет теоретическую возможность для замещения доступа в Интернет доступом в другую компьютерную сеть.

На наш взгляд, в обоих этих случаях речь идет одновременно и о техническом и о нетехническом факторах доступа, под общедоступной компьютерной сетью должна подразумеваться в первую очередь именно сеть Интернет, по той причине, что это – наиболее известная, развитая и распространенная общедоступная компьютерная сеть, а также по причине ее влияния на права и свободы личности, что позволяет рассматривать доступ к ней как предмет конституционного регулирования.

Нетехнический субъективный фактор доступа затрагивается в п.7 ст. 347 Конституции Эквадора⁹⁸, принятой на референдуме 28 сентября 2008 года, где говорится об обязательстве государства по искоренению неграмотности, в том числе и цифровой. Схожая норма обнаруживается в принятой сравнительно недавно Конституции Египта⁹⁹, одобренной на референдуме 14 и 15 января 2014 года, где об этом же обязательстве говорится в статье 25.

Хотя данные нормы и не тождественны прямому закреплению права на доступ в Интернет, вместе с тем они находятся с ним в тесной взаимосвязи, ибо

---

⁹⁷ Lei Constitucional n.º 1/2001 // URL: <https://dre.pt/web/guest/pesquisa/-/search/577358/details/normal?q=lei+constitucional> (дата обращения: 07.03.2022).

⁹⁸ Constitución de la República del Ecuador // URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/178829> (дата обращения: 07.03.2022).

⁹⁹ Конституция Египта январь 2014 // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=1013&attempt=1> (дата обращения: 07.03.2022).

специфическое образование будет неизбежно оказывать положительное влияние на субъективный фактор доступа в Интернет, расширяя возможности личности как к доступу в Интернет, так и возможности работать в нем.

Теперь рассмотрим другие случаи признания права на доступ в Интернет, где к выводу о наличии этого права пришли судебные органы, и в том числе органы конституционного контроля.

Государством с примечательным опытом в отношении права на доступ в Интернет является Франция. Во Франции право на доступ в Интернет также не закреплено в Конституции. Однако французскому законодателю все равно приходится разрабатывать регулирование по вопросам, касающимся доступа в глобальную сеть и возможностей работы в Интернете. Мотивацией такой деятельности послужило, в частности, активное обсуждение обществом поправок в Закон от 31 декабря 1979 года № 79-1204 «О воспрепятствовании свободе аборта»¹⁰⁰, которые позволили бы блокировать сайты, на которых размещена пропаганда против абортов. Недовольство возможностью принятия данной новации высказывали религиозные организации, утверждавшие, что это повлечет ущемление свободы слова, помешает высказывать мнения, связанные с негативной оценкой данной медицинской процедуры¹⁰¹.

Большой общественный резонанс вызвал Закон от 12 июня 2009 года № 2009–669 «О содействии распространению и охране прав при использовании произведений в сети Интернет» (Hadopi)¹⁰². Суть его заключалась в создании

---

¹⁰⁰ Code de la santé publique. Deuxième partie : Santé sexuelle et reproductive, droits de la femme et protection de la santé de l'enfant, de l'adolescent et du jeune adulte, Livre II : Interruption volontaire de grossesse // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006072665&dateTexte=20180328> (дата обращения: 26.03.2022).

¹⁰¹ À l'Assemblée, une centaine d'amendements contre le délit d'entrave à l'IVG // URL: <http://www.lefigaro.fr/politique/2016/11/29/01002-20161129ARTFIG00285--l-assemblee-une-centaine-d-amendements-contre-le-delit-d-entrave-a-l-ivg.php> (дата обращения: 26.03.2022).

¹⁰² LOI №° 2009-669 du 12 juin 2009 favorisant la diffusion et la protection de la creation sur internet // URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=324043 (дата обращения: 26.03.2022).

системы «трех предупреждений», в соответствии с которой по отношению к лицам, загрузившим из Интернета нелегальную копию объекта авторского права, за каждое последующее правонарушение применяются все более серьезные меры воздействия. В первоначальной редакции закона было возможно лишить нарушителя доступа в Интернет по решению суда, то есть фактически происходило вмешательство в технический фактор доступа в сеть. Но за все время действия закона данная мера воздействия применялась всего один раз¹⁰³. В конце концов, 22 апреля 2016 года на сессии Национального Собрания Франции была принята поправка № 8 к Hadopi о постепенной отмене данного механизма защиты авторских прав к 2022 году¹⁰⁴.

Этот закон примечателен ролью, которую он сыграл для признания права на доступ в Интернет во Франции. Конституционный Совет Франции, судебный орган конституционного контроля, к которому обратились депутаты Национальной Ассамблеи с запросом о проверке соответствия Конституции ряда положений Hadopi, в своем Постановлении от 10 июня 2009 года № 2009-580 DC отнес доступ в Интернет к основным правам и свободам человека, пришел к выводу о его важности для демократических процессов, а также для распространения идей и мнений (п. 12)¹⁰⁵.

В вопросе права на доступ в Интернет обращает на себя внимание опыт Коста-Рики. Несмотря на то, что Конституция этого государства не предусматривает прямого закрепления гарантий на доступ в глобальную компьютерную сеть, Конституционная палата Верховного суда в решении по делу № 10627 от 18 июня 2010 года пришла к выводу об отнесении данного доступа к

---

¹⁰³ Hadopi: 600 € d'amende et quinze jours de suspension pour un abonné // URL: <https://www.nextinpact.com/news/80487-hadopi-600-d-amende-et-quinze-jours-suspension-pour-abonne.htm> (дата обращения: 07.03.2022).

¹⁰⁴ À l'Assemblée nationale, quatre députés votent la mort de la Hadopi en 2022 // URL: <http://www.nextinpact.com/news/99663-a-assemblee-nationale-quatre-deputes-votent-mort-hadopi-en-2022.htm> (дата обращения: 07.03.2022).

¹⁰⁵ Décision n° 2009-580 DC du 10 juin 2009 // URL: <http://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/2009/2009-580-dc/decision-n-2009-580-dc-du-10-juin-2009.42666.html> (дата обращения: 07.03.2022).

основным правам человека. Заявитель, желающий получить подключение к Интернету, полагал, что отказом в обустройстве необходимой инфраструктуры нарушается его право на доступ в Интернет, и суд пришел к выводу о том, что этот доступ является необходимым инструментом для реализации основных прав человека, а на коста-риканский институт электроэнергетики налагается обязательство оказывать поддержку услуг электросвязи общего пользования, и, в частности, Интернета¹⁰⁶.

Достаточно своеобразно сложилась ситуация с правом на доступ в Интернет в Греции. В Конституции Греции от 11 июля 1975 года (с изменениями от 2001, 2008 годов), в ч. 2 ст. 5А, декларируется право, имеющее косвенное отношение к праву на доступ в Интернет: право каждого на участие в информационном обществе. «Облегчение доступа к информации в электронной форме, а равно ее производству, обмену и распространению, является обязанностью государства», – говорится там¹⁰⁷. Само же название статьи 5А звучит как «право на информацию», и прямого указания на то, что право на участие в информационном обществе соотносится с правом на доступ в Интернет, не обнаруживается.

Однако вопрос соотношения доступа в сеть Интернет и права на участие в информационном обществе рассматривался в греческой судебной практике. Судебная система Греции столкнулась с противостоянием правообладателей, представленных организациями коллективного управления правами, и греческих провайдеров интернет-доступа, и в 2012 году Афинский единоличный суд первой инстанции принял решение по делу «ГРАММО и другие организации коллективного управления правами против греческих провайдеров интернет-доступа» о защите от нарушений интеллектуальных прав в сети Интернет. В

---

¹⁰⁶ Resolución N° 10627 - 2010 // <http://proledi.ucr.ac.cr/wp-content/uploads/2018/10/CUADERNILLO-04-El-derecho-de-acceso-a-Internet-y-la-Libertad-de-Expresio%CC%81n.pdf> <https://nexuspj.poder-judicial.go.cr/document/sen-1-0007-483875> (дата обращения: 06.03.2024).

¹⁰⁷ The Constitution of Greece // URL: <http://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/gr/gr220en.pdf> (дата обращения: 21.04.2022).

решении 4658/2012 по этому делу суд постановил принять специальные технические меры для ограничения доступа к ресурсам сети Интернет, на которых в нарушение интересов правообладателей были размещены охраняемые произведения¹⁰⁸.

Спустя два года, в декабре 2014 года, Афинский единоличный суд первой инстанции в решении 13478/2014 пришел к выводу о том, что применение этих мер противоречит конституционному принципу соразмерности и конституционному праву на участие в информационном обществе. Данные меры признаны не отвечающими критериям необходимости и достаточности даже частично для целей защиты интеллектуальной собственности¹⁰⁹.

На примере Греции видно, что блокирование доступа к информационному ресурсу может рассматриваться как гораздо более серьезное явление, чем просто ограничение распространения информации, и доступ в Интернет напрямую увязывается с правом на участие в информационном обществе.

Интерес представляет и опыт Индии, где перед Верховным судом был поставлен ряд интересных вопросов, имеющих отношение к доступу в Интернет¹¹⁰. Это были вопросы (п.10): подпадает ли свобода слова, выражения мнений, ведения любой профессиональной деятельности, или осуществления иной деятельности, торговли или бизнеса через Интернет под фундаментальные права, предусмотренные частью 3 Конституции? На данный вопрос Суд ответил положительно, отметив, что распространение информации через Интернет соотносится со статьей 19 (1), так же, как и их ограничения со статьей 19 (2)

---

¹⁰⁸ Решение Афинского единоличного суда первой инстанции 4658/2012 // URL: http://www.eea.gr/system/uploads/asset/data/5336/piratia_diadiktiou.pdf (дата обращения: 21.04.2022).

¹⁰⁹ Решение Афинского единоличного суда первой инстанции 13478/2014 // URL: http://www.opi.gr/images/library/nomologia/politika/mpr/13478_2014.pdf (дата обращения: 07.03.2022).

¹¹⁰ WRIT PETITION (CIVIL) NO. 1031 OF 2019 and WRIT PETITION (CIVIL) NO. 1164 OF 2019 URL: https://main.sci.gov.in/supremecourt/2019/28817/28817_2019_2_1501_19350_Judgement_10-Jan-2020.pdf (дата обращения: 07.03.2022)

Конституции (п.26). Аналогично и с деятельностью через Интернет, Суд констатировал, что она обладает конституционной защитой в соответствии со ст. 19 (1) (g), а также может ограничиваться в соответствии с ст. 19 (6). Что особенно интересно, суд воздержался от прямого признания доступа в Интернет в качестве фундаментального права, мотивировав, что никто из советников не высказался в таком ключе (п. 28). При этом Суд критикует (п.23) позицию Винтона Грей Серфа, одного из ученых, стоявших у истоков разработки технологий Интернета, состоящей в том, что доступ в Интернет не может быть повышен до статуса права человека, так как является всего лишь инструментом для их реализации. Суд в ответ на это прямо указал, что не следует недооценивать распространенность и степень проникновения Интернета в жизнь каждого человека. Также Суд показал, что ссылка государства на невозможность частичного ограничения доступа к интернет-ресурсам, и через это обоснование полного ограничения Интернета государством, недопустима (п.75).

Всё это позволяет осторожно интерпретировать позицию Верховного Суда Индии, скорее как склоняющуюся к признанию права на доступ в Интернет в качестве самостоятельного права человека.

Следует рассмотреть также случаи принятия различных актов, в которых государства берут на себя различные обязательства, касающиеся обеспечения доступа в сеть Интернет.

Для исследования права на доступ в Интернет представляет интерес Эстония, чей опыт является одним из передовых примеров системного применения информационных технологий для реализации прав человека. Несмотря на то, что основной закон этой страны не содержит в себе каких-либо гарантий, касающихся непосредственно информационных технологий, это не мешает множеству достижений в данной области. Примечателен высокий уровень доступа населения к информационным магистралям, который возник благодаря активной

государственной политике в области компьютеризации, анонсированной в 1996 году¹¹¹.

Прямые гарантии создания условий доступа можно обнаружить в Законе от 15 ноября 2000 года «О публичной информации»¹¹², где параграфом 33 декларируется возможность для каждого человека получить доступ к общественной информации через Интернет в публичных библиотеках.

В СМИ справедливо высказывается мнение о том, что доступ в Интернет в Эстонии де-факто стал одним из гражданских прав человека¹¹³. Эстония – первая страна в мире, которая начала выстраивать систему электронного правительства, развила электронный документооборот, обеспечила для министров возможность принимать участие в работе правительства дистанционно¹¹⁴. По факту возникла целая система информационного общества, получившая название e-Estonia, включающая в себя 26 направлений информатизации, предоставляющих широкие возможности для реализации гражданских прав¹¹⁵.

Проникновение информационных технологий в общественную жизнь Эстонии не могло не породить казусы, ставшие предметом судебного рассмотрения. В Верховном Суде Эстонии рассматривалось дело «Обращение Ромео Калды о признании незаконными действий Тартуской тюрьмы в части отказа в доступе к интернет-сайтам www.coe.ee, www.oiguskantsler.ee и www.riigikogu.ee» в кассационном порядке. Суть казуса изначально состояла в обжаловании решения администрации тюрьмы Тарту, в соответствии с которым было вмешательство в

---

¹¹¹ The Tiger University program // URL: <https://www.itcollege.ee/en/it-college/foundation-management/the-tiger-university/the-tiger-university-program/> (дата обращения: 07.02.2022).

¹¹² Public Information Act. Passed 15.11.2000 RT I 2000, 92, 597 // URL: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/ee/Riigikogu/act/518012016001/consolide> (дата обращения: 07.02.2022).

¹¹³ Эстония погружается в интернет-пространство // URL: https://www.1tv.ru/news/2011/06/19/124026-estoniya_pogruzhaetsya_v_internet_prostranstvo (дата обращения: 07.03.2022).

¹¹⁴ Woodard C. Estonia, where being wired is a human right // URL: <http://www.csmonitor.com/2003/0701/p07s01-woeu.html> (дата обращения: 07.03.2022).

¹¹⁵ URL: <https://e-estonia.com> (дата обращения: 07.03.2022).

технический фактор доступа, а именно заблокирован доступ к ряду интернет-сайтов, и заявлено требование о наложении на тюремную администрацию обязательства об обеспечении доступа к указанным ресурсам сети. Примечательно то, какие сайты были заблокированы: это сайт Канцлера права, «независимого должностного лица, задачей которого является осуществление надзора за тем, чтобы действующие в Эстонском государстве законы соответствовали Конституции и чтобы основные права и свободы живущих здесь людей были защищены»¹¹⁶ (<http://www.oiguskantsler.ee>), сайт Эстонского парламента (<https://www.riigikogu.ee/>), а также же сайт <https://www.coe.ee>, где заявитель жалобы пытался ознакомиться с переведенными на эстонский актами Европейского Суда по правам человека.

Верховный Суд Эстонии принял конституционное постановление, в котором встал на сторону администрации тюрьмы, признав ограничительные меры пропорциональными, отменив решения нижестоящих судов¹¹⁷. Однако решение по делу не было единогласным; часть судей в особом мнении высказались о том, что подобные ограничения неуместны.

Другим государством, взявшим на себя обязательства по обеспечению доступа в Интернет, является Финляндия. В основном законе этой страны мы не обнаруживаем каких-либо закреплений права доступа к информационным сетям. Однако на уровне нормативных актов Правительства ситуация иная. Так, в 2009 году Правительство Финляндии в лице Министерства транспорта и коммуникаций издало указ № 732/2009¹¹⁸ о предоставлении всеобщего доступа в сеть со скоростью не менее 1 мегабита в секунду.

---

¹¹⁶ Задачи и компетенция канцлера права // URL: <http://www.oiguskantsler.ee/ru/задачи-и-компетенция-канцлера-права> (дата обращения: 07.03.2022).

¹¹⁷ Constitutional Judgment 3-3-1-5-09 // URL: <https://www.riigikohus.ee/en/constitutional-judgment-3-3-1-5-09> (дата обращения: 07.03.2022).

¹¹⁸ Decree of the Ministry of Transport and Communications on the minimum rate of a functional Internet access as a universal service (732/2009) // URL: <http://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/2009/en20090732.pdf> (дата обращения: 30.03.2022).

Закрепление права на доступ в Интернет обнаруживается и в Испании, хотя и не на конституционном уровне и в рамках концепции универсального обслуживания. Так, закон 2/2011 от 5 марта 2011 года «Об устойчивой экономике»¹¹⁹ в ч. 1 ст. 52 провозглашает, что подключение к сети общего пользования с возможностями доступа в Интернет в рамках универсальной услуги электросвязи должно обеспечивать передачу данных не менее 1 мегабита в секунду с помощью любой технологии.

Если говорить об идее права на доступ в Интернет как самостоятельного права человека, следует отметить, что оно более активно развивается на наднациональном уровне. Это объяснимо: будучи транснациональной средой, Интернет не может эффективно регулироваться одним государством. Для регулирования транснациональной среды общественных отношений необходимы международные усилия. Не затрагивая значительно тему международно-правового регулирования Интернета, которое должно становиться предметом отдельного исследования, тем не менее нельзя не осветить ряд моментов, касающихся доступа в сеть Интернет. Заметно и то, что идея об особом значении доступа в Интернет для прав человека первоначально зародилась именно на международном уровне.

Международные соглашения не возлагают какие-то прямые обязательства на государства; неисполнение их положений грозит максимум негативными политическими последствиями и имиджевыми потерями. Тем не менее, они представляют интерес именно как формирующие предпосылки для международного признания права на доступ в Интернет как самостоятельного права. Прежде чем остановиться подробнее на техническом и нетехническом факторах, мы осветим данные соглашения, как представляющие особый интерес для диссертационного исследования.

---

¹¹⁹ Ley 2/2011, de 4 de marzo, de Economía Sostenible // URL: http://noticias.juridicas.com/base_datos/Admin/12-2011.html (дата обращения: 07.03.2022).

Отправной точкой приложения международных усилий стала Окинавская хартия глобального информационного общества, принятая 22 июля 2000 года лидерами стран G8¹²⁰. Так, в п. 9 сказано: «каждый человек должен иметь возможность доступа к информационным и коммуникационным сетям». В п. 10 хартии данный тезис конкретизируется: «ключевой составляющей нашей стратегии должно стать непрерывное движение в направлении всеобщего доступа для всех».

Все эти положения призваны стать основанием для преодоления так называемого «цифрового разрыва». Этот термин обнаруживается не только в Окинавской хартии, но и в большом количестве актов, принятых позднее. Определения того, что именно подразумевается под цифровым разрывом, в этом документе не имеется. На наш взгляд, этот термин следует рассматривать как близкий термину «цифровое неравенство», и между собой они соотносятся как причина и следствие, цифровой разрыв есть причина цифрового неравенства; под таким разрывом следует понимать ограничения доступа к Интернету различного происхождения, которые могут быть как естественно возникшими (то есть не являющимися проявлением прямой воли государства, организаций, отдельных лиц, либо они могут быть обусловлены самой технологией), так и произвольными (возникшими вследствие произвольного вмешательства какого-либо субъекта). Термин «цифровое неравенство», хотя и упоминается в нормативных актах¹²¹, не имеет там явного определения. По нашему мнению, следует понимать под этим термином любое неравенство, существующее в цифровом пространстве.

Следующей важной вехой на пути международного признания права на доступ в Интернет стал этап Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам

---

¹²⁰ Окинавская хартия Глобального информационного общества от 22 июля 2000 г. // URL: <http://kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 28.03.2022).

¹²¹ См. например: Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 года № 313 (ред. от 29.04.2023) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Информационное общество"» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 24.04.2014.

информационного общества, прошедший 10-12 декабря 2003 года в Женеве. На этом этапе была принята Декларация принципов информационного общества¹²², ряд положений которой пересекается с Окинавской хартией. Так, ее п. 19 провозглашает необходимой работу «всех заинтересованных сторон» над расширением доступа к информационным и коммуникационным инфраструктурам и технологиям, а также к информации и знаниям в целом.

В региональных международных организациях также уделяется внимание вопросам, касающимся права на доступ в Интернет. Это хорошо заметно на примере актов Комитета Министров Совета Европы, в разработке которых принимали участие и представители России в период её пребывания в этой организации. К числу представляющих интерес актов следует отнести следующие:

- Декларация Комитета Министров Совета Европы CM (2005)56 «Права человека и верховенство закона в информационном обществе» от 13 мая 2005 года¹²³. Данный документ расценивает ограничение или отсутствие доступа к информационным-телекоммуникационным технологиям как лишение человека возможности полноценной реализации основных прав;
- Рекомендация Комитета Министров Совета Европы CM/Rec (2007)16 «О мерах по повышению ценности Интернета как общественной службы»¹²⁴. В ней констатируется, что доступ в Интернет должен рассматриваться в качестве неотъемлемого элемента полного осуществления прав человека, его фундаментальных свобод в информационном обществе. При этом сам Интернет

---

¹²² Декларация принципов Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии от 12 декабря 2003 г. // URL: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf (дата обращения: 08.03.2022).

¹²³ Declaration CM (2005)56 of the Committee of Ministers on human rights and the rule of law in the Information Society // URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805da1a0 (дата обращения: 15.03.2022).

¹²⁴ Recommendation CM/Rec(2007)16 of the Committee of Ministers to member states on measures to promote the public service value of the Internet // URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805d4a39 (дата обращения: 08.03.2022).

рассматривается в качестве «общественной услуги», важного элемента повседневной активности (связь, информация, знания, коммерческие операции);

- Рекомендация Комитета Министров Совета Европы CM/Rec (2008)6 «О мерах по развитию уважения к свободе выражения мнения и информации в связи с Интернет-фильтрами»¹²⁵. Несмотря на то, что в целом данный документ посвящен ограничениям доступа в Интернет и работы в нем, он содержит положения о том, что должно иметь место содействие свободному и беспрепятственному доступу в Интернет, с тем, чтобы каждый отдельный пользователь мог в полной мере реализовывать права человека и основные свободы, в частности право на свободу выражения мнений, свободу информации, право на частную жизнь, а также эффективно участвовать в общественной жизни и демократических процессах (п. XI раздела I).

- Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 1987(2014) «Право доступа к Интернету» от 9 апреля 2014 года¹²⁶. Эта Резолюция представляется весьма заметной в плане прогресса признания права на доступ в Интернет. В ней уделено внимание и техническому, и нетехническому субъективному факторам доступа в глобальную компьютерную сеть. Она примечательна своей попыткой охватить доступ в Интернет всеобъемлюще. В частности, об этом свидетельствуют следующие тезисы: «...Интернет должен быть доступен для всех независимо от возраста, места жительства или дохода ... необходимо предпринимать более решительные усилия на местном, национальном и европейском уровнях, чтобы обеспечить доступность Интернета для всех» (п. 4); «...каждый имеет право на доступ к Интернету в качестве существенного требования для осуществления прав» (п. 5.1), «государства-члены должны

---

¹²⁵ Рекомендация CM/Rec(2008) 6 «О мерах по развитию уважения к свободе выражения мнения и информации в связи с Интернет-фильтрами» // URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016805d3c4a (дата обращения: 31.03.2022).

¹²⁶ Резолюция № 1987(2014) Парламентской ассамблеи Совета Европы «Право доступа к Интернету» // СПС «КонсультантПлюс».

активизировать свои усилия по обеспечению доступа к Интернету для лиц с особыми потребностями и пользователей Интернета, находящихся в трудной ситуации (п. 5.10)».

В аспекте глобального признания права на доступ в Интернет в качестве нового права человека весьма перспективной представляется деятельность Организации Объединенных Наций, призванной объединять международные усилия для решения глобальных проблем. На уровне ООН периодически поднимается вопрос о праве на доступ в Интернет.

Так, в докладе спецпредставителя ООН по защите права на свободу выражения мнений и убеждений Франка Ла Рю от 3 июня 2011 года выражено мнение, согласно которому доступ в Интернет является незаменимым средством для реализации естественных прав человека¹²⁷, то есть рассматривается исключительно в качестве утилитарного механизма.

В поддержку тезиса о признании права на доступ в Интернет неотъемлемым правом выступает Резолюция Совета ООН по правам человека от 18 июля 2016 года «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете»¹²⁸, где утверждается, что те же самые права, которые человек имеет в офлайновой среде, должны также защищаться в онлайн-среде (п. 1).

Приходится констатировать, что право на доступ в Интернет получило прямое закрепление в очень редких случаях. Представляется важным рассмотрение положений, касающихся обязательств государств по обеспечению технического и нетехнического факторов доступа. Рассмотрим положения, касающиеся технического фактора.

---

¹²⁷ Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression. UNGA HRC A/HRC/17/27. 16 May 2011 // URL: http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/17session/A.HRC.17.27_en.pdf (дата обращения: 07.03.2022).

¹²⁸ Резолюция, принятая Советом по правам человека от 1 июля 2016 г. «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете» A/HRC/RES/32/13 // URL: <http://www.refworld.org.ru/topic,51dc064c4,51dc104c253,57e9166b4,0,,RESOLUTION,.html> (дата обращения: 31.03.2022).

В п. 10 Окинавской хартии глобального информационного общества конкретизируется стремление предоставить максимально широкие возможности для доступа в Интернет, подчеркивается необходимость способствовать развитию доступа в публичных учреждениях, совершенствовать сетевой доступ в неблагополучных районах. Здесь же отдельно говорится о важности содействия со стороны государств внедрению «удобных для пользования» «беспрепятственных» технологий, таких как мобильный доступ в Интернет. Имеются указания о применении персонализированного подхода для лиц со специальными потребностями, в частности для лиц, пользующихся меньшей социальной защищенностью, людей с ограниченной трудоспособностью, а также пожилых граждан. В отношении этих категорий населения провозглашается осуществление мер, направленных на облегчение доступа.

О важности технического обеспечения подключения к информационной и коммуникационной инфраструктуре говорится и в п. 21 Декларации принципов информационного общества, где оно названо «одним из главных факторов построения информационного общества»¹²⁹. Здесь же указывается на обязательство государства обеспечить сопутствующий доступ к услугам энергоснабжения и почтовой связи в соответствии с национальным законодательством.

В принятом совместно с данной Декларацией «Плане действий»¹³⁰, в подп. б) п. 16 устанавливается обязательство государства создать устойчиво функционирующие многоцелевые публичные пункты коллективного доступа, предоставляющие гражданам по приемлемым ценам или бесплатно доступ к различным ресурсам связи, в первую очередь к Интернету.

---

¹²⁹ Декларация принципов Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии // URL: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf (дата обращения: 08.03.2022).

¹³⁰ План действий. Документ WSIS-03/GENEVA/DOC/5-R от 12 декабря 2003 г. // URL: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/plan_wsis.pdf (дата обращения: 28.03.2022).

Схожее закрепление обязанностей государства по обустройству точек доступа к Интернету и другим информационно-телекоммуникационным услугам в помещениях органов государственной власти, в других общественных местах содержится в актах региональных международных организаций. В частности, такие положения есть в Рекомендации Комитета Министров Совета Европы CM/Rec (2007)16 «О мерах по повышению ценности Интернета как общественной службы»¹³¹.

Параллельно с темой обеспечения доступа к Интернету развивается и тема ограничения определенных информационных ресурсов в нем. Иными словами, технический фактор работает и в обратную сторону, в части создания ограничений для доступа в Интернет посредством сетевых экранов. Это актуально, так как требование того, чтобы вся информация, размещенная в Интернете, была доступна всем и каждому в любое время, не стоит на повестке дня. В Интернете встречается информация, распространение которой нежелательно, а зачастую и вовсе противоречит законодательству многих государств. В качестве примеров такой информации можно указать детскую порнографию и вредоносное программное обеспечение. Соответственно, если имеется потребность в ограничении информации, то во избежание злоупотреблений должны быть разработаны стандарты ограничений, которые сыграли бы роль дополнительной гарантии доступа к Интернету и возможностям работы в нем, исключая избыточные меры.

Пример таких стандартов содержит Рекомендация Комитета Министров Совета Европы CM/Rec (2008) 6 «О мерах по развитию уважения к свободе выражения мнения и информации в связи с Интернет-фильтрами»¹³². Данная

---

¹³¹ Recommendation CM/Rec(2007)16 of the Committee of Ministers to member states on measures to promote the public service value of the Internet // URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016805d4a39 (дата обращения: 08.03.2022).

¹³² Рекомендация CM/Rec (2008) 6 «О мерах по развитию уважения к свободе выражения мнения и информации в связи с Интернет-фильтрами» // URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016805d3c4a (дата обращения: 31.03.2022).

рекомендация посвящена вопросу ограничения доступа к информации в Интернете путем использования специальных фильтров, под которыми понимаются продукты, системы и иные меры, блокирующие или фильтрующие информацию в сети.

Представляют интерес рекомендации по организации работы этих фильтров. Пользователь должен информироваться о факте фильтрации, и когда это возможно – сохранять способность к идентификации и контролю уровня фильтрования контента, при этом имея возможность проверки блокировки или фильтрации и получения соответствующих разъяснений (раздел I).

Анализ данных о степени разработанности регулирования технических факторов показывает, что в основном оно сводится к декларированию на международном уровне долженствований по развитию подключения к информационной инфраструктуре. На национальном уровне государствами предпринимаются меры по расширению возможностей для доступа, однако нельзя констатировать их повсеместное распространение.

Теперь следует уделить внимание месту нетехническому фактору доступа в международных соглашениях и в актах международных организаций. Следует признать, что нетехнические, политико-идеологические факторы доступа в Интернет в последние годы обсуждались юристами достаточно широко. Эти факторы – отдельная и серьезная тема с учетом разнообразия опыта различных государств. При этом ряд требований, связанных с доступом к Интернету, сформулированы на международно-правовом уровне.

О политических мерах, способствующих развитию доступа в Интернет, сказано, например, в п. 6 Окинавской хартии глобального информационного общества, где одной из ключевых задач провозглашается «разработка информационных сетей, обеспечивающих быстрый, надежный, безопасный и экономичный доступ с помощью конкурентных рыночных условий и соответствующих нововведений к сетевым технологиям, их обслуживанию и применению».

Декларация принципов информационного общества в п. 21 устанавливает, что универсальный, повсеместный, справедливый и приемлемый в ценовом отношении доступ к инфраструктуре информационных технологий должен стать целью всех заинтересованных сторон, участвующих в построении этого нового общества. Данный пункт определяет, какими именно качествами должен обладать доступ к информационным технологиям, провозглашая их направлением для устремлений всех сторон отношений в этой сфере.

Политико-идеологическим факторам доступа в Интернет и работы в нем уделено заметное место в «Тунисской программе для информационного общества», принятой 15 ноября 2005 года¹³³ на Всемирной встрече на высшем уровне по вопросам информационного общества в Тунисе, которая стала следующим этапом международных переговоров после Женевского в 2003 году. Эта программа является попыткой консолидации международных усилий с целью перехода к активным действиям, направленным на развитие глобального информационного общества (п. 1).

Тунисская программа – обширный документ, содержащий множество положений, касающихся регулирования Интернета и содействия его развитию, и в целом гораздо более детализированный по отношению к нему. Здесь можно обнаружить ряд положений, касающихся создания условий доступа к глобальной компьютерной сети:

- п. 21 содержит тезис о том, что «государственное финансирование играет решающую роль в обеспечении доступа к информационно-коммуникационным технологиям и услугам на базе этих технологий в сельских районах, а также для населения, находящегося в неблагоприятном положении, в том числе населения малых островных развивающихся государств и развивающихся стран, не имеющих выхода к морю»;

---

¹³³ Тунисская Программа действий от 15 ноября 2005 г. WSIS-05/TUNIS/DOC/6(Rev.1)-R // URL: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/agenda_wsis.pdf (дата обращения: 28.03.2022).

- присутствует положение о равенстве задач и обязательств всех правительств в сфере управления использованием Интернета на международной основе и обеспечения стабильности, безопасности и непрерывности этой сети (п. 68);
- провозглашаются общие принципы использования Интернета на международном уровне; отмечается, что организация использования должна иметь многосторонний, прозрачный и демократический характер при полном участии правительств, частного сектора, гражданского общества и международных организаций. Организация использования сети Интернет должна гарантировать справедливое распределение ресурсов, облегчать доступ для всех и обеспечивать стабильное и безопасное функционирование Интернета с учетом многоязычия (п. 29).

Чрезвычайно важной идеологической установкой, дополнительно свидетельствующей о ценности доступа во всемирную компьютерную сеть, представляется принцип тождественности реализации прав человека в реальном пространстве и в виртуальной среде Интернета. Декларация Комитета Министров Совета Европы СМ (2005) 56 «Права человека и верховенство закона в информационном обществе» от 13 мая 2005 года¹³⁴ гласит, что все права, закрепленные в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, сохраняют свое полное действие в информационную эпоху и должны защищаться безотносительно от факта использования новых информационных технологий.

В данной Декларации упоминается важный нетехнический субъективный фактор, влияющий на способность личности эффективно пользоваться потенциальными возможностями сети Интернет для реализации прав и свобод человека – компьютерная грамотность. Она названа в качестве фундаментальной

---

¹³⁴ Declaration of the Committee of Ministers on human rights and the rule of law in the Information Society CM (2005)56 // URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805da1a0 (дата обращения: 15.03.2022).

предпосылки для доступа к информации, реализации культурных прав, в частности права на образование. Компьютерная неграмотность оценивается в качестве серьезного риска для получения адекватного доступа к информационным технологиям. Государствам указывается на их обязательства по облегчению доступа к информационно-телекоммуникационному оборудованию для всех лиц, и особенно детей, для приобретения ими навыков, необходимых для работы с разнообразными технологиями, а также навыков оценки качества информации, в особенности той, что может навредить им.

Интересные политико-идеологические моменты содержит Рекомендация Комитета Министров Совета Европы CM/Rec (2007)16 «О мерах по повышению ценности Интернета как общественной службы». В ней на государство налагается ряд определенных обязательств, касающихся развития доступности информационно-телекоммуникационных технологий, в частности специальных стратегий для развития, и содействия технологической совместимости, продвижения разнообразных моделей распространения программного обеспечения. При этом условия должны быть равными для всех индивидуумов, независимо от их возраста, пола, этнического или социального происхождения, включая лиц с низкими доходами, жителей сельских и географически удаленных зон, лиц со специальными потребностями.

Большой интерес представляет описание роли нетехнического объективного фактора в Рекомендации Комитета Министров Совета Европы CM/Rec (2011)8 «О защите и поощрении универсальности, единства и открытости Интернета»¹³⁵. Здесь интересно отметить тезис об ответственности государства за защиту основных публичных интересов при принятии политических решений относительно Интернета (п. 9). В качестве основания для возникновения такой ответственности рекомендацией рассматривается тот факт, что люди все в большей степени

---

¹³⁵ Recommendation CM/Rec(2011)8 of the Committee of Ministers to member states on the protection and promotion of the universality, integrity and openness of the Internet // URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805cc2f8 (дата обращения: 28.03.2022).

используют Интернет в своей повседневной деятельности, для реализации своих гражданских прав, при этом ожидая, что Интернет-сервисы будут постоянно доступны, безопасны, надежны.

Интернет провозглашается в качестве критического ресурса для множества секторов экономики и государственного управления (п. 8). Особенно подчеркивается обязанность государства защищать основные права и свободы своих граждан, и обязанность учитывать их законные ожидания относительно доступа к Интернету (п. 10). При этом указывается на необходимость признания взаимной ответственности государств в принятии обоснованных мер по защите и продвижению универсальности, единства и открытости Интернета в целях свободы выражения мнения и доступа к информации без ограничений (п. 11). То есть фактически речь идет о признании глобальной ответственности всех государств в рассматриваемой сфере.

Важнейший тезис рекомендации, как представляется, следующий: действия государств не должны вмешиваться в доступ к информации (контенту Интернета) вне пределов территориальных юрисдикций, оказывать негативное влияние на передачу трафика в сети Интернет (п. 1.1.2). Для достижения этого государства призываются к кооперации как между собой, так и с соответствующими участниками отношений в сфере Интернета (п. 1.2, 1.3).

Организация Объединенных Наций также не остается в стороне от выработки позиций в отношении нетехнических объективных факторов доступа в Интернет и работы в нем. Так, уже упомянутая резолюция Совета ООН по правам человека от 18 июля 2016 года «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете» «безоговорочно осуждает меры по умышленному недопущению или нарушению доступа к информации или ее распространению в режиме онлайн в нарушение норм международного права, прав человека и призывает все государства воздерживаться от таких мер и прекратить их использование» (п. 10), призывает «все государства рассмотреть возможность разработки в рамках транспарентных и инклюзивных процессов с участием всех заинтересованных

сторон и принятия национальных государственных стратегий, связанных с Интернетом, которые в своей основе преследуют цель обеспечения всеобщего доступа и осуществления прав человека» (п. 11).

Исследовав тенденции, касающиеся установления права на доступ в Интернет в качестве самостоятельного в правовых системах ряда государств и международных организаций, мы приходим к следующим выводам.

1. Право на доступ в Интернет постепенно получает юридическое признание в качестве самостоятельного права. Ряд стран пошли по пути прямого закрепления права на доступ в Интернет в качестве основного права личности на национальном уровне. Значительное внимание данному вопросу уделено на международном уровне, и здесь схожие идеи получают большую детализацию.

2. Реагируя на ожидания населения и осознавая выгоды от развития информационных технологий, государства, хотя и не закрепляют непосредственно право на доступ в Интернет, совместно формируют правовое регулирование, в котором берут на себя обязательства, касающиеся технического и нетехнического факторов доступа в Интернет и работы в нем, что следует рассматривать как предпосылку повсеместного утверждения этого права в качестве самостоятельного.

3. На уровне правового регулирования сформировался ряд концептуальных положений, лежащих в основу формирования содержания права на доступ в Интернет и касающихся технических и нетехнических факторов доступа и обязательств государств в этой сфере. Технического фактора касаются следующие положения:

- всестороннее содействие развитию доступа к информационной и коммуникационной инфраструктуре, выражающееся в создании условий доступа:
- в публичных и государственных учреждениях;
- в неблагополучных или удаленных районах, обустройстве пунктов коллективного доступа;

- предоставление сопутствующего доступа к услугам электроснабжения и почтовой связи;

- осуществление фильтрации в Интернете, в случае ее внедрения, методами, включающими в себя информирование о факте фильтрации, обеспечение способности пользователя по идентификации и контролю уровня фильтрации, проверки блокировки и получения на ее счет разъяснений.

Нетехнический фактор, в свою очередь, включает в себя:

- способствование универсальности, повсеместности, справедливости и приемлемости в ценовом отношении доступа к информационно-коммуникационной инфраструктуре, содействие рынку в предоставлении населению услуг доступа к инфраструктуре;

- воздержание от возложения на себя исключительных полномочий в вопросах регулирования Интернета, допущение к участию в управлении данной сферой представителей общества и бизнеса;

- поощрение производства контента на разнообразных языках;

- кооперация с остальными государствами в части обеспечения стабильности, безопасности, непрерывности передачи информации в Интернете;

- поддержание паритетности реализации прав человека в реальном и в виртуальном пространстве;

- применение ограничений в отношении доступа и работы в Интернете исключительно для того, чтобы каждый пользователь мог в полной мере реализовывать права человека и основные свободы, в частности право на свободу выражения мнений, свободу информации, право на частную жизнь, а также для эффективного участия в общественной жизни и демократических процессах;

- обеспечение действия введенных ограничений в отношении Интернета исключительно на территории принявшего их государства (иначе говоря, доступ с территории других государств к этим ресурсам не должен быть ограничен).

- помощь лицам со специальными потребностями при осуществлении доступа;

Что же касается непосредственно пользователей, то в их отношении признается:

- право каждого на доступ к информационным технологиям, в том числе с учетом персональных потребностей, обусловленных ограниченными возможностями, вне зависимости от материального положения человека;

- возможность осуществления в сети любой не запрещенной законом деятельности;

- возможность повышения компьютерной грамотности для увеличения своих возможностей в плане использования Интернета.

§ 3. Содержание права на доступ в Интернет

В ходе проведения исследования нового конституционного права одной из неизбежных исследовательских задач является установление его содержания и структуры.

Структура с точки зрения философии представляет собой «взаимосвязь или отношение между элементами материальной или концептуальной системы»¹³⁶. То есть любое право человека представляет собой комплекс элементов: притязаний, возможностей, свобод, гарантий, полномочий и т.д. (в зависимости от того, какое право является объектом исследования, и от терминологии, которую использует исследователь). Н.И. Матузов рассматривает в рамках структуры субъективного права право-поведение, право-требование, право-притязание и право-пользование¹³⁷. По указанию М.С. Строговича, «субъективное право лица означает выраженные в норме права и закрепленные в ней: а) возможность пользования определенным социальным благом; б) полномочие совершать определенные

---

¹³⁶ Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. С. 543.

¹³⁷ Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. С. 84.

действия и требовать соответствующих действий от других лиц; в) свободу поведения, поступков в границах, установленных нормой права»¹³⁸.

Л.Д. Воеводин указывает, что под содержанием записанных в Конституции прав должна рассматриваться «не одна или несколько предусмотренных ими возможностей, а лежащая в их основе идея, получившая законодательное выражение в этих и других правовых возможностях... их содержание было бы неправильно сводить к одному или нескольким конкретным правомочиям. Содержание каждого конституционного права заключается в том главном, на что прежде всего нацелено правообладание»¹³⁹.

Таким образом, в отношении так называемых «неписаных» конституционных прав (к которым пока, за неимением его конституционной формализации, относится и право на доступ в Интернет) установление их содержания в рамках данного подхода представляет дополнительную сложность, в отличие от формально закрепленных в Конституции прав. Уяснение содержания этого права через установление его «основной идеи», его социального предназначения также представляет интерес в рамках настоящего исследования.

Как и всякому другому праву человека, праву на доступ в Интернет присуще социальное предназначение, иначе говоря, то, что определяет его смысл и функцию, то, что на наш взгляд является такой «основной идеей». Проанализировав сущность Интернета, его место в жизни индивида и общества, а также практику его закрепления в зарубежных государствах и в международном праве, следует отчасти согласиться с подходом, получившим наиболее широкое распространение на международном уровне и рассматривающим Интернет как средство реализации прав человека. Однако этот подход все же представляется недостаточно полно учитывающим реальное место Интернета в системе прав человека. Нарастающие темпы научно-технического прогресса, стремительное

---

¹³⁸ См.: Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. М.: Наука, 1966. С. 168.

¹³⁹ Воеводин Л.Д. Указ. соч. С.159-160

проникновение Интернета во все сферы жизни, влияние на реализацию прав и свобод в условиях пандемии COVID-19 заставляют склоняться к идее о том, что право на доступ в Интернет является новым основным правом. Конечно, имеется точка зрения о том, что Интернет не имеет смысла рассматривать в качестве объекта самостоятельного права, так как в ходе развития человечества доступ к определенным благам становился чрезвычайно значимым, но эта значимость сохранялась ограниченный период времени, а затем сменялась чем-либо другим¹⁴⁰. Однако подобная позиция дискредитирует концепцию прав человека как систему ценностей, так как с таким подходом теряется смысл выделения каких-либо других прав, и можно было бы ограничиться «правом на достойную жизнь», которое стало бы предельно всеобъемлющим и неконкретным, одновременно и утрачивая смысл.

Более обоснованным представляется проведение параллелей с позицией П.И. Новгородцева, который рассуждал о так называемом «общественном идеале», под которым понимал «принцип всеобщего объединения на началах равенства и свободы»¹⁴¹, некое недостижимое идеальное общественное устройство. Помимо абсолютного, по мнению мыслителя, существует и «относительный идеал», под которым подразумевалась концепция общественного устройства, воплощенного (или предполагаемого к воплощению) на определенном историческом этапе: «...каждый конкретный идеал с этой точки зрения признается лишь временным, оставляющим место для критики, для пересмотра, для дальнейших усилий»¹⁴². Если рассматривать в качестве такого идеала концепцию прав человека, то следует констатировать, что она не должна рассматриваться как застывшее, окончательно оформившееся образование, а напротив, должна рассматриваться как живое и развивающееся явление. Таким образом, сама позиция о том, что Интернет является всего лишь преходящей, не вечной ценностью, и что впоследствии он

---

¹⁴⁰ Internet Access Is Not a Human Right // URL: <http://www.nytimes.com/2012/01/05/opinion/internet-access-is-not-a-human-right.html? r=2> (дата обращения: 21.03.2022).

¹⁴¹ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. С. 111.

¹⁴² Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 121.

может быть заменен чем-либо другим, не дает оснований для того, чтобы не ставить вопрос о праве на доступ в эту сеть.

Опираясь на проведенный ранее анализ понятия сети Интернет и доступа к ней, а также имеющиеся подходы к построению правового регулирования, следует сделать вывод о двух аспектах социального предназначения этого права:

- участие в глобальном информационном обществе;
- гарантия полноценной реализации прав человека.

Эти два аспекта обладают выраженным свойством онтологической взаимосвязи. Быть *участником информационного общества* означает не только быть участником глобализации и получать выгоду от ее преимуществ. Благодаря Интернету опосредуются старые и проявляются новые социальные взаимодействия, которым едва ли возможно подобрать аналоги из истории.

Примерами являются платежная система bitcoin, где в эмиссии участвует не один субъект (государство), а целое сообщество, научно-исследовательские проекты распределенных вычислений, возможности для коллективной творческой работы, как на платформе github¹⁴³, трудоустройство в качестве дистанционного работника, сбор подписей для подачи петиции властям. К настоящему времени оценка права на доступ в Интернет в качестве гарантии участия в информационном обществе уже получила некоторое распространение, в частности, в Конституции Греции и в актах судебных органов этого государства (см. уже упомянутое ранее решение Афинского суда первой инстанции 4658/2012).

Вторым аспектом социального предназначения этого права является *гарантирование реализации других основных прав человека*. Иллюстрирующим примером здесь послужит ситуация с реализацией прав и свобод человека в условиях пандемии Covid-19, когда наличие доступа в Интернет стало в некоторых случаях обязательным условием их реализации, в частности права на

---

¹⁴³ Сайт github.com // URL: <https://github.com/> (дата обращения: 26.03.2022).

образование¹⁴⁴. Перенос реализации прав в сферу информационных технологий, в том числе вызванный пандемией, формирует предпосылки для приоритетности именно такой модели реализации прав перед старыми, по причине их большей экономической оправданности и сбережения времени.

Однако одно только установление «основной идеи» права на доступ в Интернет, без характеристики его структуры в рамках настоящего исследования отрицательно бы сказалось на его полноте, тем более что уже проведенные в литературе попытки исследования содержания права на доступ в Интернет, несмотря на разные позиции, демонстрируют сложившийся подход к нему как к комплексному праву. Оно исследуется как состоящее из правомочий личности и корреспондирующих им обязанностей со стороны государства, которые одновременно выступают гарантиями их реализации.

Э.В. Талапина¹⁴⁵, исследуя право на информацию, увязывает его с обязанностями государства в этой сфере, упоминая об обязательстве обеспечения доступности общезначимой и необходимой для всех информации, в том числе в Интернете¹⁴⁶. Что же касается самого Интернета, то отмечается, что «в случае отнесения права на доступ в Интернет к фундаментальным правам обязанность государства обеспечить основанные на нем субъективные публичные права становится все более четко очерченной и приобретает технические характеристики – точка доступа, скорость. Пожалуй, еще никакое субъективное право не бывало столь предметным и конкретизированным»¹⁴⁷.

Другие авторы определяют содержание исследуемого права следующим образом:

---

¹⁴⁴ Брой Ш.У. Негативное воздействие кризиса, вызванного пандемией Covid-19, на обеспечение права детей на образование // Юрист. 2022. № 1. С. 33 - 36.

¹⁴⁵ Талапина Э.В. Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект). М.: Юриспруденция, 2015.

¹⁴⁶ Талапина Э.В. Право на информацию в сфере теории субъективного публичного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 6. С. 78.

¹⁴⁷ Талапина Э.В. Указ. соч. С.82.

- качественный сервис и беспрепятственный доступ к технологическим возможностям, предоставляемым Интернетом;
- свобода выбора и использования программного обеспечения и технических устройств, с которых осуществляется доступ в Сеть;
- требование сетевой нейтральности;
- обязанность стороны, ответственной за передачу или маршрутизацию данных, одинаково относиться к любому пакету данных вне зависимости от контента, источника или назначения, сервиса, терминала или приложения;
- запрет любой дискриминации трафика или ухудшения качества услуг, который нельзя отнести к необходимым техническим требованиям для адекватного предоставления услуг, препятствованию получению или отправке легального контента, приложений и сервисов, а также запрет на подключение определенных устройств к Интернету, если они наносят вред другим пользователям, используются для кражи сервисов или нарушения работы Сети;
- обеспечение максимального охвата для доступа в Интернет с мобильных устройств и в общественных местах¹⁴⁸.

А.А. Щербович указывает, что содержание этого права состоит в том, что «законодатель берет на себя соответствующие обязательства по не препятствованию ... доступу, в том числе на отдельные сайты, а также, возможно, позитивные обязательства по предоставлению доступа в Интернет на недискриминационной основе всем гражданам, включая малоимущих и проживающих в отдаленных местностях»¹⁴⁹.

А.В. Пазюк указывает на позитивные и негативные обязательства государства, где применительно к негативным отмечается, что «право на доступ к интернету (право не быть отключенным) ограничит возможность государств “обрывать” доступ пользователям, которые подключены к интернету, т.е. лишать

---

¹⁴⁸ Левова И., Шуклин Г., Винник Д. Права Интернет-пользователей: Россия и мир, теория и практика. М.: Ассоциация интернет-издателей; «Кабинетный ученый», 2013. С. 39.

¹⁴⁹ Щербович А.А. Конституционное право на доступ к Интернету: мировой опыт и выводы для России // Копирайт. 2015. № 3. С. 69.

их свободы доступа к интернету как одной из ключевых свобод современного информационного общества». Позитивным обязательством является «развитие государственных политик в сфере ИКТ на интересы индивидов для обеспечения свободного и недискриминационного доступа к интернету как универсальной услуги»¹⁵⁰.

Из всего вышесказанного следует сделать вывод, что в целом в литературе сформировалось устойчивая позиция о том, что праву на доступ в Интернет должны корреспондировать некие обязанности со стороны государства.

Мы разделяем сложившийся подход к праву на доступ в Интернет как к комплексному праву по ряду причин. Во-первых, как мы отмечали ранее, для реализации доступа в Интернет необходим целый комплекс условий, обусловленных техническим и нетехническим факторами: наличие оборудования, наличие подключения к инфраструктуре провайдера, умения пользователя работать в Интернете, и др. Во-вторых, подход к исследованию прав и свобод, не получивших формализации в правовом регулировании как к комплексным правам получил заметное распространение в науке конституционного права. Так, конституционалистами признаются права: на демократию¹⁵¹, на участие в политическом волеобразовании¹⁵², на участие в законодательном процессе¹⁵³, на осуществление местного самоуправления¹⁵⁴. В целом, в литературе отмечается, что «...конструкция комплексного права весьма перспективна в теоретическом и практическом плане»¹⁵⁵. В-третьих, подход к праву на доступ в Интернет как к

---

¹⁵⁰ Пазюк А.В. Доступ к интернету: право человека или универсальная услуга с точки зрения международного права // URL: <https://digital.report/dostup-k-internetu/> (дата обращения: 28.03.2022).

¹⁵¹ Люшер Ф. Конституционная защита прав и свобод личности. М., 1993. С.338-371.

¹⁵² Государственное право Германии. Т.1. Авт.кол. Н. Ахтенберг, П. Бадур, Е.В. Бекенферде и др. М., 1994. С.93

¹⁵³ Старостина И.А. Всенародные обсуждения: правовые возможности и практика // Вестник Московского университета, сер.И. Право. 1998. № 1. С.47-48

¹⁵⁴ Бондарь Н.С. Права человека и местное самоуправление в Российской Федерации. Ростов-на-Дону, 1998. С. 266.

¹⁵⁵ Масленникова С.В. Право граждан на народное представительство. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М.: 2001. С. 49.

комплексному праву способствует системному рассмотрению правовых средств, направленных на реализацию наиболее значимых правомочий, входящих в его состав.

Между тем правовые системы отдельных государств, а также акты международных организаций и межгосударственные соглашения, как мы установили во втором параграфе, содержат в себе положения, свидетельствующие о взятии государствами отдельных обязательств на себя, касающихся как технического, так и нетехнического факторов доступа. Рассмотрение этих положений в комплексе позволяет установить наиболее значимые элементы содержания этого нового права, а также позволит посмотреть на него с позиций общепризнанного права. Несмотря на то, что эти государства имеют разные правовые системы, специфической чертой именно прав человека является то, что они по своей природе универсальны. Хотя их формализация и отличается от государства к государству, их юридическое содержание имеет немало общего. Дополнительно о приближении права на доступ в Интернет к статусу общепризнанного говорит тот факт, что хотя в Российской Федерации оно и не формализовано в качестве самостоятельного, некоторые правомочия, входящие в состав этого права, а также позитивные и негативные обязательства государства нашли своё закрепление в том или ином виде. Наконец мы полагаем, что обозначение комплекса правомочий способствует нормативному насыщению содержания этого права, продемонстрирует диалектическую взаимосвязь технического и нетехнического факторов доступа в сеть Интернет, подчеркнут внутреннее единство составляющих это право правомочий и целостность права на доступ в Интернет как самостоятельной концепции. Содержание права на доступ в Интернет в значительной степени должно определяться приведенными и описанными нами ранее техническим, а также комплексным нетехническим фактором, включающим в себя субъективную и объективную составляющие. В содержании этого права должен быть набор принципиальных установлений, в целом определяющий возможные притязания личности в отношении

использования Интернета тем или иным образом, а также обязательства государства в отношении регулирования Интернета и предоставления конкретных благ. При этом мы склоняемся к тому, чтобы не делать специального разграничения между категориями «право», «правомочие», «возможность», и полагаем что в случае права на доступ в Интернет эти категории совпадают по содержанию, тем более что в теории права допускается в некоторых случаях отождествление категорий «правомочие и возможность». Так, С. С. Алексеев, рассматривая субъективное право как меру дозволенного поведения, отмечает что «в ряде случаев эта мера сводится к праву требования и к потенциальной возможности притязания (правоотношения активного типа). Здесь понятия субъективного права и правомочия, т. е. конкретной юридической возможности, в принципе, тождественны, совпадают»¹⁵⁶.

Итак, перейдем непосредственно к обоснованию составляющих права на доступ в Интернет.

Технический фактор предопределяет:

1) *правомочие пользователя владеть оборудованием, позволяющим работать в Интернете.*

Первостепенным условием использования доступа в Интернет является наличие у пользователя устройства, способного взаимодействовать с этой сетью, и отвечающего его индивидуальным потребностям и особенностям здоровья (в случае наличия таких особенностей). Специфического регулирования государством порядка владения оборудованием, необходимым для работы в сети Интернет, как правило, не устанавливается, за исключением случаев, когда это правомочие ограничивается (мы рассмотрим их позднее), и из соображений информационной безопасности, и для обеспечения цифрового суверенитета.

Негативным обязательством в данном случае будет *невмешательство государства в выбор оборудования и программного обеспечения*, за исключением

---

¹⁵⁶ Алексеев С. С. Общая теория права. Курс в 2-х томах. Т. 2. М., 1982. С.118.

случаев, когда подобные вмешательства оправданы с точки зрения информационной безопасности государства, когда критически значимая информация обрабатывается на устройствах, в отношении которых нельзя гарантировать отсутствие функционала негласного сбора информации и передачи её за рубеж. В Российской Федерации данное обязательство хотя и не закреплено формально, но фактически при работе с «чувствительной» информацией установлены требования к оборудованию, используемому для такой обработки¹⁵⁷. Фактически же для домашнего использования никаких требований не установлено.

Позитивным обязательством государства здесь является *предоставление компьютерного оборудования лицам или организациям, испытывающим сложности с приобретением его самостоятельно, содействие в сокращении стоимости оборудования для населения, а также обеспечения доступности оборудования лицам с особенностями здоровья*. Данное обязательство является и одновременно гарантией для реализации именно такого уровня и качества доступа, которое требуется личности для гармоничной реализации прав.

В Окинавской хартии глобального информационного общества (п. 10) данное обязательство раскрывается в контексте предоставления школам, классам и библиотекам компьютерного оборудования¹⁵⁸. Такого рода позитивное обязательство обнаруживается и в подп. f) п. 9 Плана действий женевского этапа Встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества. Здесь указывается на обязательство государства «поощрять разработку и производство оборудования и услуг на базе ИКТ, удобных в использовании и приемлемом в

---

¹⁵⁷ См. например, требования по доле использования отечественного программного обеспечения и оборудования в «Правилах проведения конкурсного отбора проектов (мероприятий), направленных на доведение уровня безопасности объектов до установленных законодательством Российской Федерации требований» (Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 24.04.2014.

¹⁵⁸ Окинавская хартия Глобального информационного общества. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 28.03.2022).

ценовом отношении для всех, включая престарелых, лиц с ограниченными возможностями, детей, прежде всего маргинализированных детей, равно как и другие уязвимые и находящиеся в неблагоприятном положении группы населения»¹⁵⁹;

В России уже продолжительное время проводится компьютеризация образовательных учреждений, под это имеется нормативно-правовая база; в частности, много внимания уделено этому в Федеральном законе от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹⁶⁰, компьютеры здесь поименованы в качестве одного из средств обучения (п. 26 ст. 2). Однако отсутствие формализации данного позитивного обязательства в Российской Федерации в отношении широких слоев населения сказывается негативно на правах и свободах человека, что было продемонстрировано пандемией коронавирусной инфекции COVID-19, которая показала острую нехватку компьютерного оборудования при введении дистанционного обучения. Проблема получила обсуждение в Координационном совете Уполномоченных по правам человека при Президенте РФ, где было справедливо отмечено, что необходимость для семей покупать компьютеры за свой счет для обучения детей противоречит конституционной гарантии на бесплатное основное общее образование (ч.2 ст. 43 Конституции России)¹⁶¹. При этом, как нам представляется, проблема нехватки оборудования шире, и касается не только реализации права на образование, но и ряда других конституционных прав.

2) правомочие иметь доступ к инфраструктуре провайдера – оператора связи, обладающего техническими возможностями для предоставления IP-адреса

---

¹⁵⁹ План действий от 12 декабря 2003 г. WSIS-03/GENEVA/DOC/5-R // URL: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/plan_wsis.pdf (дата обращения: 28.03.2022).

¹⁶⁰ Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 04.08.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 30 декабря 2012 года.

¹⁶¹ Валерий Фадеев: надо выделить деньги из бюджета на компьютеры и интернет для малообеспеченных семей! URL: http://www.president-sovet.ru/presscenter/news/valeriy_fadeev_nado_vydelit_dengi_iz_byudzheta_na_kompyutery_i_internet_dlya_maloobespechennykh_seme/ (дата обращения: 22.03.2023).

оборудованию пользователя в Интернете и осуществляющего прием и передачу информации в соответствии с запросами от оборудования пользователя.

Негативное обязательство, касающееся инфраструктуры Интернета, заключается в *невмешательстве в повседневные технические и оперативные вопросы, относящиеся к функционированию Интернета*. Данное обязательство обнаруживается в п. 1.3 Рекомендации Комитета министров Совета Европы государствам-членам по защите и поощрению универсальности, целостности и открытости Интернета¹⁶². Здесь же указывается на позитивное обязательство *предпринимать совместные действия с другими государствами и заинтересованными сторонами по предотвращению трансграничных сбоев и вмешательств в инфраструктуру Интернета, минимизации негативных последствий, вызванных этими событиями*. Данное обязательство гарантирует стабильное функционирование Интернета, а следовательно, и возможность личности беспрепятственно использовать его по своему усмотрению.

Немало международных источников указывают на позитивное обязательство государства в части способствования развитию инфраструктуры доступа, об этом говорится, например, в подп. с) п. 23 Тунисской программы для информационного общества¹⁶³.

В правовую систему Российской Федерации указанные выше обязательства могли бы быть внедрены в нормы Закона о связи. Фактически вмешательство в повседневные технические вопросы, касающиеся функционирования Интернета, уже состоялось после принятия Федерального закона от 1 мая 2019 года № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О связи" и Федеральный закон "Об

---

¹⁶² Recommendation CM/Rec(2011)8 of the Committee of Ministers to member states on the protection and promotion of the universality, integrity and openness of the Internet // URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805cc2f8 (дата обращения: 28.03.2022).

¹⁶³ Тунисская Программа действий от 15 ноября 2005 г. WSIS-05/TUNIS/DOC/6(Rev.1)-R // URL: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/agenda_wsis.pdf (дата обращения: 28.03.2022).

информации, информационных технологиях и о защите информации"»¹⁶⁴, (далее – «Закон о суверенном рунете»). Этим законом был введен целый ряд новаций, фактически представляющих собой вмешательство государства в инфраструктуру, среди которых следует особенно отметить возможность централизованного управления сетью (п. 8 ст. 1) в случае возникновения угроз устойчивости, безопасности и целостности функционирования Интернета в России. События 2022 года показали, что опасения по поводу внешнего вмешательства, направленного на нарушения связности российского сегмента с мировым Интернетом как минимум не беспочвенны. Здесь следует отметить действия крупнейшего магистрального поставщика услуг доступа в сеть Интернет – компании Cogent, действия которой создали предпосылки для ухудшения связности российского сегмента сети с остальным Интернетом¹⁶⁵, а также ряда других компаний¹⁶⁶. Не отрицая вероятность угроз инфраструктуре, важно указать на то, что Закон о суверенном рунете не устанавливает ограничений для вмешательства в инфраструктуру со стороны государства, тем самым возникает вопрос, насколько будут защищены интересы пользователей сети, операторов связи и владельцев объектов информационной инфраструктуры в случае введения централизованного управления. По этой причине целесообразно отражение в Законе о связи вышеуказанных позитивного и негативного обязательства в качестве принципов, исключающих вмешательство в инфраструктуру сети Интернет, за исключением случаев, когда имеется реальная угроза нормальному функционированию

---

¹⁶⁴ Федеральный закон от 1 мая 2019 года № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О связи" и Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 1 мая 2019 года.

¹⁶⁵ Зарубежный трафик дал брешь URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5240878> (дата обращения: 13.03.2022).

¹⁶⁶ Интернет-провайдер Lumen прекращает работу в России URL: <https://tass.ru/ekonomika/14004669> (дата обращения: 13.03.2022). Как отключение российских провайдеров от LINX скажется на скорости интернета URL: <https://www.bfm.ru/news/495062> (дата обращения: 13.03.2022).

Интернета в России, и по нашему мнению, это требуется в том числе и с точки зрения принципа правовой определенности, и для конкретизации оснований такого вмешательства.

Что же касается позитивного обязательства государства способствовать развитию инфраструктуры доступа, то его формализация состоялась, в частности имеется Федеральный проект «Информационная инфраструктура»¹⁶⁷, где устанавливается, что к 2024 году доля домохозяйств, имеющих возможность широкополосного доступа к сети Интернет, должна составлять 97%.

Остро стоит другая проблема, связанная с инфраструктурой доступа в глобальную сеть, заключающаяся в сложности для провайдеров доступа провести свою линию связи в многоквартирные дома¹⁶⁸, что приводит к ущербу для конкуренции на рынке услуг связи, а с другой стороны – ограничивает возможности жителей многоквартирного дома выбирать среди провайдеров наиболее интересное предложение, то есть тем самым ограничивается правомочие доступа к инфраструктуре провайдера. Причина проблемы в значительной степени кроется в неэффективности и сложности проведения общедомовых собраний, и в числе возможных вариантов решения видится либо упрощение проведения этих собраний, либо императивное закрепление для операторов связи возможности подключения многоквартирных домов, о чем был подготовлен соответствующий законопроект¹⁶⁹.

---

¹⁶⁷ «Паспорт федерального проекта “Информационная инфраструктура”» (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 № 9) // URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/870/> (дата обращения: 06.04.2023).

¹⁶⁸ Ефимцева Т.В., Петров В.И. Практические проблемы применения правил о размещении телекоммуникационного оборудования в многоквартирных домах в условиях конкуренции на товарных рынках Российской Федерации // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2021. № 4. С. 33 - 38.

¹⁶⁹ Законопроект № 237186-8 «О внесении изменений в статью 6 Федерального закона "О связи" и Жилищный кодекс Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/237186-8> (дата обращения: 26.03.2023)

3) *правомочие адресации в глобальной компьютерной сети*. Для того чтобы иметь возможность быть частью какой-либо компьютерной сети, принимать и передавать информацию, необходимо получить идентификацию в этой сети. Из систематического толкования проанализированных источников следует, что у государства имеется негативное обязательство *не вмешиваться в реализацию права на доступ в Интернет, не подменять доступ именно в Интернет доступом к другой компьютерной сети*. Как мы уже проанализировали выше, сеть Интернет не имеет аналогов, которые могли бы предоставить сопоставимые возможности для реализации прав личности. Данное обязательство выступает гарантией, что остальные правомочия личности, составляющие право на доступ в сеть Интернет, будут реализовываться именно в данной сети, а не в какой-либо другой функционально схожей компьютерной сети.

Желая воспользоваться Интернетом, пользователь, как правило, не задается вопросом обо всех проходящих этапах осуществления подключения, его намерение заключается в установлении соединения с сетью Интернет. Для этого адресация эта должна произойти именно в Интернете, а не в какой-либо другой сети, подменяющей ее (например, Интранете)¹⁷⁰. Само по себе создание альтернативной сети вполне оправдано для государственных нужд, но полноценного доступа в Интернет обычных людей это не должно касаться.

Специфических позитивных обязательств для государств в отношении этого правомочия быть не может, так как процесс адресации в Интернете определяется сугубо технологиями, лежащими в основе этой сети, и протекает без дополнительного внешнего вмешательства, на международном уровне вопросами использования IP-адресов занимаются организации ICANN и IANA¹⁷¹;

---

¹⁷⁰ Минкомсвязь будет настаивать на создании государственного Интранета // URL: <https://rg.ru/2017/02/14/minkomsviaz-budet-nastaiivat-na-sozdanii-gosudarstvennogo-intraneta.html> (дата обращения: 28.03.2022).

¹⁷¹ Демидов, О. Глобальное управление Интернетом и безопасность в сфере использования ИКТ: Ключевые вызовы для мирового сообщества. М.: Альпина Паблицер, 2016. С.124.

Представляется, что данное негативное обязательство также могло бы быть воплощено в правовой системе России также в качестве нормы-принципа в Законе о связи, чтобы гарантировать, что государство не допускает замещение доступа в Интернет доступом в другую компьютерную сеть (не нарушает связность российского сегмента сети с остальным Интернетом), за исключением тех случаев, когда это требуется из соображений безопасности государства, при этом же целесообразно ограничить срок, на который введение таких мер возможно. С 2013 года в России возникают инициативы по созданию некоего «защищенного» аналога сети Интернет, что свидетельствует о существующем интересе к созданию внутрисетевой компьютерной сети¹⁷².

4) *правомочие требовать устранения незаконных ограничений для приема и передачи и информирования о фактах и основаниях ограничений.* Техническим условием возможности обмена информацией с Интернетом является отсутствие препятствий на уровне программного обеспечения и/или оборудования. Негативных воздействий такого рода может быть множество, и они могут влиять на доступ к сети Интернет как таковой, или же к отдельным ресурсам. Множество таких возможных причин ограничений обуславливают необходимость в гарантиях, представленных в виде целого ряда позитивных и негативных обязательств государства, которые призваны минимизировать возможность появления незаконных ограничений, а также создать правовые меры противодействия незаконным ограничениям, если они всё же возникнут. О наличии негативных и позитивных обязательств у государства в этой области свидетельствует упоминавшаяся ранее Рекомендация CM/Rec (2008)6 Комитета министров Совета Европы государствам-членам «О мерах по развитию уважения к свободе выражения мнения и информации в связи с Интернет-фильтрами», указывающей

172

на критерии, которым должны следовать государства при осуществлении той или иной блокировки (раздел III)¹⁷³. Под негативными обязательствами, в частности, подразумевается:

- воздерживаться от фильтрации интернет-контента в электронных коммуникационных сетях, регулируемых государственными органами, по иным основаниям, чем те, которые изложены в пункте 2 ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в соответствии с толкованием Европейского Суда по правам человека, по причине выхода России из Совета Европы представляется оптимальной ориентация на пределы ограничений прав в соответствии с ч.3 ст. 55 Конституции;

- избегать универсального и общего блокирования оскорбительного или наносящего ущерб контенту для тех пользователей, которые не являются частью той группы, в отношении которой был активирован фильтр для ее защиты, или незаконного контента для тех пользователей, которые обоснованно проявляют законный интерес или имеют необходимость в доступе к такому контенту при исключительных обстоятельствах, в частности, в целях проведения научных исследований.

В качестве позитивных обязательств предусматривается:

- гарантировать, чтобы принимаемые в масштабах всего государства общие меры по блокированию или фильтрации внедрялись государством только в том случае, если выполняются условия, предусмотренные в п. 2 ст.-10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод;

- принимать, когда это целесообразно и необходимо, положения в рамках национального законодательства о предупреждении намеренного злоупотребления фильтрами для ограничения доступа граждан к законному контенту;

---

¹⁷³ Рекомендация CM/Rec (2008) 6 «О мерах по развитию уважения к свободе выражения мнения и информации в связи с Интернет-фильтрами» // URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016805d3c4a (дата обращения: 31.03.2022).

- обеспечивать, чтобы все фильтры проходили оценку до и во время своего внедрения для обеспечения того, чтобы результаты действия фильтров были соразмерны задаче ограничения и таким образом необходимы в демократическом обществе, во избежание необоснованного блокирования контента;

- предоставлять эффективные и легкодоступные меры обжалования и компенсации, обеспечивая, в том числе, приостановку действия фильтров в тех случаях, когда пользователи и/или авторы контента заявляют, что контент был заблокирован необоснованно;

- обеспечивать, чтобы при использовании и применении фильтров уважалось право на частную жизнь и тайну корреспонденции, и чтобы персональные данные, вводимые, регистрируемые и обрабатываемые через фильтры, использовались только для законных и некоммерческих целей.

Важно также отметить, что международные документы не содержат положений, соответствующих различным ограничениям, осуществленным в 2022 году, когда возник феномен ограничения доступа с территории Российской Федерации вследствие «частной инициативы» по дискриминации российских IP-адресов¹⁷⁴, а следовательно, и пользователей из России.

В целом же правомочие по обжалованию вводимых ограничений в Российской Федерации формализовано, за тем исключением, что обжаловать решение о блокировке могут только владельцы заблокированных ресурсов и ряд иных лиц. В частности, о возможности судебного обжалования говорится в ч.6 ст. 15.1, ч.15 ст.15.1-2 Закона об информации, при этом, право на обжалование в этих статьях установлено для владельцев информационного ресурса (сайта), провайдеров хостинга и операторов связи. Пользователи, права которых потенциально могут быть затронуты данными блокировками, такой возможности

---

¹⁷⁴ ClamAV запретил обновления антивирусных баз с российских IP-адресов. URL: <https://tendence.ru/news/clamav-zapretil-obnovleniya-antivirusnyh-baz-s-rossiyskih-ip-adresov> (дата обращения: 29.03.2022).

не имеют в соответствии с текстом вышеуказанных норм, и это же подтверждается практикой. К примеру, попытка пользователей обжаловать решение о блокировке сайта rutracker.org успеха не принесли, в принятии жалобы им было отказано¹⁷⁵. Правомочие пользователя для подачи жалобы обнаруживается в ч.8,9 ст.10.6 Закона об информации в отношении социальных сетей, если размещенная этим пользователем информация оказалась заблокирована.

Несмотря на то, что Россия покинула Совет Европы, используемый в вышеуказанных актах «правовой инструментарий» в виде позитивных и негативных обязательств, представляет интерес и может быть полезен и в случае закрепления в правовой системе России. В Российской Федерации действует множество различных оснований ограничения доступа к тем или иным информационным-ресурсам, фактически законодатель детально регулирует процедуры введения и снятия ограничений, но при этом общие подходы и требования к вводимым ограничениям на уровне федерального законодательства не обнаруживаются, фактически прерогатива определения того, должна или не должна быть осуществлена блокировка, отдана на усмотрение органов власти. При этом не уделено внимание ошибочным блокировкам ресурсов (т. е. без надлежащих правовых оснований). Законодатель вводит все новые порядки ограничения доступа в Закон об информации, но не уделяет внимание общим принципам и подходам осуществления блокировок, в частности не рассматриваются ситуации, когда блокировки используются для целей злоупотреблений, когда кто-либо из пользователей, желая причинить вред ресурсу, размещает на странице запрещенную информацию, тем самым провоцируя блокировку.

5) *правомочие иметь качественное соединение с сетью.* Немаловажным техническим фактором является качество подключения. Возможности Интернета, актуальные для сегодняшнего дня и наиболее востребованные у пользователей,

---

¹⁷⁵ Суд не принял апелляцию на блокировку торрента RuTracker.org URL: <https://www.computerra.ru/194101/sud-ne-prinyal-apellyatsiyu-na-blokirovku-torrenta-rutracker-org/> (дата обращения: 27.03.2023).

имеют определенные требования к скоростным характеристикам подключения, не всегда формализованные, но легко ощущаемые на практике. Технологическая пластичность позволяет осуществить доступ множеством разных способов, и каждый из них позволяет добиться разного качества подключения. Технически существует возможность подключения на большей части земного шара уже сейчас, через использование спутника, но стоимость услуг при этом высока.

Специфических указаний в актах на негативные обязательства государства в части обеспечения скорости и стабильности доступа в Интернет не обнаруживается; гораздо больше внимания в них уделяется ограничению доступа к информации, которые мы рассмотрели выше.

Обязательство государства способствовать доступу в Интернет с приемлемым для реализации прав человека качеством следует из ряда уже рассмотренных выше международных актов. В частности, про обязательство обеспечения стабильности Интернета говорится в п. 31, 57 Тунисской программы информационного общества. Что же касается скорости подключения, то соответствующие обязательства обнаруживаются на национальном уровне – в Финляндии, как мы уже отмечали ранее, установлены требования к скоростной характеристике подключения¹⁷⁶. Важность такого параметра следует и из системного толкования положений ч. 2 ст. 57 Закона о связи, где говорится, что точка доступа должна подключаться с использованием волоконно-оптической линии связи и обеспечивать возможность передачи данных на пользовательское оборудование со скоростью не менее чем десять мегабит в секунду. Понятие «точка доступа» раскрывается в подп. 28.4 ст. 2: средство коллективного доступа, предназначенное для предоставления неограниченному кругу лиц возможности пользования услугами связи по передаче данных и предоставлению доступа к

---

¹⁷⁶ Decree of the Ministry of Transport and Communications on the minimum rate of a functional Internet access as a universal service (732/2009) // URL: <http://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/2009/en20090732.pdf> (дата обращения: 30.03.2022).

информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» с использованием пользовательского оборудования абонента.

Другой рассмотренный ранее фактор, *нетехнический*, является комплексным, и составляет в себе:

- *субъективный фактор*, а именно совокупность знаний, способностей и потребностей личности, позволяющую реализовать потенциальные возможности сети Интернет. Действию этого фактора неизбежно подвергается каждый человек, использующий Интернет для тех или иных собственных нужд. Не существует общеобязательных способов использования Интернета, каждый пользователь извлекает из него набор благ, определяемый его потребностями и возможностями.

Знания, потребности и возможности личности соотносятся с волей, которая проистекает из них и является их внешним выражением. Потребности и возможности личности также имеют взаимоотношение между собой, и при этом они могут чрезвычайно сильно различаться. К примеру, будучи слепым¹⁷⁷, человек получает фундаментальное ограничение в области использования технологий. Следовательно, он при использовании информационных технологий будет нуждаться в преодолении этого физического недостатка, с тем чтобы иметь равные со здоровыми людьми возможности. По этой причине субъективная составляющая права на доступ в Интернет определена совокупностью знаний, потребностей, и возможностей, и не может быть юридически формализована в виде перечня. Целесообразны усилия к тому, чтобы ресурсы были понятны и доступны как можно большему количеству людей, и нетехнический субъективный фактор оказывал как можно меньшее влияние на возможности человека реализовывать свои права посредством интернет-доступа. Это особенно актуально в отношении ресурсов электронного правительства, для чего целесообразно проведение оценки доступности этих ресурсов для граждан¹⁷⁸.

---

¹⁷⁷ Важный собеседник // URL: <https://takiedela.ru/2017/10/vazhnyy-sobesednik/> (дата обращения: 30.03.2022).

¹⁷⁸ Шевердяев С.Н. Методика оценки сайтов российских органов власти. Препринт WP8/2007/02 // М.: ГУ ВШЭ, 2007. С.23.

Не все знания, потребности и возможности могут реализовываться без ограничений. Признание права на доступ в Интернет ни в коей мере не повлияет на то, что ряд деяний так и останутся наказуемыми впредь (к примеру, получение доступа к сведениям, составляющих охраняемую законом тайну). При этом уровень знаний, способностей и потребностей личности в данном случае не имеет никакого значения. По этой причине представляется возможным юридически формализовывать только список ограничений для реализации потребностей и возможностей, что соответствует логике ограничений поведения личности на основе установленных норм права.

Вне этих формализованных ограничений человек вправе свободно определять свое поведение, что и представляет собой соответствующее правомочие – *использовать доступ в сеть для любых целей, не противоречащих закону*. В рамках каждой правовой системы эти пределы уникальны, но здесь выявляются и общие тренды, к примеру – государство вне зависимости от политического режима имеет сведения, составляющие государственную тайну, и карает за ее разглашение, или же за неправомерный доступ к ней. По этой причине конкретные пределы субъективной составляющей права на доступ в Интернет впредь до принятия международных источников (конвенций или соглашений) в области этого нового права определяются национальным законодателем, что в свою очередь выступает проявлением другого, объективного фактора доступа в Интернет. Что интересно, закрепление данного правомочия можно обнаружить уже сейчас в законодательстве России, а именно в Федеральном законе от 01 июля 2021 года № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" на территории Российской Федерации»¹⁷⁹, целью которого является «установление равных условий деятельности на территории Российской Федерации российских и иностранных

---

¹⁷⁹ Федеральный закон от 01 июля 2021 года № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" на территории Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 01 июля 2021 года.

лиц» (ст.3). Ч.1 ст.4 данного закона подразумевает под иностранным лицом, осуществляющим деятельность в сети «Интернет» на территории Российской Федерации, «...лицо, осуществляющее любую деятельность, не запрещенную на территории Российской Федерации, осуществляемую при условии, что иностранное лицо является владельцем сайта в сети "Интернет", и (или) страницы сайта в сети "Интернет", и (или) информационной системы, и (или) программы для электронных вычислительных машин». Учитывая, что ст. 3 заявляет о равенстве условий деятельности российских и иностранных лиц, можно сделать вывод о том, что законодатель фактически формализовал правомочие осуществления в сети Интернет любой прямо не запрещенной законом деятельности.

В отношении определения пределов реализации субъективной составляющей, равно как и минимума реализации, действует принцип равенства реализации прав человека в реальном и в виртуальном пространстве, установленный п. 1 резолюции Совета ООН по правам человека от 18 июля 2016 года «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете». Отсюда логично выделить негативное обязательство *не препятствовать деяниям личности, не носящим противозаконный характер.*

Проанализировав уже принятые и рассмотренные выше международные акты, мы усматриваем закономерность: государство получает позитивные обязательства для обеспечения равенства реализации минимума потребностей личности в области информационных технологий. Представляется, что конкретно эти обязательства выражаются в повышении компьютерной грамотности, включающей в себя привитие навыков информационной безопасности, а также работу со специфическим оборудованием, либо специфическими методами, обусловленными индивидуальными психофизиологическими особенностями человека.

Иными словами, это обязательство проявляется в *создании условий, нивелирующих разницу в потенциалах для реализации прав людьми, обусловленную их личными особенностями (борьбе с различными формами цифрового*

неравенства). Это обязательство государства выступает гарантией реализации важнейшего принципа правового равенства людей, недопустимости их дискриминации при использовании доступа в сеть Интернет для реализации всех тех же прав человека, что реализуются в реальном мире. Оно носит абстрактный характер, и должно таким оставаться в силу того, что невозможно исчерпывающе установить, какие права возможно реализовывать посредством доступа в Интернет, и каким именно образом. Исследователь может только конкретизировать те права и правомочия в их составе, которые уже возможно реализовать на современном ему этапе посредством доступа в Интернет, и это будет осуществлено далее.

Объективный фактор заключается в деятельности государства по отношению к доступу в Интернет, потенциальным возможностям Интернета, обеспечению возможности их реализации личностью. Этот фактор представляется более сложным в регулировании по той причине, что подходов к решению проблем Интернета множество, и всех их так или иначе предстоит разрешать. В значительной части число этих проблем обусловлено возможностями и пластичностью Интернета, а вместе с тем и местом, которое он занимает в жизни человека. Та или иная мера, применяемая государством и свидетельствующая об объективном отношении к конкретным возможностям по отношению к работе в Интернете, вызывает общественный резонанс. Деятельность государства по регулированию этой сферы общественных отношений определяет объективный фактор права на доступ в Интернет. Здесь также различаются негативные и позитивные обязанности государства, определяется концепция ограничений и применяемые подходы к урегулированию общественных отношений. Что особенно придает сложность балансированию этих интересов, так это то, что все они базируются на формально признанных правах. Ограничивая тем или иным образом возможность пользоваться конституционно признанным правом, мы тем самым рискуем перейти грань между разумным ограничением и нарушением конституционной гарантии, и потому проблематика ограничения права на доступ в Интернет требует отдельного рассмотрения, что будет сделано в работе позднее.

Проявления этого фактора – то, как государство регулирует отношения в сети Интернет, могут носить совершенно разный характер. В качестве примера еще раз можно привести Китай и Северную Корею, где государство ограничивает доступ в Интернет, стремясь предоставить альтернативные решения в виде национальных сегментов сетей, близких по сути с Интернетом, а также остальные государства, где Интернет находится под меньшим воздействием власти.

Опираясь на проведенное выше исследование международного опыта, касающегося закрепления права на доступ в Интернет, мы обнаруживаем следующие проявления объективного фактора, представленные негативными и позитивными обязательствами государства. Негативными обязательствами являются:

- *Воздержание от ограничения доступа к информационным материалам (контенту) Интернета вне пределов территориальной юрисдикции, вмешательства в передачу трафика.* Это установление закреплено Рекомендацией Комитета Министров Совета Европы CM/Rec (2011) 8 «О защите и поощрении универсальности, единства и открытости Интернета» (п. 1.1.1, 1.1.2). Представляется, что данную идею также стоит отразить в нормах Закона о связи, его реализация будет особенно актуальна в случае введения централизованного управления российским сегментом сети Интернет. Подобные меры потенциально могут отрицательно сказаться на работе сети Интернет и в других государствах, когда сигнал будет вынужден «обходить» территорию России, вызывая дополнительную нагрузку на сети в других государствах.

Это негативное обязательство представляется весьма важным, так как игнорирование его, вероятно, будет провоцировать конфликты по причине нарушения суверенитета государства. В последнее время в литературе и печати стали выделять специальную категорию – «цифровой суверенитет¹⁸⁰», и надо полагать, в дальнейшем острота проблематики суверенитета в сети Интернет будет

---

¹⁸⁰ Погорелова М.А. Указ. соч. С. 125.

только возрастать и требовать отдельных самостоятельных исследований. Особенно ярко необходимость осуществления цифрового суверенитета проявилась в 2022 году, после масштабных введенных санкций, осложнивших доступ к ИТ-технологиям и оборудованию¹⁸¹.

- *Воздержание государства от возложения на себя исключительных полномочий в вопросах регулирования Интернета.* Это негативное обязательство схоже с первым, но находится на национальном уровне. Все вопросы в сфере регулирования Интернета должны решаться через привлечение представителей общества и бизнеса. На этот подход имеются указания в большинстве документов, принятых на международном уровне, посвященных как глобальным вопросам развития Интернета, так и частным (Тунисская программа для информационного общества, Окинавская хартия и другие).

Так как Интернет не имеет собственника и владельца, то единственным способом управления им является консолидация усилий всех субъектов отношений в нем. Обуславливается это среди прочего и тем, что участники отношений осуществляют свою деятельность в условиях разных правовых режимов. В каждом государстве формируется своя система норм, в соответствии с которой регулируются отношения, связанные с использованием Интернета. Исторически сложившийся подход к управлению Интернетом, заключающийся в привлечении к решению глобальных вопросов ряда организаций, должен распространяться и при решении вопросов, возникших на уровне национального сегмента сети. Государство, берущее на себя на национальном уровне всю полноту управления компьютерной сетью, едва ли будет способно к построению такой модели регулирования, при которой интересы всех участников отношений будут учтены.

В России функционируют, в частности, автономная некоммерческая организация «Координационный центр национального домена сети Интернет»,

---

¹⁸¹ Без чипов и проводников: как технологические санкции отразятся на компаниях России. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/457123-bez-cipov-i-provodnikov-kak-tehnologiceskie-sankcii-otrazatsa-na-kompaniah-rossii> (дата обращения: 30.03.2022)

администрирующий национальные домены .ru и .рф; некоммерческое партнерство «Российская ассоциация электронных коммуникаций», представляющая интересы информационно-телекоммуникационной отрасли в целом; Российский научно-исследовательский институт развития общественных сетей (РосНИИРОС), стоявший у истоков доменной индустрии в России, администрирующий домен .su; общественная организация «Региональный общественный центр интернет-технологий» (РОЦИТ), популяризирующий интернет-технологии; некоммерческая организация «Медиа-коммуникационный союз» (МКС), отраслевая ассоциация, представляющая интересы телеком-операторов и медиа-холдингов; некоммерческая организация «Фонд развития интернет-инициатив» (ФРИИ), российский фонд венчурных инвестиций; Институт развития Интернета (ИРИ), лоббирующий интересы интернет-индустрии, и другие. Попытки гражданского общества повлиять на регулирование Интернета в нашем государстве также имели место. Прямой реализации они не получили, но вместе с тем имеются основания полагать, что толику влияния на нормотворческую деятельность оказали – об этом свидетельствуют принятые экспертные заключения, содержащие рекомендации органам власти¹⁸². Оба этих негативных обязательства государства фактически являются средствами обеспечения стабильности и работоспособности сети Интернет, а следовательно, гарантируют для личности возможность беспрепятственно пользоваться доступом ко всемирной компьютерной сети.

К позитивным обязательствам государства следует отнести:

- обеспечение в Интернете действия тех же прав, что и в офлайновой среде, их защита и в онлайн-среде. Этот принцип встречается в Резолюции, принятой

---

¹⁸² Решение экспертной рабочей группы федерального уровня о принятии мер по реализации общественной инициативы «Отменить «закон Яровой» от 19 января 2017 г. // URL: https://www.roi.ru/upload/28432_решение.pdf (дата обращения: 31.03.2022). Решение экспертной рабочей группы федерального уровня о принятии мер по реализации общественной инициативы «Отменить закон о произвольных блокировках Интернет-ресурсов от 02.07.2017 г. № 187-ФЗ» // URL: https://www.roi.ru/upload/4494_Reshenie.pdf (дата обращения: 31.03.2022).

Советом по правам человека от 1 июля 2016 года, «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете» A/HRC/RES/32/13¹⁸³. Данный принцип обращает на себя внимание, прежде всего своей универсальностью и фундаментальностью, при этом, однако, не содержит конкретизации. Это вместе с тем осложняет его реализацию на практике, так как далеко не все права человека можно реализовать в тех же пределах, что и в реальном мире, некоторые права реализовать вообще не представляется возможным, такие как право на свободное передвижение и право на жизнь. Сама резолюция подчеркивает действие этого принципа в контексте свободы выражения мнений (п. 1), а также важности преодоления многочисленных форм «цифрового разрыва» (п. 5).

С удовлетворением можно констатировать, что имеются свидетельства того, что в Российской Федерации этот принцип постепенно находит свое воплощение. Здесь вспоминается уже описанная ранее позиция Конституционного Суда России, изложенная в Постановлении от 9 июля 2013 года № 18-П, в соответствии с которой право на защиту чести и достоинства, а также деловой репутации для юридических лиц распространяется и на Интернет. «Действующее законодательство, в частности статьи 152 и 1100 ГК Российской Федерации, закрепляет возможность правовой защиты от распространения сведений, порочащих честь и достоинство граждан или деловую репутацию граждан и юридических лиц, под которым – в силу Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” ... и в соответствии с разъяснениями, данными Верховным Судом Российской Федерации, – следует понимать, помимо прочего, их распространение посредством сети “Интернет”» (п. 3)». Этот принцип является дальнейшим развитием общепризнанного принципа международного права – всеобщего уважения и соблюдения прав человека и

---

¹⁸³ Резолюция, принятая Советом по правам человека от 1 июля 2016 г., «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете» A/HRC/RES/32/13 // URL: <http://www.refworld.org.ru/topic,51dc064c4,51dc104c253,57e9166b4,0,,RESOLUTION,.html> (дата обращения: 31.03.2022).

основных свобод для всех¹⁸⁴, что в свою очередь, является дополнительным основанием для признания права на доступ в Интернет в качестве общепризнанного;

- *разработка стандартов ограничений доступа в Интернет* с тем, чтобы не допустить чрезмерности и непропорциональности ограничений по отношению к охраняемым законом благам. Принятие стандартов ограничений можно рассматривать в качестве гарантии доступа в Интернет и защиты этого доступа. Принимая во внимание связь права на доступ в Интернет с остальными правами человека, представляется, что установление этих стандартов должно осуществляться по линии международного сотрудничества. Это обусловлено тем, что Интернет выступает сейчас как среда межнационального взаимодействия, а сами права человека представляют собой глобальный стандарт защиты интересов личности. И потому национальные ограничения, разработанные вне международных стандартов, неизбежно будут вызывать вопросы их соответствия общепризнанным.

Примером международной работы в этом направлении является уже рассмотренная ранее Рекомендация Комитета Министров Совета Европы CM/Rec (2008) 6 «О мерах по развитию уважения к свободе выражения мнения и информации в связи с Интернет-фильтрами»¹⁸⁵. Между тем, несистематический подход (как на уровне законотворчества, так и правоприменения) к ограничениям возможностей работы в Интернете, который мы наблюдаем и в нашем государстве, вызывает немало вопросов. Примером здесь является ситуация с локализацией персональных данных россиян, когда не все социальные сети одновременно

---

¹⁸⁴ Ершов В.В., Ершова Е.А. Современные проблемы международного права // [Электронный режим доступа Научные работы (избранное) профессора В.В. Ершова и профессора Е.А. Ершовой].

¹⁸⁵ Рекомендация CM/Rec(2008) 6 «О мерах по развитию уважения к свободе выражения мнения и информации в связи с Интернет-фильтрами» // URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016805d3c4a (дата обращения: 31.03.2022).

исполнили требования законодательства, в результате чего социальная сеть LinkedIn оказалась заблокирована, в отличие от гораздо более популярной сети Facebook, которая продолжила функционирование в прежнем объеме¹⁸⁶, пока не была заблокирована в 2022 году по причине признания её деятельности экстремистской¹⁸⁷. В целом же данные обязательства государства призваны гарантировать эффективное регулирование доступа в сеть Интернет, которое бы с одной стороны обеспечивало реализацию прав и свобод человека, а с другой стороны не допускало введения непропорциональных ограничений.

- *обеспечение информационной безопасности личности и защита от киберпреступности.* Потребность в обеспечении информационной безопасности в последние годы ощутимо возросла, об этом свидетельствует статистика киберпреступности. Хотя соответствующие обязательства взяты государством, о чем свидетельствует паспорт Федерального проекта «Информационная безопасность»¹⁸⁸, ситуация здесь далека от радужной, ущерб от киберпреступности превышает сотню миллиардов рублей в год, по мнению экспертов в сфере информационной безопасности основной причиной ситуации является низкая цифровая грамотность потерпевших¹⁸⁹, то есть проблемы обусловлены субъективным нетехническим фактором доступа.

Подводя итог сказанному в параграфе, следует отметить, что:

1. Правомочия личности, входящие в содержание комплексного права на доступ в Интернет, должны быть детерминированы техническим и нетехническим

---

¹⁸⁶ Facebook пригрозили заблокировать в России // URL: <https://lenta.ru/news/2017/09/26/fb/> (дата обращения: 31.03.2022).

¹⁸⁷ Решение Тверского районного суда г. Москвы по делу № 02–2473/2022 от 21 марта 2022 г. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/tverskoj/services/cases/civil/details/de7ea6a0-a3ab-11ec-8a7e-51b31fb55b35> (дата обращения: 31.03.2022)

¹⁸⁸ Паспорт федерального проекта "Информационная безопасность" // URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/pasport-federalnogo-proekta-informatsionnaya-bezopasnost.pdf> (дата обращения: 28.04.2023)

¹⁸⁹ Взлом высоких технологий // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5218254> (дата обращения: 28.04.2023).

субъективным факторами, которыми определяется доступ в Интернет. Техническим фактором обуславливаются следующие правомочия личности:

- владеть оборудованием, позволяющим работать в Интернете;
- иметь доступ к инфраструктуре провайдера – оператора связи, обладающего техническими возможностями для предоставления IP-адреса оборудованию пользователя в Интернете и осуществляющего прием и передачу информации в соответствии с запросами от оборудования пользователя;
- получить адресацию в глобальной компьютерной сети;
- использовать качественное соединение с сетью;
- требовать устранения незаконных ограничений для приема и передачи и информирования о фактах и основаниях ограничений.

Субъективным нетехническим фактором детерминировано правомочие использовать доступ в сеть для любых целей, не противоречащих закону.

2. Объективный фактор в случае права на доступ в Интернет представляет собой совокупность негативных и позитивных обязательств государства, направленных на обеспечение права на доступ в Интернет. В целом эти обязательства состоят в преодолении так называемых «цифровых разрывов». Их выделяют множество, и они проявляются с субъективной, объективной и с технической стороны. *Государство позитивно обязано способствовать ликвидации цифрового разрыва в плане всех факторов доступа в Интернет, реализации в среде Интернета всех тех прав, что реализуются в реальном мире.* Разработка стандартов ограничений, воздержание от единоличного управления национальным сегментом и привлечение представителей бизнеса и гражданского общества к выработке мер правового регулирования выступают гарантиями от чрезмерного и непропорционального вмешательства в общественные отношения, протекающие внутри этой компьютерной сети, всецело подчинены цели преодолению этого разрыва. *Негативное обязательство заключается в том, чтобы не создавались новые разновидности цифрового разрыва, способствующие сокращению возможностей личности в реализации всех тех же прав, что*

реализуются (должны реализоваться) в реальном мире и не соответствуют стандартам прав человека.

ГЛАВА 2. МЕСТО ПРАВА НА ДОСТУП В ИНТЕРНЕТ В СИСТЕМЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

§ 1. Пути признания права на доступ в Интернет в Российской Федерации

Рассматривая тему права на доступ в Интернет в системе конституционных прав и свобод, нельзя оставить в стороне и потенциальные пути его признания в России. Но для начала необходимо показать актуальное состояние вещей, степень проникновения идей о праве на доступ в Интернет в отечественное законодательство и судебную практику Конституционного Суда России.

Основа правовой системы Российской Федерации, ее Конституция, была принята 12 декабря 1993 года. Сравнивая ее с рассмотренными выше основными законами других государств, следует отметить, что она была принята в то время, когда Интернет только находился в стадии становления, был доступен далеко не повсеместно. Его влияние на общественную жизнь тогда нельзя сравнить с тем, которое он оказывает сейчас. На тот момент Интернет был не более чем перспективной технологией, притом, что в России была эпоха социальных и политических потрясений, проходило становление новой государственности. Так что отсутствие каких-либо положений на этот счет в Конституции понятно, хотя возможность доступа в Интернет в России тогда уже появилась¹⁹⁰.

В федеральных законах Интернет упоминается, но право на доступ в явном виде не закреплено. Однако в них фрагментарным образом содержатся положения, имеющие косвенное отношение к доступу в Интернет.

В первую очередь следует сказать о так называемых универсальных услугах связи, право на которые гарантируется ч.1 ст. 57 Закона о связи, в число таковых входят услуги телефонной и радиотелефонной связи, а также услуги по передаче данных и предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети

---

¹⁹⁰ С чего начинался российский Интернет // URL: <http://samag.ru/archive/article/556> (дата обращения: 12.03.2022).

Интернет, оказываемые с использованием точек доступа. Так, ч. 2 ст. 57 Закона о связи предусматривает обустройство во всех поселениях с населением от 100 до 500 человек, в которых не оказываются услуги по передаче данных и предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети Интернет, и не оказываются услуги радиотелефонной связи, не менее чем одной точки доступа для оказания услуг по передаче данных и предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети Интернет, и точки доступа для оказания услуг подвижной радиотелефонной связи. При этом точки доступа должны обеспечивать скорость не менее 10 мегабит в секунду.

Конкретный порядок оказания универсальных услуг связи регулируется Постановлением Правительства РФ от 21 апреля 2005 года № 241 (ред. от 16.11.2020) «О мерах по организации оказания универсальных услуг связи»¹⁹¹. Примечательно, что в пункте 3(2) Правил оказания универсальных услуг связи, утвержденных вышеуказанным Постановлением, требование к скорости не менее 10 мегабит дополнено требованием обеспечения бесплатного доступа к перечню интернет-сайтов. Перечень сайтов, к которым такой доступ предоставляется, установлен Приказом Минкомсвязи России от 21 июля 2015 года № 259 «Об утверждении Перечня сайтов информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", доступ к которым предоставляется оператором универсального обслуживания бесплатно»¹⁹², и он содержит 2170 сайтов, в том числе портал государственных и муниципальных услуг, а также органов государственной власти.

Впоследствии данный подход, заключающийся в формировании перечня ресурсов, доступных без оплаты, нашел развитие в Приказе Минкомсвязи России

---

¹⁹¹ Постановление Правительства РФ от 21 апреля 2005 г. № 241 (ред. от 16.11.2020) «О мерах по организации оказания универсальных услуг связи» // СЗ РФ. 25.04.2005. № 17. ст. 1572.

¹⁹² Приказ Минкомсвязи России от 21 июля 2015 г. № 259 (ред. от 02.08.2016) «Об утверждении Перечня сайтов информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", доступ к которым предоставляется оператором универсального обслуживания бесплатно» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 15.10.2015.

от 31 марта 2020 года № 148 «О проведении эксперимента об оказании гражданам на безвозмездной основе услуг связи по передаче данных и по предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" на территории Российской Федерации для использования социально значимых информационных ресурсов в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет"», в соответствии с которым в России стал возможным бесплатный доступ к ряду Интернет-ресурсов¹⁹³ для всех интернет-пользователей, за пределами оказания универсальных услуг связи. Приказ был издан в рамках исполнения поручений, поставленных Президентом Российской Федерации от 24 января 2020 № Пр-113 (подпункт «л» пункта 1)¹⁹⁴. Развитием этого эксперимента стал Федеральный закон от 02 июля 2021 года № 319-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О связи"¹⁹⁵. Данным законом была введена новация, ставшая ч. 5.3 ст. 46 Федерального закона «О связи»¹⁹⁶. Суть её во многом аналогична нормам, регулирующим порядок оказания универсальных услуг связи, и состоит в том, что на оператора связи, оказывающего услуги гражданину по передаче данных и предоставлению доступа в сеть Интернет (кроме случаев оказания данных услуг через спутник), возлагается дополнительное обязательство обеспечивать без взимания платы доступ к социально значимым ресурсам, включенным в соответствующий перечень. В качестве социально значимых в перечень включены официальные сайты государственных органов и органов местного самоуправления

---

¹⁹³ Приказ Минкомсвязи России от 31 марта 2020 года № 148 "О проведении эксперимента об оказании гражданам на безвозмездной основе услуг связи по передаче данных и по предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" на территории Российской Федерации для использования социально значимых информационных ресурсов в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" (ред. от 1.07.2021) // Документ не был опубликован

¹⁹⁴ Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию (утв. Президентом РФ 24.01.2020 № Пр-113) // URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/62673> (дата обращения: 26.03.2022).

¹⁹⁵ Федеральный закон от 02 июля 2021 года № 319-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О связи" // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 2 июля 2021 года.

¹⁹⁶ Федеральный закон от 7 июля 2003 года № 126-ФЗ «О связи» (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 14.07.2003. № 28. Ст. 2895.

в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", официальные сайты государственных внебюджетных фондов Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", порталы государственных и муниципальных услуг, определяемые правительственной комиссией. В указанный перечень могут включаться иные сайты в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", информационные системы и программы для электронных вычислительных машин, определяемые правительственной комиссией» (ч. 5.3. ст. 46. Закона о связи).

Таким образом, имеются основания для констатации того, что в России государством взяты обязательства по повышению доступности Интернета. Как видно, в данном случае правовое регулирование касается и технического и нетехнического факторов доступа к сети Интернет. Однако нельзя говорить о состоявшейся формализации права на доступ в Интернет, в отличие от права на универсальное обслуживание. Имеются основания, которые позволяют провести разделение этих двух прав. С теоретической точки зрения, сама идея универсальных услуг связи призвана дать населению огромной страны, проживающему на территориях, к которым бизнесу не выгодно проводить коммуникационные линии, возможность получить современные услуги связи в заданный срок, с установленным качеством и по доступной цене (п.30 ст.2 Закона о связи). Фактически механизм универсальных услуг связи направлен на решение проблем, связанных с техническим фактором доступа и проблем, связанных с нетехническим объективным фактором, что выражается в государственном регулировании тарифов в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 21 апреля 2005 г. № 242 "Об утверждении Правил государственного регулирования тарифов на универсальные услуги связи"¹⁹⁷. С другой стороны, сама концепция права на универсальные услуги связи не отражает конституционно-правового

---

¹⁹⁷ Постановление Правительства РФ от 21 апреля 2005 г. № 242 (ред. от 17.04.2021) «Об утверждении Правил государственного регулирования тарифов на универсальные услуги связи» // СЗ РФ. 25.04.2005. № 17, ст. 1573.

значения доступа в Интернет, и не несёт гарантий, нужных в современных условиях цифровизации, не учитывает проблем, касающихся соразмерности ограничений доступа к Интернету. Помимо этого, ограниченно решается проблема с точки зрения технического фактора доступа в Интернет, и это решение касается только обеспечения доступности инфраструктуры в отдаленных районах, но практически никак не решается проблема нетехнического субъективного фактора, в том числе в отношении населения старшего поколения, проживающего в отдаленных уголках и не сведущего в информационных технологиях. Если попытаться сравнить с точки зрения субъективного нетехнического фактора доступ в Интернет и таксофонную, и радиотелефонную связь (именно как сотового телефона, без учета возможности его использования для передачи данных в Интернет), то достаточно легко понять, что возможности, которые предлагают последние, весьма ограничены, хотя и требования к технической квалификации их пользователя тоже меньше. С практической точки зрения также нельзя сказать, что института универсальных услуг связи достаточно, так пандемия Covid-19 показала, что несмотря на длительное существование права на универсальные услуги, адекватно проблема цифрового неравенства так и не решена, возможно, признание права на доступ в Интернет в качестве конституционного способствовало бы решению этой проблемы в большей степени, чем отраслевое право на универсальные услуги связи.

К нетехническому фактору права на доступ в Интернет также относится «право на забвение». В отличие от права на доступ в Интернет, данное право можно характеризовать уже как вполне оформившееся и получившееся закрепление с принятием Федерального закона от 13 июля 2015 года № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса

Российской Федерации»¹⁹⁸. В Закон об информации была добавлена ст. 10.3, устанавливающая обязанность оператора поисковой системы «...прекратить выдачу сведений об указателе страницы сайта в сети “Интернет”... позволяющих получить доступ к информации о заявителе, распространяемой с нарушением законодательства Российской Федерации, являющейся недостоверной, а также неактуальной, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя, за исключением информации о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, и информации о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость». Отдельным направлением регулирования доступа в Интернет в России являются ограничения этого доступа, проявляющиеся во вмешательстве в технический и нетехнический фактор. Подробно данная проблематика будет освещена в § 4 «Проблемы ограничения доступа в Интернет» главы 2 настоящей диссертации.

Доступ в Интернет тем или иным образом затрагивался в практике Конституционного Суда Российской Федерации. При этом напрямую вопрос о наличии права на доступ в Интернет перед данным органом не ставился.

Конституционным Судом были рассмотрены дела, в которых затрагивались различные аспекты доступа в Интернет.

В числе наиболее хронологически ранних актов такого рода следует рассматривать Постановление Конституционного Суда от 28 февраля 2006 года № 2-П¹⁹⁹. В данном постановлении Суд отчасти затронул проблематику обеспечения доступа в Интернет, отметив, что «...любому пользователю услугами связи должна

---

¹⁹⁸ Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 14 июля 2015 года.

¹⁹⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2006 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “О связи” в связи с запросом Думы Корякского автономного округа» // Российская газета. № 50. 14 марта 2006 г.

быть обеспечена реальная возможность на всей территории Российской Федерации в заданный срок, с установленным качеством и по доступной цене пользоваться универсальными услугами связи – услугами телефонной связи с использованием таксофонов и услугами по передаче данных и предоставлению доступа к сети “Интернет” с использованием пунктов коллективного доступа».

В Постановлении Конституционного Суда от 9 июля 2013 года № 18-П²⁰⁰ Судом проанализирован международный опыт, в частности, касающийся освобождения от ответственности владельца ресурса в сети Интернет, на котором были размещены сведения, порочащие заявителя жалобы, и обеспечения защиты его чести и достоинства с учетом специфики сети Интернет. Фактически здесь был затронут объективный нетехнический фактор доступа. Судом сделан значимый вывод о том, что владелец сайта сети в Интернет, не зарегистрированного в качестве средства массовой информации, или уполномоченное им лицо, которое ответственно за размещение информации на этом сайте, обязаны удалить по требованию гражданина информацию, содержащую сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, которые вступившим в законную силу судебным решением признаны не соответствующими действительности.

Также знаковым представляется Определение Конституционного Суда от 17 июля 2014 года № 1759-О²⁰¹. Здесь Конституционным Судом сделан неоднозначный вывод о том, что в случае, если из-за применения мер по блокировке интернет-ресурса, нарушающего законодательство Российской Федерации, оказался случайно заблокирован и «законопослушный» ресурс, то

---

²⁰⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Крылова» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 11 июля 2013 г.

²⁰¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2014 г. № 1759-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Харитонов Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части 2 статьи 15.1 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и пунктом 2 статьи 3 Федерального закона “О внесении изменений в Федеральный закон “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию” и отдельные законодательные акты Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс».

права владельца этого ресурса на распространение информации оказались «...затронуты не решением о включении сетевого адреса в Единый реестр и принятыми в связи с этим мерами, а ненадлежащими действиями (бездействием) обслуживающего их провайдера хостинга. Соответственно, защита их права на распространение информации должна осуществляться, прежде всего, в рамках правоотношений с обслуживающим их провайдером хостинга». Неоднозначность выражается в том, что блокировка, осуществленная по IP-адресу (как в данном случае), имеет неизбирательный характер, и вызывает ограничение прав владельцев сайтов без надлежащих правовых оснований. Ситуация усугубляется ещё тем, что сайт был размещен на оборудовании организации-хостера DreamHost, находящейся в юрисдикции США. В случае зарубежных хостингов механизмы, которые позволили бы воздействовать на эти организации и добиться исполнения российского законодательства зачастую не работают, единственный вариант – блокировка сайта-нарушителя²⁰², итоговый результат которой не всегда соответствует критерию соразмерности вводимых ограничений. При этом возможность защиты нарушенных прав также вызывают вопросы: если исходить из позиции, что нарушение произошло по причине неисполнения обязательств иностранной организацией-хостером сайта, то в случае отсутствия его представительства на территории Российской Федерации, единственным вариантом будет обращение в суд государства, в котором находится данная организация. Кроме того, потребуется ещё доказать этому суду, что организация-хостер была обязана соблюдать законодательство России. Таким образом, перспективы защиты нарушенных прав в этом случае весьма призрачны.

В дальнейшем заявитель по данному делу обратился в Европейский Суд по правам человека и добился того, что этот орган коммуницировал жалобу

---

²⁰² Западные сайты пошли на контакт с Роскомнадзором // URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/08/12/2014/54819853cbb20f382b230277 (дата обращения: 29.12.2022)

российским властям²⁰³. Впоследствии 23 июня 2020 года Европейский Суд принял решение в пользу заявителя²⁰⁴.

В Определении Конституционного Суда от 22 декабря 2015 года № 3024-О²⁰⁵ рассматривался вопрос противодействия экстремизму в сети Интернет, и была затронута проблематика вмешательства в нетехнический объективный фактор доступа (блокировки сайтов с экстремистскими материалами). Суд пришел к выводу, что данное правовое регулирование, направленное на противодействие экстремизму, «...будучи обусловленным необходимостью обеспечения безопасности государства, защиты прав и свобод неограниченного круга лиц, не может рассматриваться как нарушающее конституционные права заявителя».

В Постановлении Конституционного Суда от 26 октября 2017 года № 25-П²⁰⁶ суд затронул нетехнический объективный фактор работы в Интернете, заключающийся в возможности нарушения прав обладателя информации в случае, если лицо, которому обладатель информации предоставил к ней доступ, посредством Интернета осуществило пересылку этой информации на принадлежащий себе адрес электронной почты. Суд счел, что тем самым создаются «условия для ее дальнейшего неконтролируемого распространения» в сети Интернет.

---

²⁰³ Kharitonov v. Russia. App. No(s). 10795/14 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-173648> (дата обращения: 04.04.2022).

²⁰⁴ CASE OF VLADIMIR KHARITONOV v. RUSSIA. Application no. 10795/14. Judgement. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-203177> (дата обращения: 04.04.2022).

²⁰⁵ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 3024-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы иностранной организации “Watchtower Bible and Tract Society of New York, Inc.” на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 3 статьи 1 и статьей 13 Федерального закона “О противодействии экстремистской деятельности”, а также пунктом 2 части 5 статьи 15.1 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2017 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” в связи с жалобой гражданина А.И. Сушкова» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 27 октября 2017 г.

К числу интересных правовых позиций, касающихся нетехнического фактора доступа в сеть Интернет, следует отнести Постановление Конституционного Суда от 25 мая 2021 года № 22-П²⁰⁷, где предметом рассмотрения стало с одной стороны выявление конституционно-правового смысла в системе действующего правового регулирования пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона «О персональных данных» (далее – Закон о персональных данных), которым устанавливается правовая основа обработки персональных данных для осуществления профессиональной деятельности журналиста и (или) законной деятельности средства массовой информации либо научной, литературной или иной творческой деятельности при условии, что при этом не нарушаются права и законные интересы субъекта персональных данных, в деле в качестве субъекта фигурировал медицинский работник. Конституционный Суд своим Постановлением прояснил некоторые пределы обработки персональных данных в части обеспечения законных интересов субъекта персональных данных, когда сетевое издание осуществляет размещение публикаций в сети Интернет, касающихся этого лица. В частности, Судом указано, что редакция сетевого издания:

- должна не допускать наличия на своем сайте исходящих от третьих лиц оценок, не относящихся к профессиональной деятельности медицинского работника, а равно очевидно противоправных высказываний;

- обязана принимать меры по проверке сведений, предположительно содержащих не соответствующие действительности утверждения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию медицинского работника, на основании его обращения в разумные сроки, с целью их изменения либо удаления, а равно с целью опубликования в установленном законом порядке опровержения (ответа) на том же сайте, на время проверки приостанавливая доступ к

---

²⁰⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2021 года № 22-П «По делу о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона "О персональных данных" в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "МедРейтинг"» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 28 мая 2021.

соответствующему отзыву или делая пометку о его спорном характере. В числе таких мер суд указывает премодерацию, или мониторинг размещенных комментариев, оперативно осуществляемый вне зависимости от поступления соответствующих обращений, для воспрепятствования наличию в издании (на сайте) очевидно противоправных суждений пользователей в адрес медицинского работника, включая такие запрещенные нормами публичного права высказывания, которые представляют собою оскорбление (статья 5.61 КоАП Российской Федерации) и не пользуются конституционной защитой.

Следует с сожалением констатировать, что ряд жалоб, касающихся доступа в Интернет, были оставлены Судом без рассмотрения со ссылкой на статьи 96 и 97 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»²⁰⁸, так как заявители не представили доказательств применения оспариваемых положений судами в их деле.

По одной из таких жалоб было вынесено Определение Конституционного Суда от 28 сентября 2017 года № 2210-О²⁰⁹. Жалоба касалась введения подзаконным актом дополнительных ограничений прав подозреваемых и обвиняемых, в частности, ограничения доступа по сети Интернет к правовой информации для этих лиц с особым правовым статусом.

Также в этой связи следует указать Определение Конституционного Суда от 29 мая 2018 года № 1153-О²¹⁰, где заявитель полагал «...возможность массового

---

²⁰⁸ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 31.07.2023) // СЗ РФ 25.07.1994. № 13. Ст. 1447.

²⁰⁹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 сентября 2017 г. № 2210-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лысаковского Дмитрия Ивановича на нарушение его конституционных прав частями первой и третьей статьи 16, пунктом 12 части первой статьи 17, частью четвертой статьи 25 и частью второй статьи 36 Федерального закона “О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений”» // СПС «КонсультантПлюс».

²¹⁰ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 мая 2018 г. № 1153-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Седова Владимира

ограничения прав граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений», связанную с блокировкой популярного мессенджера Telegram.

Интересен тот факт, что часто доступ в Интернет в практике Конституционного Суда рассматривается как некий инструмент, посредством которого фактически реализуется право на доступ к правосудию (ст. 46 Конституции) и как средство, помогающее обеспечить реализацию принципа гласности правосудия (ч. 1 ст. 123 Конституции). Данные позиции имеют только косвенное отношение к праву на доступ в Интернет, но тем не менее для нашего исследования представляют интерес, так как иллюстрируют позицию органа конституционного контроля по отношению к реализации закрепленных в Конституции прав посредством доступа в сеть Интернет.

Так, в Определении от 25 января 2012 года № 162-О-О²¹¹ размещение судебных актов в Интернете рассматривается как средство обеспечения принципов гласности и открытости судебного разбирательства, способствующее реализации законной силы судебного решения (п. 2 мотивировочной части).

В Определении от 17 июня 2013 года № 1001-О²¹² прослеживается связь доступа в Интернет с правом на доступ к правосудию, а точнее, с правом на обжалование судебного акта: «дата наиболее ранней публикации или размещения на официальном сайте Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в

Сергеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 4.1 статьи 10.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»» // СПС «КонсультантПлюс».

²¹¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2012 г. № 162-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Данилова Ивана Геннадьевича на нарушение его конституционных прав частью 3 статьи 125 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частями 1 и 2 статьи 15 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»» // СПС «КонсультантПлюс».

²¹² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июня 2013 г. № 1001-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «АВТОВОКЗАЛ СЕРВИС» на нарушение конституционных прав и свобод частями 1 и 3 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, в котором определена либо изменена практика применения правовой нормы, при наличии в нем указаний на возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных актов, должна считаться датой появления или открытия обстоятельства, являющегося в соответствии с пунктом 5 части 3 статьи 311 АПК Российской Федерации основанием пересмотра судебного акта по новым обстоятельствам». Следует добавить, что здесь фактически идет речь о преимуществе сети Интернет как источника правовой информации в сравнении с печатными периодическими изданиями, доступ к которым в современной обстановке сравнительно более проблематичен, чем доступ к официальному сайту органа судебной власти.

В Определении Конституционного Суда от 25 мая 2017 года № 1063-О²¹³ размещение в Интернете судебного решения по делу, рассмотренному в закрытом заседании, аналогичным образом показано как средство реализации принципа гласности правосудия (п. 2.2 мотивировочной части).

В Постановлении Конституционного Суда от 4 декабря 2017 года № 35-П содержится интересный вывод о факультативности информирования граждан о фактах привлечения к административной ответственности через Интернет, отсутствии у граждан обязанности узнавать о фактах привлечения самостоятельно. Возможность граждан узнавать о фактах зависит от наличия доступа к сети Интернет, а также здесь говорится о недопустимости отождествления факта направления копии постановления о назначении административного наказания с размещением информации о постановлении в Интернете.

---

²¹³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 мая 2017 г. № 1063-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Еникеева Евгения Владимировича и других на нарушение их конституционных прав частями второй и восьмой статьи 10 и частью второй статьи 199 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

В Определении Конституционного Суда от 28 июня 2018 года № 1662-О²¹⁴ затронута проблема обеспечения безопасности персональных данных участников судопроизводства и ограничения возможности распространения судебных актов, которые были первоначально выгружены в сеть Интернет ошибочно, без необходимого удаления ряда сведений в соответствии с ч. 3 ст. 15 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» от 22 декабря 2008 № 262-ФЗ²¹⁵. Этот вопрос касается объективного нетехнического фактора доступа в Интернет – ограничений в плане возможности публиковать там охраняемую законом информацию.

Достаточно показательно в плане связи процессуальных прав с доступом в Интернет и Определение Конституционного Суда от 8 ноября 2018 года № 2797-О²¹⁶. Здесь говорится, в частности: «... с развитием информационных технологий и их последовательным внедрением в судопроизводство изготовление решения арбитражного суда в форме электронного документа является приоритетным, и только отсутствие технической возможности считается основанием для изложения решения на бумажном носителе ... решение суда считается полученным лицами, участвующими в деле, на следующий день после его размещения на официальном сайте арбитражного суда в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” ... Несвоевременное размещение арбитражным судом вынесенного им решения в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” может

---

²¹⁴ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2018 г. № 1662-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Нетупского Павла Иосифовича на нарушение его конституционных прав частями 3, 4 и 6 статьи 15 Федерального закона “Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации”, пунктом 1 части 1 статьи 6 Федерального закона “О персональных данных” и статьей 4 Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”» // СПС «КонсультантПлюс».

²¹⁵ Федеральный закон от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217.

²¹⁶ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 08 ноября 2018 г. № 2797-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда о проверке конституционности части 6 статьи 121, абзаца третьего части 1 статьи 177 и части 2 статьи 259 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

являться основанием для удовлетворения ходатайства заинтересованного лица о восстановлении пропущенного срока на его обжалование в целях реализации его права на обжалование неправомерного судебного решения в условиях пропуска процессуального срока на подачу жалобы по не зависящим от него причинам».

Из проведенного анализа позиций Конституционного Суда, касающихся реализации права на доступ к правосудию, обеспечения гласности судопроизводства, следует сделать промежуточный вывод о том, что с течением времени, с нарастающим внедрением информационных технологий в судопроизводство, Суду приходится решать большее количество вопросов, связанных с доступом в Интернет и влиянием этого доступа в том числе и на доступ к правосудию. Судебная система активно обращается к информационным технологиям с целью оптимизации собственной работы, принят целый ряд документов, направленных на построение системы электронного правосудия²¹⁷.

Помимо указанных выше дел из практики Конституционного Суда, следует указать и на Определение Конституционного Суда от 28 февраля 2017 года № 423-О²¹⁸. Здесь Судом изложена интересная позиция, в соответствии с которой доступ в Интернет – объективное условие для проявления должной осмотрительности при участии в гражданском обороте, в частности, для проверки отсутствия залогового обременения на предмете сделки: «...Федеральная нотариальная палата обеспечивает с использованием информационно-телекоммуникационной сети

---

²¹⁷ Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2012 № 1735-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы "Развитие судебной системы России на 2013 - 2020 годы"» // СЗ РФ. 01.10.2012. № 40. ст. 5474; Концепция развития информатизации судов до 2020 года, утв. Постановлением Президиума Совета судей РФ 19.02.2015 № 439 // URL: <https://base.garant.ru/71062432/> (дата обращения: 29.03.2023); "Концепция информатизации Верховного Суда Российской Федерации" (утв. приказом Верховного Суда РФ от 15.02.2021 № 9-П) // URL: <http://www.vsrp.ru/files/29675/> (дата обращения: 29.03.2023).

²¹⁸ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2017 г. № 423-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ребриной Виктории Эдуардовны на нарушение ее конституционных прав абзацем первым пункта 4 статьи 339.1 во взаимосвязи с подпунктом 2 пункта 1 статьи 352 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

“Интернет” ежедневно и круглосуточно свободный и прямой доступ неограниченного круга лиц без взимания платы к сведениям о залоге движимого имущества, содержащимся в единой информационной системе нотариата...отказывая в удовлетворении исковых требований В.Э. Ребриной, суды исходили из того, что при должной степени заботливости и осмотрительности, добросовестное поведение истицы предполагало принятие ею всех разумных мер для проверки наличия находящихся в открытом доступе сведений о залоге имущества в реестре уведомлений о залоге движимого имущества».

В целом же следует констатировать, что несмотря на то, что Конституционный Суд пока не признал право на доступ в Интернет напрямую, перед ним все чаще встают вопросы, связанные с доступом в Интернет как таковым и связи этого доступа с реализацией тех или иных прав человека, что теоретически может рассматриваться как создание благоприятной почвы и для возможного признания права на доступ в Интернет.

Следует также указать и на достаточно знаковое особое мнение судьи Г.А. Жилина, приложенное к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2012 года № 29-П²¹⁹. Здесь им были прямо затронуты технический и нетехнический субъективный фактор доступа в Интернет: «В системе действующего правового регулирования оспоренные законоположения, по существу, ставят возможность реализации права на участие в судебном заседании и других сопряженных с ним процессуальных прав, предоставленных законом всем участвующим в деле лицам без исключения, в зависимости от наличия доступа к интернет-ресурсам и умения ими пользоваться». Следует указать на тот факт, что здесь еще более прослеживается связь доступа в сеть Интернет и доступа к

---

²¹⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2012 г. № 29-П «По делу о проверке конституционности положений части пятой статьи 244.6 и части второй статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.Г. Круглова, А.В. Маргина, В.А. Мартынова и Ю.С. Шардыко» // Российская газета. № 289. 14 декабря 2012 г.

правосудию, возможности должным образом реализовывать свои процессуальные права.

Каким же образом возможно формализовать право на доступ в Интернет в Российской Федерации? Как нам представляется, для этого открыты три направления:

- закрепление соответствующего положения в Конституции Российской Федерации;
- принятие федерального закона, предоставляющего гарантии в области обеспечения доступа в Интернет и работы в нем;
- выработка Конституционным Судом Российской Федерации соответствующей позиции, т.е. признание данного права органом конституционного контроля.

В качестве первого и наиболее очевидного пути включения права на доступ в Интернет в систему конституционных прав следует рассматривать включение соответствующей нормы в Конституцию Российской Федерации. Однако этот путь представляется самым трудновыполнимым и маловероятным, что обусловлено особым порядком изменения главы 2 Конституции, предусмотренным ее ст. 135, равносильным принятию новой Конституции. В то же время полностью исключать такую возможность не следует²²⁰. Кроме того, этот же способ был бы наилучшим с позиции восприятия прав человека как высшей ценности.

Если встанет вопрос о принятии новой Конституции, то возможной формулировкой для закрепления права на доступ в Интернет представляется следующая: «Каждому гарантируется доступ к всемирной глобальной компьютерной сети Интернет и использование его в целях, не противоречащих закону. Введение мер, препятствующих доступу во всемирную компьютерную сеть Интернет, не допускается. Связность российского сегмента информационно-телекоммуникационной сети со всемирной компьютерной сетью Интернет

---

²²⁰ Медведев Д.А. 25 лет Конституции: баланс между свободой и ответственностью URL: <http://government.ru/news/35053/> (дата обращения: 12.03.2022).

гарантируется государством». В случае, если бы существовала возможность изменения содержания главы второй Конституции, то данная формулировка могла бы стать ч. 6 ст.29.

Другим возможным путем формального закрепления права на доступ в Интернет является издание специального федерального закона.

В Российской Федерации существует упомянутый Закон об информации. В соответствии с ч. 1 ст. 1 этого закона он регулирует отношения, возникающие при:

1) осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации;

2) применении информационных технологий;

3) обеспечении защиты информации.

В данном законе большое внимание уделено Интернету, но по большей части в плане создания ограничений, а не гарантирования реализации возможностей, предоставляемых Интернетом. В частности, речь идет о девяти статьях (15.1-15.8), где детально описываются разнообразные основания и процедуры введения ограничений, которые будут рассмотрены позднее.

Закон об информации был принят в 2006 году. Примечателен факт, что на момент его принятия он не содержал какого бы то ни было регулирования, ограничивающего возможности работать в сети Интернет. Более того, в первоначальной редакции Интернет был упомянут единожды, в подп. 3 ч. 1 ст. 12: «Государственное регулирование в сфере применения информационных технологий предусматривает ... создание условий для эффективного использования в Российской Федерации информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети “Интернет” и иных подобных информационно-телекоммуникационных сетей». Сейчас же общая направленность этого закона существенно поменялась. По этой причине, а также принимая во внимание положение ст. 18 Конституции о том, что права и свободы человека и гражданина определяют «...смысл, содержание и применение законов, деятельность

законодательной и исполнительной власти...», представляется, что данная ситуация в любом случае должна была быть исправлена.

По всей видимости, законодатель осознал с одной стороны значимость доступа в Интернет в повседневной жизни, а с другой стороны также сложившийся в общем «ограничительный» уклон правового регулирования. И здесь примечательны новации, введенные в законодательство в 2021 году Федеральным законом от 02 июля 2021 года № 319-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи»»,²²¹ который был охарактеризован в начале параграфа. Данный закон может рассматриваться в качестве определённого этапа формализации права на доступ в Интернет, в котором нашли некоторое отражение общемировые тенденции признания значимости доступа в сеть для реализации прав человека, так как он фактически гарантирует доступ к «социально значимым информационным ресурсам».

Для подключения данного способа доступа к интернет-ресурсам требуется приложение оператора связи, в котором возможна активация и деактивация данной тарифной опции. При этом также потребуются использовать подтвержденную учетную запись на сервисе государственных услуг, что несколько ухудшает «доступность» доступного Интернета. В случае, если данной учетной записи не имеется (либо же учетная запись не имеет статуса подтвержденной), или же если пользователь не помнит пароль от своей учетной записи и испытывает трудности с его восстановлением, подключить социально значимый Интернет не получится²²².

---

²²¹ Федеральный закон от 02 июля 2021 года № 319-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О связи"» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 02 июля 2021 года.

²²² См. например: <https://moskva.mts.ru/personal/mobilnaya-svyaz/uslugi/mobilnaya-svyaz/dostupniy-internet> (дата обращения: 30.03.2023); https://moscow.megafon.ru/services/internet/access_internet.html# (дата обращения: 30.03.2023); <https://moskva.beeline.ru/customers/products/mobile/services/details/dostupniy-internet/> (дата обращения: 30.03.2023).

Однако имеется и ряд обстоятельств, которые приходится оценивать критически. В первую очередь, вызывает вопросы само подразделение ресурсов на «социально значимые» и все прочие. У этого подхода обнаруживаются недостатки. Встаёт вопрос о необходимости поддержания здоровой конкуренции²²³ в таких условиях, когда одни ресурсы теоретически могут получить преференцию перед другими ресурсами, за счёт аудитории, которая будет способна обращаться к этим ресурсам всегда и в любых условиях. Здесь можно привести определённую аналогию с телефонами экстренных служб, на которые возможно дозвониться всегда и при любом балансе, что стало возможным благодаря возложению на оператора соответствующей обязанности, предусмотренной ст. 52 Закона о связи. При этом данная статья содержит гарантии для операторов связи в части получения возмещения (ч. 2), а именно, устанавливает что «расходы операторов связи, понесенные в связи с обеспечением вызова экстренных оперативных служб, в том числе расходы, связанные с оказанием услуг по присоединению сетей связи экстренных оперативных служб к сети связи общего пользования и передаче и приёму сообщений этих служб, возмещаются на основании договоров, заключаемых операторами связи с органами и организациями, создавшими соответствующие экстренные оперативные службы». То есть данное обязательство оператора финансируется в итоге государством, и следовательно, не должно оказывать непосредственного влияния на стоимость услуг связи для пользователей этих услуг.

С доступом же к социально значимым ресурсам такой гарантии федеральным законом не устанавливается, а значит, что расходы, которые операторы связи неизбежно понесут на реализацию данной обязанности, будут ими осуществляться за счёт собственных средств, что с большой долей вероятности повлечёт за собой повышение стоимости услуг для потребителей услуг связи, а следовательно доступ в сеть Интернет рискует стать менее «доступным». Ситуация усугубляется также

---

²²³ Щербович А.А. Конституционное право на доступ к Интернету: мировой опыт и выводы для России // Копирайт. 2015. № 3. С 62.

расходами, которые операторы связи были вынуждены нести в связи с принятием т. н. «Закона Яровой», а именно, Федерального закона от 6 июля 2016 года № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О противодействии терроризму" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»²²⁴. В соответствии с данным законом на операторов связи было возложено множество обязанностей, среди которых выделяются обязанности по хранению на территории Российской Федерации (часть 1 статьи 64 Закона о связи):

– информации о фактах приёма, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, текстовых сообщений, изображений, звуков, видео- или иных сообщений пользователей услугами связи - в течение трёх лет с момента окончания осуществления таких действий;

– текстовых сообщений пользователей услугами связи, голосовой информации, изображений, звуков, видео-, иных сообщений пользователей услугами связи - до шести месяцев с момента окончания их приёма, передачи, доставки и (или) обработки.

При этом ситуация усугубляется ещё и дополнительной обязанностью операторов, возложенной на них пунктом 6 Постановления Правительства РФ от 12 апреля 2018 года № 445 «Об утверждении Правил хранения операторами связи текстовых сообщений пользователей услугами связи, голосовой информации, изображений, звуков, видео- и иных сообщений пользователей услугами связи», заключающейся в ежегодном увеличении ёмкости технических средств накопления информации на 15 процентов в течение 5 лет с даты ввода технических

---

²²⁴ Федеральный закон от 06 июля 2016 года № 374-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О внесении изменений в Федеральный закон "О противодействии терроризму" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 07 июля 2016 года.

средств накопления информации в эксплуатацию²²⁵. По оценкам операторов, совокупные издержки для индустрии за 5 лет составляют почти 150 миллиардов рублей²²⁶. Что характерно, данная обязанность с момента вступления в силу была дважды «заморожена» в силу принятия сначала Постановления Правительства от 16 июня 2021 года № 914²²⁷, а затем Постановления Правительства РФ от 28 марта 2022 года № 498²²⁸. Исполнение этой обязанности было приостановлено до 30 марта 2023 года. Таким образом по причине фактической "заморозки" реализации обязанности увеличить емкости хранения данных негативные экономические эффекты от данных норм снижены.

Тем не менее операторы вынуждены нести существенные расходы, что в итоге стало негативно сказываться на доступности услуг связи как таковых для населения. Так, в конце 2021 года существенно сократилось предложение от операторов безлимитных тарифов на услуги мобильного доступа в сеть Интернет, ряд операторов полностью исключили возможность подключения тарифа для новых пользователей, оставив их только для тех, у кого они были подключены

---

²²⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2018 года № 445 (ред. от 28.03.2022) «Об утверждении Правил хранения операторами связи текстовых сообщений пользователей услугами связи, голосовой информации, изображений, звуков, видео- и иных сообщений пользователей услугами связи» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 19 апреля 2018 года.

²²⁶ Операторы связи потратили на оборудование для закона Яровой 10 млрд рублей // URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2019/12/10/818309-operatori-svyazi-kupili-oborudovanie-rosteha> (дата обращения: 30.03.2023).

²²⁷ Постановление Правительства от 16 июня 2021 года № 914 «О приостановлении действия абзаца второго пункта 6 Правил хранения операторами связи текстовых сообщений пользователей услугами связи, голосовой информации, изображений, звуков, видео- и иных сообщений пользователей услугами связи» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 18.06.2021 (утратило силу с 30.03.2022).

²²⁸ Постановление Правительства РФ от 28 марта 2022 года № 498 «О внесении изменений в Правила хранения операторами связи текстовых сообщений пользователей услугами связи, голосовой информации, изображений, звуков, видео- и иных сообщений пользователей услугами связи, приостановлении действия отдельного положения указанных Правил и признании утратившим силу Постановления Правительства Российской Федерации от 16 июня 2021 г. № 914» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 18.06.2021.

ранее²²⁹. Фактически имеются основания для рассматривания данных обязанностей в качестве налогообложения в натуральной форме²³⁰.

Примечательно, что в других юрисдикциях можно обнаружить компенсирующие выплаты операторам при осуществлении ими схожей деятельности. Так, принятая в Австралии 2015 году Поправка № 39 к Акту 1979 года о Телекоммуникациях, перехвате, доступе и хранении данных²³¹ подразумевает, что государство может выдавать гранты финансовой помощи сервис-провайдерам по соглашениям с ними (абзацы 1,2 статьи 187 KB).

Хотя и имеются определенные основания для констатирования включения Российской Федерации в общемировые тенденции, связанные с признанием права на доступ в Интернет в Российской Федерации, представляется, что сейчас признание данного права и дальнейшее его развитие находится на перепутье. С одной стороны, сложились объективные законодательные предпосылки в виде главы 7.1 Закона о связи, способствующие тому, чтобы российский сегмент сети мог становиться всё в большей степени закрытым в случае политического решения, на это справедливо указывается в литературе²³².

С другой стороны, можно рассматривать гарантии доступа к социально значимым информационным ресурсам как этап развития права на доступ в Интернет, особенно при условии, если круг таких информационных ресурсов будет расширяться, и не будет ограничиваться исключительно отечественными ресурсами, как указано сейчас в ч. 5.3 ст. 46 Закона о связи. Такой путь развития затрачивает ресурсы интернет-провайдеров, и не прост с технической точки зрения.

---

²²⁹ Мобильные операторы перестали подключать абонентов к безлимитному интернету // Forbes. 2021. 30 ноября. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/447697-mobil-nye-operatory-perestali-podklucat-abonentov-k-bezlimitnomu-internetu> (дата обращения: 26.03.2022).

²³⁰ См. подробнее: Хуснутдинов А.И. Бесплатный доступ к социально значимым интернет-сайтам в России: новый налог и вызов для конкуренции? // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 6. С. 95 - 107

²³¹ Telecommunications (Interception and Access) Amendment (Data Retention) Act 2015 No. 39, 2015. URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2015A00039> (дата обращения: 29.11.2022)

²³² Кравец И.А. Информационный и цифровой конституционализм и конституционные общественные инициативы в условиях российского правового пространства // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 9. С. 9-15.

Представляется, что оптимальным было бы смещение акцента на гарантирование права личности на доступ в Интернет, с сохранением подхода к обеспечению бесплатного доступа к социально значимым информационным ресурсам. Представляется, что для такого варианта построения регулирования целесообразно обратиться к рекомендациям, выработанным международными организациями, а также учитывать специфику реализации технического и нетехнического факторов доступа в сеть, присущие России.

На наш взгляд, такой закон должен содержать следующие положения:

1. Критерии минимального качества доступа в Интернет, доступных каждому пользователю. Нельзя сказать, что данные критерии совершенно неизвестны законодательству, один из таких критериев нашел закрепление в части 2 статьи 57 Закона о связи и касается минимальной скорости к окончательному оборудованию пользователя, однако имеются и иные характеристики, в частности, задержка сигнала, возможность стабильного и постоянного соединения, допустимое количество отказов оборудования провайдера доступа в определенный промежуток времени. Отметим, что подробно критерии качества доступа в Интернет рассматриваются в ГОСТ Р 55387-2012 «Качество услуги “доступ в Интернет”. Критерии качества»²³³, применение которого в силу части 1 статьи 26 Федерального закона от 29 июня 2015 года № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации»²³⁴ является добровольным.

2. Принцип действия в Интернете всех тех же прав и гарантий, что и в реальном мире, и конкретизирующие его положения;

3. Гарантии для лиц с ограниченными возможностями;

4. Гарантии в плане вводимых ограничений, порядка информирования о них и противодействия злоупотреблениям, с ним связанным;

---

²³³ ГОСТ Р 55387-2012 «Качество услуги “Доступ в Интернет”. Показатели качества». URL: <https://internet-law.ru/gosts/gost/54681/> (дата обращения: 30.11.2022)

²³⁴ Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 162-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О стандартизации в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 30.06.2015.

5. Принципы взаимодействия с зарубежными государствами в урегулировании вопросов, связанных с Интернетом.

Вместе с тем мы полагаем, что дальнейшая формализация права на доступ в Интернет в федеральном законодательстве не означает снижения его значения до уровня обычного отраслевого права. В связи с этим интересно следующее утверждение С.А. Авакьяна: «... можно ли основные права, свободы и обязанности закреплять не в конституции государства, а в иных источниках конституционного права? Ответ должен быть таким: основные права, свободы и обязанности целесообразнее отражать в нормах конституции; при определенных обстоятельствах все-таки нельзя исключать первоначального их включения в акты текущего законодательства – при условии, что на очередном этапе конституционных реформ такие права, свободы и обязанности поднимаются на уровень конституционного регулирования»²³⁵.

Как показывает практика других государств, рассмотренная ранее, заметную роль в признании права на доступ в Интернет может сыграть орган конституционного контроля. В этом отношении мы разделяем позицию Г.А. Гаджиева, который справедливо отмечает, что «поскольку Конституционный Суд РФ является одним из высших органов государства, целью его деятельности и одновременно обязанностью является не только защита, но и признание прав и свобод человека и гражданина»²³⁶.

Представляется, что при формировании соответствующей правовой позиции Конституционный Суд Российской Федерации мог бы руководствоваться следующими соображениями.

Во-первых, Суд полномочен уточнить, что подразумевается под «общепризнанными» правами, которые упоминаются в ч. 1 ст. 55 («перечисление

---

²³⁵ Авакьян С.А. Конституционное право России: Учебный курс. 2-е изд., перераб. и доп. В 2 т. Т.1.М.: Юристъ, 2007. С. 571, 572.

²³⁶ Гаджиев Г.А. Цели, задачи и предназначение Конституционного Суда Российской Федерации. Часть I // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 1. // СПС «КонсультантПлюс».

в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина») и в ч. 1 ст. 17 Конституции Российской Федерации («В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией»).

Получающее все большее внимание и признание на международном уровне, право на доступ в Интернет может быть признано Конституционным Судом по этому направлению. Более того, «Конституция, обязывая признать права человека, накладывает на государство обязанность юридически закрепить права человека, существующие до и вне государства, а также воспроизвести в законодательстве России международные стандарты прав человека...»²³⁷.

Подобный случай уже имел место, например, в Определении от 19.11.2009 года № 1344-О-Р²³⁸, где были исследованы общемировые тенденции в нормотворчестве касательно отмены смертной казни.

Во-вторых, Конституционный Суд может вывести право на доступ в Интернет путем толкования прав, прямо закрепленных в Конституции Российской Федерации. Подобный подход находит свое освещение в литературе. Так, например, В.А. Кряжков, основываясь на анализе международно-правовых и конституционно-правовых положений, указывает на наличие оснований для признания права коренных малочисленных народов на традиционный образ жизни

---

²³⁷ Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М.: Норма, 2008. С. 110.

²³⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 г. № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 г. «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Российская газета. 27 ноября 2009 г. (Определение). № 226.

в качестве отдельного конституционного права²³⁹. Такой сценарий можно считать реалистичным еще и потому, что «буквальный смысл конституционных прав не всегда является однозначным, а нередко со временем в процессе толкования “обрастает” новым смыслом»²⁴⁰.

Применительно к праву на доступ в Интернет наиболее приемлемым «материнским» конституционным правом можно считать право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ч. 4 ст. 29). Однако, как мы покажем в следующем параграфе, не стоит рассматривать доступ в Интернет в качестве исключительно способа реализации права на информацию, или в качестве его отдельного правомочия.

Вариантом выработки позиции для признания права на доступ в Интернет является обращение к конституционным принципам верховенства прав и свобод человека (ст.2 Конституции России), их непосредственного действия (ст.18 Конституции), с учетом выработанного на международном уровне положения о равенстве действия прав и свобод человека в реальном мире и в Интернете (см. Декларацию Комитета Министров Совета Европы СМ (2005) 56 «Права человека и верховенство закона в информационном обществе» от 13 мая 2005 года)²⁴¹. Если исходить из того, что права и свободы человека – высшая ценность, то становится логичным предположить, что они должны сохранять свою значимость в любых условиях, везде, где осуществляет свою деятельность человек, везде, где затрагиваются его интересы. И Интернет здесь не должен являться каким-либо особым явлением, права и свободы здесь должны реализовываться в максимально возможном объеме, с учетом специфики информационных технологий.

---

²³⁹ Кряжков В.А. Традиционный образ жизни коренных малочисленных народов в конституционно-правовом измерении // Государство и право. 2017. № 12. С. 48.

²⁴⁰ Должиков А.В. “Рукописи не горят”: неписанные права в конституционном правосудии // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 1. // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴¹ Declaration of the Committee of Ministers on human rights and the rule of law in the Information Society CM (2005)56 // URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805da1a0 (дата обращения: 15.03.2022).

В-четвертых, право на доступ в Интернет вполне может рассмотрено Конституционным Судом как проистекающее из неписаных норм (обычаев), а именно обычая, обусловленного уровнем вовлеченности населения в его использование и количеством пользователей, использующих Интернет регулярно. Учитывая, сколь широкие возможности предполагает эта компьютерная сеть и место, которое она занимает в жизни людей, доступ в нее для реализации тех или иных потребностей уже стал своего рода «обычаем», и потому может быть отнесен к неписанным конституционным правам. Подход, связанный с исследованием обычаев, находил применение в Постановлении Конституционного Суда от 28 июня 2007 года № 8-П²⁴², пусть в том случае и исследовались религиозные обычаи и ритуалы в части погребения усопших.

Однако надо иметь в виду, что в науке на этот подход смотрят с настороженностью. Так, А.В. Должиков, анализируя названное Постановление Конституционного Суда от 28 июня 2007 года № 8-П, ссылается на практику Федерального конституционного суда Германии и констатирует в этом случае факт возникновения «комбинированных основных прав», указывая, что «большинство судей исходили из позитивизма, для которого свойственно игнорирование обычного права как неписаных юридических норм. В силу неписаного характера право на захоронение было признано в качестве комбинационного права, а не самостоятельного конституционного права. Его ранг был понижен до рядового субъективного права, полностью зависящего от усмотрения законодателя»²⁴³.

По нашему мнению, признание права на доступ в Интернет через его характеристику как общепризнанного, через «отпочкование» от прав, связанных с информацией, через применение расширительного толкования существующих

---

²⁴² Постановление от 28 июня 2007 г. N 8-П "По делу о проверке конституционности статьи 14.1 Федерального закона "О погребении и похоронном деле" и Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, в связи с жалобой граждан К.И. Гузиева и Е.Х. Кармовой" // СЗ РФ. 02 июля 2007 г. № 27, ст. 3346.

²⁴³ Должиков А.В. "Рукописи не горят": неписанные права в конституционном правосудии // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 1. // СПС «КонсультантПлюс».

конституционных прав и через «обычай» возможно рассматривать в совокупности, так как их комплексное восприятие, на наш взгляд, наиболее полно будет соответствовать фактической роли Интернета для правового статуса человека в современном обществе, показывает возможность и целесообразность введения этой новой конституционной гарантии прав и свобод как адекватной ожиданиям глобального информационного общества, живущего по единым стандартам прав человека.

Для того чтобы Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу об отнесении права на доступ в Интернет к правам личности, очевидно, перед ним должен быть поставлен соответствующий вопрос. Как представляется, благодатной почвой для такого вопроса могли бы послужить различные «неудачные» блокировки законопослушных Интернет-ресурсов, которые напрямую затронули интересы бизнес-сообщества России и права граждан.

В Российской Федерации практика вмешательства в технический фактор доступа в отношении интернет-ресурсов весьма распространена, при этом может выражаться как непосредственно в блокировке ресурса для доступа, так и в замедлении его работы, в частности такие меры ранее применялись в отношении социальной сети Twitter²⁴⁴. Однако гораздо чаще происходит полная блокировка. При этом все действующие процедуры проведения блокировок можно разделить на судебные и внесудебные. По решению суда могут блокироваться ресурсы, распространяющие информацию, которая признана в Российской Федерации, запрещенной (пп.2) ч.5 ст. 15.1 Закона об информации). Существует также судебный орган с исключительной компетенцией по принятию решения, которое может стать основанием для блокировки – Московский городской суд. Ч.3 ст.26 Гражданского процессуального кодекса РФ²⁴⁵ (далее – ГПК) устанавливает

---

²⁴⁴ Twitter замедлен штатно. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news73480.htm> (дата обращения: 13.04.2023)

²⁴⁵ «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002» г. № 138-ФЗ (ред. от 24.06.2023) // СЗ РФ. 18.11.2002. № 46. ст. 4532.

подсудность в отношении дел, связанных с защитой авторских и (или) смежных прав, за исключением прав на фотографические произведения в сети Интернет. Ч.2 ст. 20 Кодекса административного судопроизводства РФ²⁴⁶ (далее – КАС) устанавливает подсудность этому суду дел об ограничении доступа к аудиовизуальным сервисам, ресурсам организаторов распространения информации.

Помимо судебных органов блокирование может инициироваться Генеральным прокурором России или его заместителями в рамках статей 15.1-1 (информация в неприличной форме, оскорбляющая достоинство и нравственность, выражающая неуважение к обществу, государству, государственным символам, Конституции России или государственным органам), 15.1-2 (информация, порочащая честь и достоинство гражданина и обвиняющая в совершении преступления), 15.3 (ограничение доступа к информации, распространяемой с нарушением закона), 15.3-2 (информационные ресурсы, неоднократно распространявшие информацию с нарушением законодательства России).

Еще одной группой субъектов, в чьи полномочия входит инициация блокировки, являются федеральные органы исполнительной власти, которые могут в пределах своих компетенций вносить записи в Единый реестр доменных имен, указателей и страниц сайтов и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой запрещено (ст.15.1 Закона об информации). Наполнение реестра осуществляется в соответствии со специальными Правилами, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 26 октября 2012 года № 1101²⁴⁷, такими органами являются

---

²⁴⁶ «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08 марта 2015 года № 21-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 09.03.2015.

²⁴⁷ Постановление Правительства РФ от 26 октября 2012 года № 1101 (ред. от 14.11.2023) «О единой автоматизированной информационной системе "Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» // СЗ РФ. 29.10.2012. № 44. ст. 6044.

(п.5): Министерство внутренних дел, Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения, Федеральная налоговая служба, Федеральная служба по регулированию алкогольного рынка, Федеральное агентство по делам молодежи, Федеральная служба безопасности Российской Федерации, Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации, Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору, Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Министерство обороны Российской Федерации, Федеральная служба исполнения наказаний, Служба внешней разведки Российской Федерации, Федеральная служба охраны Российской Федерации, Федеральная таможенная служба. Отдельно следует указать на возможность вынесения судебным приставом-исполнителем постановления об ограничении доступа к информации, распространяемой в сети "Интернет", порочащей честь, достоинство или деловую репутацию гражданина либо деловую репутацию юридического лица (пп. 3) ч.5 ст. 15.1 Закона об информации).

При этом периодически возникают инициативы по расширению полномочий органов исполнительной власти по блокировке тех или иных ресурсов²⁴⁸.

Несмотря на широкую распространенность практики блокировок интернет-ресурсов, пока до Конституционного Суда дошло удивительно небольшое количество связанных с ними жалоб, несмотря на массовость проблемы, вызванной несовершенством механизма блокировки. Одним из наиболее ярких примеров являются неудачные попытки заблокировать популярный интернет-мессенджер Telegram, совокупный ущерб для сторонних компаний оценивается, как минимум

---

²⁴⁸ Минсельхоз предложил досудебную блокировку сайтов по продаже вейпов. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5827172> (дата обращения: 15.04.2023)

в сотни миллионов долларов²⁴⁹. От неудачной блокировки пострадало множество сервисов, значимых для пользователей Интернета в России: Google²⁵⁰, Яндекс, Одноклассники, Вконтакте²⁵¹. Есть основания полагать, что, если количество жалоб, связанных с незаконной блокировкой, увеличится, как и их разнообразие, Конституционному Суду придется выработать более взвешенную позицию по этому вопросу. В итоге все зависит от того, как будет реагировать общество на недостатки законодательства и правоприменения в области ограничения Интернет-доступа. Подробно аспекты ограничения доступа в Интернет будут освещены далее.

Исходя из всего сказанного в данном параграфе, следует отметить, что имеются достаточные предпосылки для включения права на доступ в Интернет в правовую систему России в том или ином виде. Как представляется, для этого имеются три пути:

- через прямое закрепление в Конституции Российской Федерации следующей формулировки: «Каждому гарантируется доступ к всемирной глобальной компьютерной сети Интернет и использование его в целях, не противоречащих закону. Введение мер, препятствующих доступу во всемирную компьютерную сеть Интернет, не допускается. Связность российского сегмента информационно-телекоммуникационной сети со всемирной компьютерной сетью Интернет гарантируется государством»;

- через принятие соответствующего федерального закона, развивающего подход по обеспечению доступа к социально значимым информационным ресурсам в сторону большего числа этих ресурсов, их разнообразия и

---

²⁴⁹ Блокировку Telegram высоко оценили // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3614069> (дата обращения: 15.03.2022).

²⁵⁰ Роскомнадзор объяснил блокировку IP-адресов Google // URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2018/04/22/767433-roskomnadzor-obyasnil-blokirovku-google> (дата обращения: 04.12.2022).

²⁵¹ Роскомнадзор внес в реестр запрещенных сайтов несколько IP-адресов «ВКонтакте», «Яндекса», Twitter и Facebook // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3614948> (дата обращения: 04.12.2022).

распространения в том числе и на значимые зарубежные ресурсы с компенсацией расходов операторам связи;

- через выработку Конституционным Судом Российской Федерации соответствующей позиции, которая может состоять в следующем:

- признание права на доступ в Интернет в качестве общепризнанного права человека;

- выведение права на доступ в Интернет из конституционных принципов верховенства прав и свобод человека, непосредственности их действия;

- путем расширительного толкования иных закрепленных в Конституции Российской Федерации прав;

- выведение права на доступ в Интернет из неписанных норм (обычаев), обусловленных уровнем вовлеченности населения и количеством пользователей, использующих Интернет регулярно для реализации конституционных прав.

§ 2. Юридическая природа права на доступ в Интернет

Признание права на доступ в Интернет в ряде государств и на международном уровне, а также соответствующие перспективы в российской правовой системе определяют необходимость исследования юридической природы этого права, что предполагает формулирование концепции права на доступ в Интернет как самостоятельного права личности.

Следует отметить, что несмотря на то, что права человека являются неисчерпаемой темой для юридических наук, до сих пор не выработано единой, стройной и общепризнанной методологии для описания природы того или иного права.

Встречается подход, связанный с детальным описанием реализации аспектов того или иного права, его регулирования²⁵².

Обнаруживается и такой подход, где для отдельного аспекта конституционного права обосновывается его иная отраслевая природа²⁵³.

Другой примечательный подход заключается в отношении к правам человека как к особым субъективным правам, их структурировании на правомочия и юридические обязанности, рассмотрение их регулятивно-юридической ценности²⁵⁴.

Научное исследование нового права, коим является право на доступ в Интернет, подразумевает необходимость обозначения его среди уже признанных конституционных прав. Представляется возможным для уяснения правовой природы данного права применить подход, связанный с установлением его места в рамках признанных наукой классификаций прав²⁵⁵.

Переходя к *классификации прав и свобод человека и гражданина*, мы постараемся избрать наиболее неоспоримые и явные атрибуты, наличествующие у права на доступ в Интернет и отличающие его от всех остальных, и используем признаваемые доктриной конституционного права классификации. Цель всякой классификации – систематизация знаний о природе тех или иных явлений,

---

²⁵² Вишнякова М.А. О правовой природе перерывов в ежедневной работе // Право и экономика. 2014. № 10. // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵³ Юдкина И.А. Правовая природа компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок // Журнал российского права. 2012. № 5. // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵⁴ Рагимов А.Т. Особенности юридической природы прав человека // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 8. // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵⁵ Васильева М.И. Право граждан на доступ к природным ресурсам (общетеоретическое и межотраслевое обоснование) // Журнал российского права. 2012. № 8 // СПС «КонсультантПлюс»; Шабанов Р.И. Правовая природа права на занятость // Трудовое право в России и за рубежом. 2016. № 4 // СПС «КонсультантПлюс»; Богданов Е.В. Природа и сущность права граждан на жилище // Журнал российского права. 2003. № 4 // СПС «КонсультантПлюс»; Пчелинцева Л.М. Проблемы исследования природы и содержания конституционного права граждан на жилище // Конституционное и муниципальное право. 2004. № 2 // СПС «КонсультантПлюс»; Рашидханова Д.К. Репродуктивные права личности: сущность и правовая природа // Социальное и пенсионное право. 2007. № 4 // СПС «КонсультантПлюс».

«классификации полезны, поскольку позволяют выявить существенные признаки прав и свобод, которые идентичны критериям классификаций»²⁵⁶. Выявляя такие признаки, мы тем самым познаем природу субъективного права человека.

В научной литературе, посвященной правам человека, выделяют, используя различные критерии, следующие виды прав и свобод:

- естественные и позитивные;
- права человека и права гражданина;
- абсолютные и относительные;
- индивидуальные и коллективные;
- по сферам реализации;
- по «поколениям» прав²⁵⁷.

1. Концепции *естественных и позитивных* прав возникли достаточно давно и не одновременно, и ассоциироваться в рамках одной классификации эти права стали позже своего возникновения. Истоки идеи об позитивных правах исследователи обнаруживают еще в труде Н. Макиавелли «Государь», где автор придерживался позитивистских взглядов²⁵⁸. Впервые же результат развития концепции естественных прав получил юридическое закрепление во Французской декларации прав человека и гражданина 1789 года. Таким образом, в ходе естественного хода общественной истории, эти две концепции первоначально были противопоставлены друг другу и постепенно объединены в общий понятийный аппарат одной из классификации прав человека. Квалифицирующим критерием отнесения тех или иных прав к той или иной группе является закрепление права личности в позитивном праве²⁵⁹.

---

²⁵⁶ Овсепян Ж. И. Конституционно-правовой статус человека (гражданина) в России: монография. Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2018. С.209

²⁵⁷ Варламова Н.В. Классификация прав человека: подходы к проблеме // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 4. С. 152-166.

²⁵⁸ Живулина Т.Л. Права человека и правопонимание: историческое взаимодействие // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/prava-cheloveka-i-pravoponimanie-istoricheskoe-vzaimodeystvie> (дата обращения: 19.03.2022).

²⁵⁹ См.: Варламова Н.В. Указ. соч. С. 153.

Итак, возможно ли рассматривать право на доступ в Интернет как естественное или позитивное право? Как было уже отмечено ранее, право на доступ в Интернет нашло свое позитивное закрепление в небольшом числе государств. Однако здесь необходимо сделать ряд замечаний. С одной стороны, самим своим возникновением Интернет обязан усилиям вполне конкретного государства – Соединенных Штатов Америки. С нашей точки зрения, этого факта недостаточно для вывода об позитивности права. Во-первых, исторически Интернет был разработан для утилитарных целей обороны, а не как общемировое достояние, которое правительство одного государства решило даровать всему человечеству. Во-вторых, первоначальная разработка его велась не только не для всего человечества, но и не для широкого доступа даже для граждан самих США. В-третьих, развитием Интернета как целостной системы управляют международные организации, в частности Корпорация по управлению доменными именами и IP-адресами (ICANN), Администрация адресного пространства Интернет (IANA), Общество Интернета (ISOC), Консорциум Всемирной сети (W3C), Организация региональных регистратур Интернета (RIR), Организация номерных ресурсов (NRO)²⁶⁰. В-четвертых, не обнаруживаются какие-либо акты, которые свидетельствовали бы о позитивном закреплении всеобщего доступа к данному благу, поскольку вопрос о том, что доступ в Интернет может рассматриваться в качестве самостоятельного права ранее не ставился.

С другой стороны, следует признать, что без усилий государств Интернет также вряд ли бы занял столь значимое место, которое он занимает сейчас, в пользу этого говорит и множество обязательств, которые берут на себя государства, и касающихся технических и нетехнических факторов доступа. С момента своего возникновения Интернет по факту являлся долгое время «технологией для избранных», был благом от ученых и для ученых, доступ к которому был только в

---

²⁶⁰ См. подробнее: Касенова, М.Б. Правовое регулирование трансграничного функционирования и использования Интернета / М.Б. Касенова. Дисс. ... док. юрид. наук. Москва, 2016. С. 196-355

некоторых университетах. До изобретения Интернета человечество не знало ничего подобного, ссылаясь на что можно было бы провести аналогию и выстроить обоснование естественно-правовой сущности права на доступ в Интернет. Тем более что, будучи благом, развившимся в эпоху рыночных отношений, доступ в Интернет сам по факту является услугой, хотя теоретически и оказываемой по всему земному шару, но все равно используемой далеко не всеми его жителями. Ценовые условия для получения доступа по всему миру очень существенно различаются, а сам доступ и возможности для работы в сети существенно определяются политикой государственных властей.

Здесь также проводится ясная параллель с реализацией остальных прав человека в условиях капиталистического общества: несмотря на то, что концепция прав человека подразумевает всеобщие и равные возможности доступа к реализации этих прав, на самом деле возможности их реализации определяются в меньшей степени правом и в большей степени экономическими возможностями конкретного индивида. Уровень доступа к образованию, к здравоохранению, к культурным благам, а также и к Интернету, зависит от количества денежных средств, которые индивид способен потратить на них.

Несмотря на то, что право на доступ в Интернет не исходит фактически от какого-то определенного субъекта, будь то государство или бизнес-организация, учитывая большой объём возможностей и возрастающую социальную значимость доступа в Интернет, а также и вызовы, которые он может нести для публичных интересов, и важность его повсеместного внедрения определяет то, что Интернет стал важным направлением государственной политики, и соответственно доступ к нему относится к позитивным правам.

2. Развитием концепции естественных и позитивных прав стала концепция *прав человека и прав гражданина*, квалифицирующим критерием здесь является наличие специальных прав у гражданина, то есть человека, обладающего устойчивой правовой связью с государством, и через этого приобретающим права,

недоступные человеку, не имеющему гражданства. Данная классификация также весьма распространена в литературе²⁶¹.

Рассматривая право на доступ в Интернет в контексте подразделения прав на права человека и права гражданина и учитывая вышеприведенные аргументы в пользу отнесения этого права к естественным правам, следует констатировать, что истоки его находятся вне пределов государственных институтов. Со стороны государств гарантированные стандарты прямых возможностей для реализации права на доступ в Интернет появляются редко, куда как чаще прослеживаются попытки повлиять на доступ и работу в Интернете через введение ограничений. В подтверждение этого тезиса следует рассматривать и то, что, как было отмечено ранее, акты международных организаций рассматривают доступ в Интернет в первую очередь в качестве средства реализации прав человека, а не самостоятельной ценности.

Немного иная ситуация складывается в аспекте возможностей работы в Интернете, так как здесь государства активно внедряют возможности для реализации прав, которыми наделяются исключительно граждане конкретного государства. На примере России речь прежде всего идет о специфических госуслугах, например, замене паспорта²⁶² или возможности участия в голосовании по петициям Российской общественной инициативы²⁶³. Следует согласиться с позицией Н.В. Варламовой о том, что «в современных условиях различие между правами человека и правами гражданина не стирается, а актуализируется»²⁶⁴. Как самостоятельное явление право на доступ в Интернет базируется на естественно-

---

²⁶¹ См.: Ковалев А.А. Международная защита прав человека: Учебное пособие. М.: Статут, 2013 // СПС «КонсультантПлюс»; Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности М.: НОРМА, 2008 // СПС «КонсультантПлюс»; Варламова Н.В. Указ. соч.; Конституционное право России / под ред. Эбзеева Б.С., Прудникова А.С. М.: Юнити, 2012. С. 152.

²⁶² Сайт Госуслуги. Замена паспорта РФ в связи с достижением возраста 20 или 45 лет // URL: <https://www.gosuslugi.ru/10052/1> (дата обращения: 20.03.2022).

²⁶³ Сайт Российская общественная инициатива // URL: <https://www.roi.ru/> (дата обращения: 26.03.2022).

²⁶⁴ См.: Варламова Н.В. Классификация прав человека: подходы к проблеме // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 4. С. 154.

правовых началах, но связанный с ним аспект работы в Интернете согласовывается с возможностями, предоставляемых только гражданам государства как членам политического сообщества. Интернет в этом отношении выступает как средство реализации этих возможностей, действующее вместе с привычным очным порядком обращения граждан к государству.

Как мы уже упоминали ранее, для человека возможность подключения к сети Интернет сама по себе не имеет особого значения, того, какое имеют блага, признаваемые институтом прав человека (право на жизнь, на свободу передвижения, на информацию и другие). Значимым для прав человека благом он становится благодаря предоставляемым возможностям для работы. И так как он предоставляет качественно новые возможности для реализации прав и упрощения к ним доступа, то следует отметить его специфическую роль как средства, глобализирующего и стирающего грань между правами человека и правами гражданина. Интернет позволяет человеку, проживающему в неблагополучном регионе мира, попытаться скомпенсировать отсутствие доступа к благам, иначе ему недоступным в силу экономических, культурных и отчасти юридических причин, отсутствия у государства возможностей (или намерений) упростить доступ к этим благам для него как для гражданина. Наиболее ярким примером является доступ к образованию, к культурному мировому достоянию, а также доступ к товарам и услугам по более доступным ценам за счет возможности заказывать их у зарубежных поставщиков, минуя цепочки посредников. По этой причине это право следует отнести к правам человека, а не гражданина.

Как уже отмечалось, «порог вхождения» в Интернет имеет тенденцию к снижению, и определить какой-либо нижний возрастной порог начала использования доступа вряд ли представляется возможным. В каждом случае он определяется субъективным фактором, персональными потребностями и возможностями индивида. По этой причине было бы правильно отождествить момент возникновения этого права с моментом рождения. Вместе с тем реализация этого права в полном объеме становится возможной не сразу же, а с момента,

который определяется законами конкретного государства (иначе говоря, объективным фактором доступа). Как правило, возможность полноценной реализации права на доступ в Интернет возникает по достижении совершеннолетия, или же с иного возраста, когда идет речь о специфическом регулировании доступа к определенным материалам, либо возможностям, предлагаемым в сети Интернет (например, дистанционное трудоустройство, осуществление специфичной для Интернета предпринимательской деятельности).

3. Говоря о правах человека, о значимости их для конституционного строя, традиционно указывают на их особую, центральную ценность для всей правовой системы, их исключительную и наивысшую силу. «Они существуют не в силу того, что они формально признаны государством и узаконены (хотя это так же необходимо), а в силу самой сущности человеческого общежития, складывающихся в нем системой общественных отношений и вытекающих из них социальных возможностей личности»²⁶⁵.

Доктрина развивает эту концепцию, применяя в качестве классифицирующего признака степень абсолютизации прав, выделяя *абсолютные* и *относительные* права. Под абсолютными понимаются «права, реализация которых не может быть поставлена в зависимость от результатов балансирования их с аналогичными или другими социальными благами»²⁶⁶, то есть не подлежащими ограничению. В отношении относительных прав ограничения допускаются. В случае возможных конфликтов при реализации абсолютных прав разных субъектов эта категория прав не должна ограничиваться, что достижимо через уточнение пределов содержания права для каждого субъекта²⁶⁷. Под

---

²⁶⁵ Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: НОРМА, 2008 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁶⁶ Троицкая А.А. Пределы прав и абсолютные права: за рамками принципа пропорциональности // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 2(105). С. 46.

²⁶⁷ Троицкая А.А. Указ. соч. С. 54.

пределами понимаются «элементы, не попадающие в сферу защиты конституционных прав»²⁶⁸.

Несмотря на то, что право на доступ в Интернет не закреплено в большей части конституций государств мира напрямую, это не означает запрет пользования Интернетом, как и закрепление не предоставляет возможности использования этого блага без ограничений. В ходе реализации самых разнообразных прав могут возникнуть (и возникают) споры по причине противоречий интересов разных субъектов. Здесь проявляется обратная сторона разнообразия возможностей, предоставляемых Интернетом, которая порождает разнообразие рисков нарушения прав. Это разнообразие практически не оставляет шансов остаться абсолютным правом без установленных для него пределов содержания.

Поэтому в рамках этой классификации право на доступ в Интернет определяется в качестве относительного права человека. Часть рассмотренных выше государств пошло по пути массированного ограничения доступа в Интернет на своей территории, где невозможно воспользоваться этим благом как таковым. Таких примеров меньшинство (Северная Корея). По большей же части государствами ограничиваются те или иные аспекты работы в нем, связанные с доступом или распространением информации, ограничения доступа в Интернет как такового (рассмотренные выше примеры из России, Эстонии, Франции) не распространены. Аспекты ограничений обнаруживаются и на уровне международных организаций, рассмотренные ранее. Ярким примером, достойным повторного упоминания, является Рекомендация Комитета Министров Совета Европы CM/Res (2008) 6 «О мерах по развитию уважения к свободе выражения мнения и информации в связи с Интернет-фильтрами»²⁶⁹. Разработка «стандартов» ограничений призвана помочь избежать избыточного ограничения свободы

---

²⁶⁸ Троицкая А.А. Указ. соч. С. 46.

²⁶⁹ Рекомендация CM/Res (2008) 6 «О мерах по развитию уважения к свободе выражения мнения и информации в связи с Интернет-фильтрами» // URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016805d3c4a (дата обращения: 31.03.2022).

распространения информации. Анализ доктрины и практики позволяет предполагать возможность выделения неких пределов прав и в отношении доступа в Интернет, получающих широкое распространение, что позволит при возникновении споров полноценно реализовать его разрешение с учетом принципа пропорциональности²⁷⁰. В качестве примера вероятного предела права следует рассматривать вредоносное программное обеспечение и детскую порнографию.

Благодаря техническому прогрессу это право имеет потенциал, свидетельствующий о невозможности со стороны государства реального лишения человека принципиальной возможности доступа к информационно-телекоммуникационной сети. Даже в ряде стран с наиболее ограниченным доступом в Интернет (как показывает приведенный опыт Северной Кореи и отчасти Китая) государство пытается заместить Интернет информационно-телекоммуникационными системами, имеющими значительную часть функциональности Интернета. Это в свою очередь предоставляет возможность констатировать, что у права на доступ в Интернет имеется некоторая часть, которая принципиально должна оставаться нерушимой²⁷¹.

Исследование ограничений доступа в Интернет заслуживает отдельного и подробного изучения, которое будет проведено в следующих параграфах.

4. Еще одной получившей распространение классификацией является подразделение прав на *индивидуальные* и *коллективные*²⁷². Если индивидуальные права имеют естественную природу, то коллективные права «формулируются и кристаллизуются по мере становления интересов той или иной общности или общества»²⁷³.

---

²⁷⁰ Троицкая А.А. Пределы прав и абсолютные права: за рамками принципа пропорциональности // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 2(105). С. 50.

²⁷¹ Троицкая А.А. Пределы прав и абсолютные права: за рамками принципа пропорциональности // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 2(105). С. 51.

²⁷² Лукашева Е.А. Права человека: Учебник. 2-е изд., перераб. М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. С. 151.

²⁷³ См.: Лукашева Е.А. Там же.

Н.В. Варламова в качестве коллективных рассматривает права, принадлежащие и реализуемые совместными действиями людей определенной общности²⁷⁴. Т.И. Мирская под коллективными правами подразумевает «определенную законом возможность поведения совокупности или общности людей с целью приобретения, развития, обеспечения реализации и (или) защиты людьми своих прав»²⁷⁵. И.А. Алешкова и И.А. Дудко называют коллективными «права, определяющие возможности конкретной общности, обладающей особым правовым статусом. Они имеют качественно новые свойства, определенные правовыми целями и правовыми интересами коллективного образования»²⁷⁶.

Из приведенных выше доктринальных позиций следует сделать обобщающий вывод о том, что возникновение любого коллективного права возможно благодаря существованию общности индивидов, наличие которой и является классифицирующим признаком.

Напомним, исследуемое право сочетает в себе два слагаемых: подключение к Интернету и работу в этой сети. Право на доступ в Интернет проявляет себя в определенных взаимодействиях человека с глобальной компьютерной сетью, иначе говоря, в способах и методах работы в ней. Эти взаимодействия могут носить характер как индивидуальный (когда человек взаимодействует исключительно с компьютерным оборудованием и с программным обеспечением), так и коллективный, когда друг с другом взаимодействует множество людей. Однако и в том, и в другом случае деятельность человека в Интернете носит индивидуальный и инициативный характер, он вступает во взаимодействия по своему личному усмотрению, изъявляя тем самым свою волю. Коллективные права у человека возникают по факту приобщения его к некой общности людей, в которой такие права признаются и реализуются. Зачастую от человека даже не требуется какого-

---

²⁷⁴ Варламова Н.В. Указ.соч. С. 157.

²⁷⁵ Мирская Т.И. К вопросу о понятии коллективных прав // Государство и право. 2015. № 11. С. 100.

²⁷⁶ Алешкова И.А., Дудко И.А. Коллективные права: актуальные аспекты теории и практики // Государство и право. 2017. № 6. С. 18.

то специального волеизъявления (действия). Он может попасть в общность по факту своего рождения и участвовать в реализации прав этой общности (например, право нации на самоопределение). В Интернете же многообразие коллективных взаимодействий определяется индивидуальными волеизъявлениями, свидетельствующими о намерении, например, принять участие в распределенных вычислениях²⁷⁷. Таким образом, право на доступ в Интернет относится к индивидуальным правам.

5. Одной из подробно рассмотренных наукой конституционного права классификаций прав человека является их разделение на права *личные, политические, социальные, экономические, культурные*²⁷⁸.

Помня о двойственном содержании права на доступ в Интернет, заключающемся не только в непосредственной возможности выполнить подключение к данной компьютерной сети, но и в возможности работать в ней, отнесение его к той или иной группе прав представляется проблематичным и потенциально дискуссионным, что связано опять-таки с огромным числом возможных сценариев использования права. Это наблюдение справедливо не только для права на доступ в Интернет, и именно это свойство рассматриваемой классификации является ее недостатком, о чем совершенно справедливо говорит Н.В. Варламова²⁷⁹.

Поэтому здесь для проведения классификации необходимо абстрагироваться от частных случаев его осуществления, представляющих собой практическую реализацию других прав – политических, экономических, социальных,

---

²⁷⁷ Распределенные вычисления – взаимодействия между пользователями Интернета, решившими предоставить часть вычислительных мощностей своих компьютеров для решения научно-прикладных задач. Примерами таких проектов являются, в частности, проекты SETI@home, нацеленный на поиск внеземных цивилизаций, world community grid – исследования для производства новых лекарств, и многие другие // URL: <https://boinc.berkeley.edu/index.php> (дата обращения: 20.03.2022).

²⁷⁸ Конституционное право России / под ред. Эбзеева Б.С., Прудникова А.С. М.: Юнити, 2012. С. 165.; Лукашева Е. А. Указ. соч. С. 179; Варламова Н.В. Указ. соч. С. 158; Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности М.: НОРМА, 2008 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷⁹ Варламова Н.В. Указ. соч.

культурных. Принципиально это право может быть рассмотрено как дополнительный элемент любого из них, однако едва ли такой подход будет адекватным для науки конституционного права, так как не позволит выделить общие черты и не создаст ясной картины значимости этого нового права человека в системе других прав. Представляется более правильным перейти от частного к общему с тем, чтобы показать наиболее специфические черты нового права в рамках этой классификации.

Используя Интернет для тех или иных целей, мы не задумываемся о том, какие в данный момент конституционные гарантии нами реализуются; зачастую доступ к информации или ее распространение сопровождает каждый акт взаимодействия с Интернетом. Наука конституционного права располагает право на информацию среди политических прав²⁸⁰. Однако с таким подходом вряд ли можно согласиться, так как спектр возможных использований Интернета, как уже неоднократно отмечалось, чрезвычайно широк, и политические аспекты использования занимают далеко не ведущую роль. Реализация личностью экономических и культурных прав прекрасно демонстрирует значимость Интернета в жизни человека, но и здесь ситуация обстоит схожим образом с правом на информацию и остальными политическими правами.

Весьма интересной представляется возможность отнесения права на доступ в Интернет к правам социальным, особенно учитывая то, что в Конституции Греции право на доступ в Интернет уже рассматривается как право на участие в информационном обществе. И надо полагать, такое мнение тоже имеет право на существование. Безусловно, полноценное участие в современном нам информационном обществе предполагает наличие у индивида качественного соединения с сетью Интернет для реализации насущных потребностей и социальных взаимодействий.

---

²⁸⁰ Лукашева Е. А. Указ. соч. С. 172.

Вместе с тем право на доступ в Интернет следует все же отнести к личным правам по причине того, что через глобальную компьютерную сеть осуществляются не только социально-значимые взаимодействия. И надо полагать, что в ближайшее время, с развитием интернета вещей, искусственного интеллекта, иных моделей взаимодействия человека и машины, кроме взаимодействий с другими членами общества, государственными органами, большее распространение получат взаимодействия, значимые исключительно для самого индивида. Некоторые предтечи этих событий можно увидеть уже сейчас: к примеру, существуют сервисы интерактивных шаблонов юридических документов, позволяющие их подготовить без участия юриста²⁸¹.

6. Наконец, нельзя оставить в стороне классификацию прав человека по так называемым «поколениям прав»²⁸².

В рамках этой классификации различаются четыре поколения прав:

- права первого поколения, носящие дозаконотворческий и незаконотворческий характер, «законами они не создаются, а лишь официально признаются, конкретизируются и защищаются»²⁸³, а также носят «негативный» характер, то есть подразумевается, что государства не должны вмешиваться в реализацию свобод личности и соответствующих гражданских и политических прав²⁸⁴;

- права второго поколения, которые «не могут рассматриваться как естественные и неотчуждаемые...это не притязание на свободу, естественно и изначально присущую человеку, а притязание на некоторые материальные и социальные блага, которые общество должно было ему предоставить, причем

---

²⁸¹ См. Сайт Freshdoc.ru. URL: <http://freshdoc.ru>, Сайт donotpay.co.uk. // URL: <http://www.donotpay.co.uk/signup.php> (дата обращения: 20.03.2022).

²⁸² Варламова Н.В. Указ. соч. С. 159.

²⁸³ Варламова.Н.В. Там же.

²⁸⁴ Karel Vasak A 30-year struggle 'Human Rights: A Thirty-Year Struggle: the Sustained Efforts to give Force of law to the Universal Declaration of Human Rights. UNESCO Courier 30 (11) 1977. P. 29

первоначально изъяв их у других членов»²⁸⁵, тогда как обеспечение «прав первого поколения не должно ничем обуславливаться, социально-экономические права предоставляются в зависимости от экономических возможностей государства и действительной нуждаемости претендующих на них лиц»²⁸⁶, т.е. права второго поколения имеют позитивный характер, подразумевается активная деятельность государства для того, чтобы они могли реализоваться²⁸⁷;

- права третьего поколения, «коллективные права, принадлежащие не отдельным людям, а их устойчивым, исторически сложившимся сообществам, и реализуемые не индивидуально, а совместно»²⁸⁸, они «опосредуют отношения между социальными общностями, прежде всего этническими»²⁸⁹. В качестве примера таких прав в литературе приводят «права народов; права национальных меньшинств; права трудящихся; права ребенка; права женщин; права беженцев; права жертв вооруженных конфликтов; права инвалидов; права лиц, лишенных свободы; права лиц, приговоренных к смертной казни»²⁹⁰;

- права четвертого поколения, к которым относятся права, недавно ставшие предметом исследования науки, но уже успевшие побывать в качестве закрепленных в Хартии основных прав Европейского Союза, содержащей в себе права, «связанные с технологическим прогрессом в сферах биоэтики и информатики: запрещение клонирования и воспроизведения человека (ст. 3.2), защита личных данных (ст. 8), окружающей среды (ст. 37), потребителей (ст. 38), право на хорошее управление (ст. 41)»²⁹¹. Помимо прогресса в области биоэтики и

---

²⁸⁵ Варламова Н.В. Указ. соч. С. 160.

²⁸⁶ Варламова Н.В. Там же.

²⁸⁷ Karel Vasak. Там же.

²⁸⁸ Варламова Н.В. Указ. соч. С. 161.

²⁸⁹ Варламова Н.В. Там же.

²⁹⁰ Международная и внутригосударственная защита прав человека: Учебник / под ред. Р.М. Валеева М.: Статут, 2011 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁹¹ Караманукян Д.Т. Акты Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе. Омск: Омская юридическая академия, 2013 // СПС «КонсультантПлюс». Ушакова Т.Е. Хартия основных прав Европейского Союза: два шага вперед и один – назад в процессе

информатики, в литературе указывается также на прогресс в области промышленных технологий, через это к данному поколению относят и право на благоприятную окружающую среду²⁹².

Данная классификация специфична тем, что отражает исторические предпосылки, неся на себе хронологический отпечаток развития концепции прав человека. Как и с приведенными ранее классификациями, возникает вопрос, к какому поколению прав следует отнести право на доступ в сеть Интернет?

Учитывая привязанность данной классификации к определенной хронологии, не представляет особенных сложностей отнесение права на доступ в Интернет к правам четвертого поколения, так как Интернет как явление и как концепция возник совсем недавно, в эпоху, когда уже существовали и государство, и право, и сама концепция прав человека, и является непосредственным результатом развития науки и техники, что дополнительно свидетельствует о том, что право на доступ к нему относится к правам четвертого поколения, как и ряд других вышеуказанных прав.

Подводя итог проведенному в данном параграфе анализу юридической природы права на доступ в Интернет, резюмируем:

1. *Социальное предназначение данного права включает в себя два аспекта:*
  - участия в глобальном информационном обществе;
  - гарантирования полноценной реализации прав человека.

2. Его возможно рассматривать как *позитивное*, а не естественное право. Оно является фактором, позволяющим уравнивать возможности реализации остальных прав человека во всем мире, дополнительно уменьшая различие между правами человека и правами гражданина. Сложившаяся практика реализации доступа в Интернет свидетельствует о том, что право на доступ в Интернет является *относительным*, с той примечательной особенностью, что даже страны, пошедшие

европейской интеграции // URL: <http://evolutio.info/ru/journal-menu/2002-2/2002-2-ushakova> (дата обращения: 26.03.2022).

²⁹² Международная и внутригосударственная защита прав человека: Учебник / под ред. Р.М. Валеева. М.: Статут, 2011 // СПС «КонсультантПлюс».

по пути чрезвычайного ограничения доступности Интернета, создают свои решения, являющиеся квази-Интернетом. Право на доступ в Интернет является *индивидуальным* правом, все многообразие коллективных взаимодействий в этой сети определяется индивидуальными волеизъявлениями, является *личным* правом, так как Интернет выступает одним из прав, используемых личностью для реализации всего комплекса прав человека. В соответствии с устоявшимся в науке конституционного права подходом по классификации прав человека по поколениям, право на доступ в Интернет *относится к правам четвертого поколения*.

§ 3. Соотношение права на доступ в Интернет и других конституционных прав и свобод

Как мы уже упоминали ранее, не представляется возможным установление исчерпывающего перечня всех возможных способов и методов использования доступа в Интернет. Кроме того, получил распространение подход, в соответствии с которым Интернет рассматривается в качестве мощного средства реализации прав и свобод человека. Представляется, что для науки конституционного права исследование соотношения права на доступ Интернет с другими правами весьма актуально, в литературе отмечается важность вопроса о соотношении «цифровых» прав с общепризнанными правами²⁹³. Необходимость этого обусловлена тем, что доступ в Интернет, с одной стороны, нуждается во включении в систему конституционных прав и свобод (в силу своего значения как блага, обладающего особой ценностью), а с другой стороны, в современных условиях становится гарантией полноценной реализации прав и свобод человека, и эти возможности тоже нуждаются в осмыслении.

---

²⁹³ Грачева С.А. Черемисинова М.Е. Основные права и свободы в цифровом измерении // Вестник Южно-Уральского государственного университета. серия «Право». 2021. № 1 (21). С. 66

Подчеркнем, что право на доступ в Интернет имеет сложный характер, оно представляет собой самостоятельное комплексное право со специфическим содержанием, и гарантию реализации других прав в условиях информационного общества. Схожим образом обстоит дело с привычным правом на судебную защиту: «судебную защиту можно воспринимать как субъективное право каждого на восстановление его нарушенных прав особым органом – судом. Она также представляет собой эффективную гарантию реализации всех прав и свобод человека и гражданина, что вытекает из установления в Конституции обязанности государства не только признавать и соблюдать их, но и защищать (ст. 2)»²⁹⁴.

В данном параграфе право на доступ в Интернет будет сопоставлено с другими правами для того, чтобы проследить, как это право, будь оно признано, повлияет на другие права. При этом будет сделан акцент на выявлении правомочий, которые приобретает личность в случае, если у нее есть доступ в Интернет, и соответственно, возможность реализации каких правомочий она потеряет одновременно с доступом в Интернет. Тем самым будет конкретизировано влияние права на доступ в Интернет на эти права. Далекое не в отношении всех закрепленных в Конституции прав и свобод можно сказать, что доступ в Интернет на них оказывает влияние, как и то, что это влияние одинаково в каждом случае расширяет содержание того или иного права. Выявив права, реализация и содержание которых оказалась под влиянием доступа в Интернет, мы конкретизируем выявленное обязательство государства обеспечивать в Интернете реализацию всех тех же прав человека, что и в реальном мире. Не исключено, что в дальнейшем появится возможность установить влияние доступа в Интернет и на другие права и свободы человека, очевидно, что проведенный ниже анализ не является исчерпывающим, и с развитием информационных технологий перечень прав, реализация которых будет связана с доступом в Интернет, будет расширяться. Для большей убедительности анализа мы сосредоточимся на тех вновь возникших

---

²⁹⁴ Адзинова Е.А., Кряжкова О.Н. Право на судебную защиту: регулирование и интерпретация // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 7. С. 13.

правомочиях, которые уже получили формализацию в законодательстве (*de jure*), хотя нельзя отрицать и того, что формализация не является обязательным условием для получения правовой защиты этих новых возможностей в рамках имеющегося регулирования (*de facto*).

Следует отметить, что в основном в литературе распространен подход, в соответствии с которым авторы стремятся показать атрибут системности прав и свобод человека и гражданина по-другому, через приведение признанных наукой конституционного права классификаций²⁹⁵. Это в принципе способствует восприятию прав как системы и показывает их соотношение между собой, однако в данной работе обращение к классификациям прав было использовано для другой цели и повторяться не будет.

Опираться исключительно на Конституцию Российской Федерации в этом вопросе не представляется достаточным. Для этого мы будем принимать во внимание Декларацию принципов «Построение информационного общества глобальная задача в третьем тысячелетии». За исключением Декларации, ныне пока не существует источника, который был бы примером комплексной имплементации в концепцию прав человека возможностей, предоставляемых информационными технологиями. В перспективе же такой имплементацией может стать разрабатываемая в рамках форума ООН по управлению Интернетом Хартия прав человека и принципов для Интернета²⁹⁶.

Нужно сделать оговорку, что основная идея этой Декларации – это все-таки не столько закрепление новых аспектов реализации прав человека, сколько выработка руководящих начал для построения общества нового типа. Кроме того,

---

²⁹⁵ См. например: Носов С.И. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для студентов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» (квалификация «бакалавр») // СПС «КонсультантПлюс»; Шахрай С.М. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для академического бакалавриата и магистратуры. 4-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2017 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁹⁶ The charter of human rights and principles for the internet // URL: <http://www.ohchr.org/Documents/Issues/Opinion/Communications/InternetPrinciplesAndRightsCoalition.pdf> (дата обращения: 22.03.2022).

далеко не все аспекты применения информационных технологий для реализации прав человека в ней отражены. Тем не менее, правам человека в этом документе уделено более чем заметное внимание. Это следует хотя бы из самого определения информационного общества. Декларация подразумевает под таким обществом «...ориентированное на интересы людей, открытое для всех и направленное на развитие, в котором каждый мог бы создавать информацию и знания, иметь к ним доступ, пользоваться и обмениваться ими, с тем, чтобы дать отдельным лицам, общинам и народам возможность в полной мере реализовать свой потенциал, содействуя своему устойчивому развитию и повышая качество своей жизни на основе целей и принципов Устава Организации Объединенных Наций и соблюдая в полном объеме и поддерживая Всеобщую декларацию прав человека» (ст. 1)²⁹⁷. Таким образом, данная Декларация прежде всего провозглашает *приоритет прав человека при построении информационного общества*.

Конституция России²⁹⁸ в ст. 2 закрепляет, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью». В этом проявляется взаимное соответствие норм Декларации и Конституции, а именно идентичное отношение к постулату приоритета прав человека. Это положение является дополнением к уже ранее упомянутому паритету реализации прав человека в Интернете и в реальном пространстве. Таким образом, здесь следует вывод о практически неизменном верховенстве прав человека, вне зависимости от того, используется доступ в Интернет или нет.

Декларация провозглашает принцип возможности ограничения прав человека при построении информационного общества *исключительно на*

---

²⁹⁷ Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН // Российская газета. 1995. 5 апреля.

²⁹⁸ Конституция Российской Федерации. Принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года N 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ.) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 6 октября 2022 года.

основании закона. Этот принцип закреплен в ст. 5 Декларации, которая содержит ссылку на ст. 29 Всеобщей декларации прав человека. В Конституции России (ч. 3 ст. 55) также указывается, что ограничение прав и свобод возможно федеральным законом и допустимо исключительно для защиты «основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Соотношение права на доступ в Интернет с закрепленными правами не представляется возможным охватить исчерпывающе исключительно через сравнение содержания Декларации и Конституции Российской Федерации. Связано это с тем, что и сеть Интернет, и концепция прав человека являются динамически развивающимися явлениями, и какие-либо изменения в Декларацию не вносились, её фактический текст уже не вполне актуально отражает влияние доступа в сеть Интернет на реализацию прав человека, фактически это влияние расширилось с 2003 года, когда эта Декларация была принята. Нижеследующие права в контексте права на доступ в Интернет представлены как наиболее наглядные примеры.

1. Свобода мысли и слова, право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию законными способами (ч. 1 и 4 ст. 29).

Как уже отмечалось в предыдущей главе, существует элемент системы прав человека, реализация которого оказалась наиболее затронута информационными технологиями, тот, что связан с информацией, а также выражением мнений и убеждений.

Ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации закрепляет право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Гарантированные правом возможности (правомочия) свободного поиска, получения, передачи, распространения информации и образуют в своей совокупности право на информацию²⁹⁹.

---

²⁹⁹ Нудненко Л.А. Некоторые проблемы правовой регламентации конституционного права гражданина на информацию // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 5. С. 40 - 44.

Ст. 4 анализируемой Декларации указывает, что необходимым фундаментом информационного общества является право каждого человека на свободу убеждений и их свободное выражение, которое включает в себя «...свободу искать, получать, распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ». Ст. 24 Декларации провозглашает, что возможность для каждого человека иметь доступ к информации, идеям и знаниям является необходимым элементом информационного общества.

Заметим, что в литературе в основном встречается подход, в соответствии с которым доступ в Интернет рассматривается в качестве частного случая реализации права на доступ к информации (или одного из правомочий в составе этого права)³⁰⁰. Данный подход кажется справедливым, поскольку «право доступа к информации – одно из основных конституционных прав человека и гражданина, а в условиях развития информационного общества и Интернета – это наиболее важное конституционное право»³⁰¹. Через это становится особенно актуальна проблема разграничения права на информацию и права на доступ в Интернет.

Интересная позиция, оппонирующая признанию права на доступ в Интернет в качестве самостоятельного, и рассматривающая его в качестве правомочия в составе права на информацию обнаруживается в Докладе Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве». Там говорится: «Мы исходим из презумпции неизменности базовых принципов прав, морали и природы человека, из постулата, что никакие «технологические революции» и «новые технологические уклады» не меняют ни природы человека,

---

³⁰⁰ Погорелова М.А. Конституционно-правовое регулирование права на информацию в Российской Федерации: Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук:12.00.02. М., 2010. С. 7; Чаплинский А.В. Конституционное право граждан на информацию в сфере организации судебной власти: Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2012. С. 7; Гавришов Д.В. Гарантии реализации субъективного права на информацию: конституционно-правовой аспект: Автореферат 16; Щербович А.А. Конституционные гарантии свободы слова и права доступа к информации в сети Интернет: Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М.: 2013.

³⁰¹ Щербович А.А. Реализация конституционных прав и свобод в Интернете. М.: ТЕИС, 2015. С. 41.

ни моральных ценностей, ни сути общественных отношений, ни основных прав человека.

Цифровое пространство не порождает каких-то особых видов прав граждан, как не порождают их другие особые пространства, где оперируют государство, общество и граждане: воздушное, морское, дорожное, земельное, космическое и т. п. Это значит, что здесь мы не вводим каких-то новых «цифровых прав человека», а обсуждаем принципы и меры защиты обычных, традиционных прав граждан РФ в их реализации в цифровом пространстве.

Например, поэтому мы не обсуждаем здесь некое «право на доступ в Интернет» или «на доступ к цифровым технологиям», которое пытаются ввести в некоторых странах мира – мы считаем, что это правомочие входит в содержание конституционного права гражданина на получение и распространение информации»³⁰².

В данной позиции нам видится некоторое противоречие: с одной стороны, утверждается неизменность основных прав человека под влиянием технологических революций, новых укладов, с другой стороны утверждается, что правомочие доступа в Интернет «входит в содержание конституционного права гражданина на получение и распространение информации». Из этой позиции логично предположить то, что это правомочие возникло одновременно с появлением права на доступ к информации, с чем нельзя согласиться. Даже если полагать в качестве момента окончательной формализации права на доступ к информации «в современном» виде ст. 19 Всеобщей Декларации прав человека, то на тот момент времени (1948 год) такого понятия как «Интернет» не существовало, равно как и не могло существовать такого правомочия. Можно ли констатировать, что появление нового правомочия не влияет на «суть общественных отношений»,

---

³⁰² СПЧ подготовил доклад о положении дел с правами и свободами человека и гражданина в цифровом пространстве РФ. URL: http://president-sovet.ru/presscenter/news/spch_podgotovil_doklad_o_polozhenii_del_s_ppravami_i_svobodami_cheloveka_i_grazhdanina_v_tsifrovom_pr/ (дата обращения: 15.02.2022). С.91.

не влияет непосредственно на право, в состав которого оно входит? Мы разделяем позицию о том, что «каждое субъективное право, включая права человека, имеет сложную структуру, т. е. состоит из частей, именуемых правомочиями. Их взаимосвязь образует определенную структуру»³⁰³. По нашему мнению, изменения частей (правомочий) вместе образующих целое (право человека на информацию), означает и изменение целого.

В целом вышеуказанный подход уже утрачивает актуальность, так как использование Интернета уже не сводится исключительно к работе с информацией, в науке конституционного права даже возник термин «интернет-отношения». С.Л. Липатова подразумевает под ними «общественные отношения, урегулированные нормами различных отраслей права (конституционного, гражданского, уголовного, административного, информационного и др.) и возникающие в связи с использованием ресурсов и возможностей глобальной сети “Интернет“, участники которого обладают субъективными правами и юридическими обязанностями»³⁰⁴, то есть, отношения в Интернете между субъектами не сводятся исключительно к отношениям по поводу информации, а потому рассматривать доступ в Интернет исключительно в качестве правомочия не представляется правильным. А.С. Агеев отмечает, что «...сегодня значение Интернета простирается далеко за рамки простого обмена информацией и включает пользование многочисленными сервисами и услугами»³⁰⁵. М. Саликов, И. Остапович, В. Руденко в своей работе отмечают, что «...в современном мире, право на доступ в Интернет отделяется от права на информацию, хотя также является очевидным, что ряд правомочий, составляющих это право, тесно связано с правом на информацию»³⁰⁶.

---

³⁰³ Гулин Е. В. Права человека: учебное пособие. 3-е изд. М.: РИОР: ИНФРА-М., 2022. С.46

³⁰⁴ Липатова С. Л. Защита конституционных прав человека на честь и достоинство от посягательств в компьютерной сети «Интернет»: дис. ... канд. юрид. наук. М. : 2006. С. 188.

³⁰⁵ Агеев А.С. Digital divide и элементы его архитектуры: к вопросу о правовых аспектах цифрового неравенства // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 10. С. 23–26.

³⁰⁶ Marat Salikov, Igor Ostapovich, Valentina Rudenko. Human rights, internet and law

Представляется, что следует ограничивать правоотношения по поводу информации и иные правоотношения, содержание, либо реализация которых так или иначе связаны с Интернетом. Прежде всего, любой предмет материального мира несет в себе определенную информацию³⁰⁷, фактически, любое общественное отношение обладает некой информационной составляющей, которая позволяет субъектам отношения адекватно в нем участвовать. К примеру, правоотношения по сделке купли-продажи могут быть оформлены как путём составления письменного документа, который будет содержать информацию о предмете договора, о стоимости товара, сроках его поставки, и т. д. Стороны могут заключить соглашение конклюдентно, вообще не выражая свою волю письменно или вербально, когда покупатель передает определенную сумму наличных денег продавцу (каждая купюра имеет информацию о собственном номинале), а продавец встречно предоставляет ему товар. Однако, обычно такого рода отношения в праве рассматриваются не как информационные, а как экономические, так как воля субъектов направлена на заключение сделки купли-продажи, а не на некий информационный обмен.

Не следует рассматривать доступ в Интернет исключительно в качестве правомочия в составе права на информацию, так как воля человека, намеревающегося получить доступ к какому-либо благу, не состоит в том, чтобы осознанно создать, получить или передать некий набор информации (данных), представленной в машиночитаемом виде. Воля пользователя может быть направлена на совершение сделки, игрового взаимодействия с другими пользователями, заказ услуг такси, прослушивание музыки или просмотр видеоматериала и на другие действия, где создание, получение, передача и распространение информации является не самоцелью, а вытекает из сущности

---

in the era of new global challenges: Материалы Шестого Уральского Форума конституционалистов. Екатеринбург, 2021. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46710050> (дата обращения: 11.02.2022) Р.49

³⁰⁷ Бевзенко Р.С. Объекты гражданских правоотношений: Учеб. пос. М.: НИУ ВШЭ, 2010. С. 55.

используемой технологии. В отрыве от контекста этой технологии данная информация не представляет для человека интереса. Совокупность сигналов, которая передается по каналам Интернета, сама по себе не представляет ценности, так как не может быть интерпретирована посредством органов чувств, без участия оборудования.

Конечно, нельзя отрицать и того, что право на доступ в Интернет корреспондирует праву на информацию³⁰⁸. При условии доступа в эту сеть могут реализовываться практически все правомочия в составе права на информацию, предоставляя тем самым возможность свободно высказывать мысли и суждения и доводить их до большой аудитории³⁰⁹. Это возможно не только через публикацию текстов, но и через организацию телемостов и прямых включений³¹⁰. Одновременно происходит постепенное нивелирование разницы между средством массовой информации и индивидуумом, производящим и распространяющим информацию в соответствии с собственными побуждениями. Иллюстрирующим примером является здесь канал видеоблогера BadComedian с аудиторией более чем 2 миллиона подписчиков³¹¹ и миллионами просмотров видео. «Традиционное» средство массовой информации, представленное в Интернете – «Комсомольская правда-Digital» имеет месячную аудиторию в десятки миллионов человек³¹². Можно сделать вывод, что человек, лишенный доступа в сеть Интернет, ограничивается в возможности реализовать и право на информацию, так как разрыв между количеством информации, хранимой в цифровой форме и её количеством в

---

³⁰⁸ Хуснутдинов А.И. О соотношении конституционной гарантии свободного распространения информации и права на доступ в Интернет // Информационное право. 2014. № 6 (42). С. 31-34.

³⁰⁹ См. блог-платформы WordPress (URL: <https://wordpress.org/>), LiveJournal (URL: <http://www.livejournal.com/>) и др. (дата обращения: 22.03.2022).

³¹⁰ См. YouTube. URL: [youtube.com](https://www.youtube.com/). (дата обращения: 22.03.2022).

³¹¹ BadComedian. URL: <https://www.youtube.com/user/TheBadComedian/> (дата обращения: 24.03.2022).

³¹² По данным liveinternet. URL: <https://www.liveinternet.ru/rating/ru/#period=month;geo=ru> (дата обращения: 24.03.2022).

аналоговой форме увеличивается не в пользу последней катастрофическими темпами³¹³. При этом вряд ли можно говорить о том, что доступ в Интернет породил новое правомочие в составе права на информацию, которому требовалась бы специальная формализация в Законе об информации, но безусловно он стал одним из наиболее эффективных средств реализации для всех входящих в состав этого права правомочий.

2. Право на доступ к правосудию (ч.1 ст. 46 Конституции Российской Федерации)

Еще одним правом, которое фактически оказалось не рассмотренным Декларацией, но реализация которого в силу внедрения сети Интернет в общественные отношения стала непосредственно с ним связана, стало право на доступ к правосудию. В отечественной науке распространён подход анализа содержания данного конституционного права со ссылкой на практику Европейского суда по правам человека³¹⁴. Ученые, занимающиеся исследованием влияния цифровизации на уголовное судопроизводство и доступ к правосудию, выявляют следующие элементы данного права (правомочия): право на обращение в суд, право на справедливое судебное разбирательство, на своевременное исполнение судебного решения, гарантии доступности правосудия, право на производство в вышестоящих судах³¹⁵. Данные правомочия могут реализовываться и в гражданском, и в административном судопроизводстве, а также и в конституционном судопроизводстве, за исключением правомочия на производство в вышестоящем суде, так как такой инстанции не существует по отношению к Конституционному Суду.

---

³¹³ Melvin M. Vopson. The information catastrophe URL: <https://doi.org/10.1063/5.0019941> (дата обращения: 13.12.2022).

³¹⁴ Корпен А.С. К вопросу о содержании права на доступ к правосудию // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. №2. С. 112

³¹⁵ Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий (ГАС «Доступ к правосудию»): монография / отв. ред. Л. Н. Масленникова. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. С.17-20

Важность реализации данных правомочий через Интернет была продемонстрирована пандемией новой коронавирусной инфекции, когда фактически вся деятельность судебной системы оказалась завязана на доступ в сеть Интернет, и именно цифровизация стала спасением от коллапса судебной системы России³¹⁶, благо что нормативная основа для реализации вышеназванных правомочий посредством работы с информационными ресурсами судебной системы уже была подготовлена, то есть государством был учтен нетехнический фактор доступа в Интернет³¹⁷. Также было произведено воздействие на технический фактор доступа, а именно судам была предоставлена техническая возможность взаимодействия с лицами, участвующими в процессе, по интернет-каналам³¹⁸. Во время пандемии доступ в Интернет неожиданно стал гарантией реализации права на доступ к правосудию в экстремальной ситуации, когда реализация вышеуказанных правомочий была недоступна в «очном порядке». Что же касается появления новых правомочий, входящих в состав этого права, то особенностью здесь является необходимость их правовой формализации. Даже в случае признания права на доступ в Интернет и нормативного закрепления правомочия использовать доступ в любых непротиворечащих закону целях, ссылка на него от лица, участвующего в деле, будет вряд ли достаточна, суд может быть просто не готов удовлетворить такую инициативу без надлежащей правовой регламентации. Впрочем, учитывая темпы цифровизации судебной системы, есть вероятность, что формализация новых правомочий в составе права на доступ к правосудию, реализация которых возможна благодаря доступу в Интернет,

---

³¹⁶ Галиакберов А.Ф., Хисамов А.Х., Хафизова Л.Р. Развитие судебной системы в условиях цифровой модернизации // Российский судья. 2021. № 5. С. 34 - 36.

³¹⁷ См. например, возможность подачи обращения в суд в электронном виде (ч.7 ст. 4 Арбитражного процессуального кодекса РФ, ч.1.1 ст. 3 Гражданского процессуального кодекса РФ, ч.2 ст. 45 Кодекса административного судопроизводства РФ, ч.1, 2 ст. 474.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, ст. 37 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023 г.) «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

³¹⁸ См. подробнее: Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2012 № 1735-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы "Развитие судебной системы России на 2013 - 2020 годы"» // СЗ РФ. 01.10.2012. № 40. ст. 5474

произойдет до формализации самого права на доступ в Интернет. В качестве примера такого правомочия следует рассматривать возможность участия в судебном заседании из любого места благодаря работе биометрических технологий идентификации человека в веб-конференции. Ключевым отличием от ранее введенной возможности участия в процессе посредством системы видеоконференц-связи стало то, что видеоконференц-связь требовала посещения какого-либо суда судебной системы России, тогда как для веб-конференции этого не требуется. Правовой основой для такой масштабной новации стал Федеральный закон от 30 декабря 2021 года № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³¹⁹, где ст. 1, 3, 5 были внесены изменения в АПК, ГПК, КАС РФ соответственно, позволившие участвовать в процессе посредством веб-конференции.

В целом же есть основания полагать, что благодаря цифровизации и наличию доступа в сеть Интернет реализация права на доступ к правосудию и защите своих прав для граждан в значительной степени упростится. Отдельные исследования показывают рост обращений, принятых судами в электронном виде за пять лет почти в десять раз³²⁰.

3. Право на квалифицированную юридическую помощь (ч. 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации). Декларация не содержит положений, касающихся возможностей самостоятельной юридической защиты и реализации сопутствующих прав в Интернете. В содержании данного права в литературе выделяют следующие правомочия:

---

³¹⁹ Федеральный закон от 30 декабря 2021 года № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 30 декабря 2021 года.

³²⁰ Щукин Ф.В., Фетисова Т.В. ГАС "Правосудие": опыт судов общей юрисдикции Нижегородской области в применении сервисов электронного правосудия // Администратор суда. 2022. № 1. С. 8.

- совершение действий, способствующих получению такой помощи (обращение к адвокату и заключение с ним соглашения об оказании определенных юридических услуг);
- возможность требовать оказания такой помощи обязанными субъектами;
- право на судебную защиту в случае ненадлежащего оказания такой помощи³²¹.

Имеются факты, свидетельствующие о возможности реализовывать по крайней мере одно из правомочий, составляющих данное право, – совершать действия, способствующие получению юридической помощи³²². Через Интернет возможно самостоятельно обратиться за квалифицированной юридической консультацией, часто такая помощь оказывается бесплатно³²³. Прежде доступ к бесплатной юридической помощи был гораздо более усложнен. Ныне же существуют целые системы, позволяющие подготовить юридически корректные документы по самым разным отраслям права. Примером здесь является сервис freshdoc.ru, где по интерактивным шаблонам подготавливается юридически корректный документ в соответствии с конкретной ситуацией пользователя³²⁴.

Что же касается появления новых правомочий, реализация которых будет связана с использованием сети Интернет, то здесь ситуация отличается от права на доступ к правосудию. Возможность более широкого применения электронных сервисов для оказания бесплатной юридической помощи рассматривалась на уровне Правительства Российской Федерации, о чем свидетельствует и изданное Распоряжение от 26 ноября 2021 года № 3340-р. В нем для повышения эффективности и качества предоставления гражданам бесплатной юридической помощи с применением электронных сервисов, а также для доступности гражданам

---

³²¹ Халатов С.А., Чудиновская Н.А. О юридической ответственности судебного представителя // Закон. 2020. № 10. С. 95 - 108.

³²² Шереметова Г.С. Право на бесплатную юридическую помощь в гражданском процессе. М.: Статут, 2015 // СПС «КонсультантПлюс».

³²³ См. ресурс Pravoved. URL: <https://pravoved.ru/> (дата обращения: 25.03.2022).

³²⁴ См. ресурс Freshdoc. URL: <http://www.freshdoc.ru> (дата обращения: 25.03.2022).

правовой информации, содержатся указания по проведению соответствующего эксперимента в ряде регионов Российской Федерации³²⁵. Произошло вмешательство со стороны государства в технический фактор доступа, а именно запущен портал vpravo.rf, являющийся частью информационной системы «Правовая помощь». Что же касается нетехнического фактора, то на данный момент вмешательство в виде формализации правомочия на получение бесплатной юридической помощи только планируется³²⁶.

4. Право на пользование родным языком.

Ч. 2 ст. 26 Конституции Российской Федерации провозглашает право каждого пользоваться родным языком, свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Декларация тоже конкретизирует это направление реализации права человека (п. 53): «Необходимо содействовать производству и обеспечению доступности всего контента – образовательного, научного, культурного и развлекательного – на разных языках и в различных форматах. Развитие местного контента, отвечающего национальным или региональным потребностям, будет способствовать социально-экономическому развитию и стимулировать участие всех заинтересованных сторон, включая жителей сельских, отдаленных и маргинальных районов».

Здесь возможности Интернета представляются чрезвычайно востребованными, пусть в этом случае и нельзя утверждать о расширении содержания права, речь идет лишь о расширении возможностей для его реализации. На данный момент не обнаруживается вмешательств со стороны федерального законодателя в технический и нетехнический фактор доступа, связанных с реализацией данного права с использованием сети Интернет. Несмотря на то, что регулирование и защита прав и свобод в соответствии с пунктом в) статьи

---

³²⁵ Распоряжение Правительства РФ от 26 ноября 2021 года № 3340-р «Об оказании бесплатной юридической помощи с применением электронных сервисов» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 29 ноября 2021 года.

³²⁶ Информационная система «Правовая помощь» запущена в 10 субъектах Российской Федерации URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/49231/> (дата обращения: 03.04.2023).

71 Конституции РФ отнесены к ведению Российской Федерации, приходится констатировать определенные недоработки в этой сфере. Это касается федерального портала государственных услуг, который функционирует только на русском языке, и по возможностям заметно превосходит башкирский портал государственных услуг, который не имеет и полностью переведенного на башкирский язык интерфейса, то есть не учитывается нетехнический субъективный фактор доступа. Получается, что лица, не владеющие русским языком в достаточной степени, будут испытывать проблемы с получением государственных услуг в цифровой форме, что в свою очередь противоречит гарантии гражданам возможности осуществлять основные политические, экономические, социальные и культурные права вне зависимости от знания какого-либо языка (ч.1 ст. 5 Закона РФ от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации»)³²⁷.

Интернет предоставляет немало возможностей для изучения и сохранения самых разных языков. Одним из наиболее заметных проявлений этих возможностей является Википедия, ресурс, уникальный в своем роде. Он представляет собой глобальную энциклопедию, пожалуй, про все отрасли человеческих знаний. Всего здесь насчитывается 299 языковых разделов³²⁸, в том числе среди них имеются разделы, созданные на языках народов, населяющих Российскую Федерацию: башкирский, горномарийский, коми-зырянский, коми-пермяцкий крымско-татарский, осетинский, татарский, удмуртский, чеченский, чувашский, якутский, и другие.

Однако одной Википедией возможности получения информации на родном языке не ограничиваются. Интернет содержит в открытом доступе большое количество разнообразных материалов, изданных на самых разных языках, как на живых, так и на мертвых, являет собой в целом глобальную сокровищницу

---

³²⁷ Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1 (ред. от 13.06.2023) «О языках народов Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 12.12.1991. № 50. ст. 1740.

³²⁸ Список Википедий. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Википедия:Список_Википедий (дата обращения: 23.03.2022).

человеческой культуры и всемирного достояния, позволяя энтузиастам производить культурный обмен безотносительно национальной и языковой принадлежности. Все это позволяет в определенной степени скомпенсировать негативное влияние глобализации на культуру малых народов, представляет возможности для популяризации их культурного наследия.

В то же время существуют данные, показывающие, что возможен и обратный эффект, когда по причине распространенности одного языка (к примеру, английского), интернет-сайтам при создании контента целесообразнее отдавать предпочтение этому языку в силу того, что такая политика позволяет привлечь на сайт больше посетителей, а носители менее распространенного языка получают стимул изучать язык более распространенный³²⁹. Чтобы Интернет повлиял положительно на сохранение языкового разнообразия, требуются не только усилия энтузиастов, но и государственная поддержка, и проведение взвешенной политики относительно нетехнического объективного и субъективного факторов доступа в Интернет.

5. Право на объединение в общественные организации. Право людей объединяться по тем или иным критериям закреплено ст. 30 Конституции России, однако в Декларации оно прямого закрепления не получило, но тем не менее, вытекает из общего содержания, посвященного общественному устройству. И здесь, на наш взгляд, вновь следует констатировать факт расширения возможностей для реализации этого конституционного права, Интернет может использоваться для реализации всех правомочий, перечисленных в статье 3 Федерального закона от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»: создавать на добровольной основе общественные объединения, вступать в общественные объединения, выходить из общественных

---

³²⁹ Neil Gandal, Carl Shapiro. The Effect of Native Language on Internet Usage. URL: https://www.researchgate.net/publication/1955480_The_Effect_of_Native_Language_on_Internet_Usage (дата обращения: 19.12.2022)

объединений³³⁰. При этом законодатель не уделяет внимания формализации каких-либо специфических механизмов, связанных с реализацией названных правомочий посредством сети Интернет. Фактически же объединение индивидуумов для совместной деятельности, их координация теперь возможны и в виртуальном пространстве. Эта возможность выражается в массе возникающих движений, деятельность которых координируется посредством использования информационно-телекоммуникационных технологий, и в целом способствующих развитию гражданского общества. Ярким примером общественного движения, существующего во многом благодаря доступности Интернета, является Пиратская партия России, активисты которой выступают за реформу в области авторского права, патентной системы, а также за защиту неприкосновенности частной жизни, развитие электронной демократии и многое другое³³¹. Впрочем, в литературе справедливо отмечается, что «массового участия граждан в политике не случилось, ибо в Интернете легко говорить, но трудно быть услышанным»³³². Интернет всего лишь предоставляет возможность упрощения функционирования общественных институтов, но само по себе его наличие не означает автоматически эффективную работу гражданского общества. Не исключено, что в дальнейшем развитие интернет-отношений мотивирует законодателя воздействовать тем или иным образом на нетехнический фактор доступа, формализовав новые правомочия в составе этого права.

6. Право на участие в управлении делами государства непосредственно или через представителей (ч. 1 ст. 32 Конституции Российской Федерации), право избирать и быть избранным, а также участвовать в референдуме (ч. 2 ст. 32

---

³³⁰ Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об общественных объединениях» // СЗ РФ. 22.05.1995. № 21, ст. 1930.

³³¹ Декларация целей пиратской партии. URL: <https://pirate-party.ru/docs/deklaracziya-szelej/> (дата обращения: 26.03.2022).

³³² Киреева Е.Ю. Цифровая демократия: мифы и реальность // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7 // СПС Консультант-Плюс.

Российской Федерации), право на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33 Конституции Российской Федерации).

Декларация уделяет внимание компоненту информационных технологий, провозглашая его в качестве «важного инструмента надлежащего государственного управления» (п. 38). Конституция России также предполагает возможность для человека влиять на государственную политику. Для этого существуют институты прямой и представительной демократии. В первом случае, когда мы говорим о прямой демократии, мы подразумеваем именно возможность доведения политической воли индивидуума до государственных механизмов ее реализации без участия посредников. Во втором случае речь идет об активизации механизмов опосредованной передачи политической воли до механизмов реализации через лиц, которые обещают в случае своего избрания реализацию определенной политической программы. В случае если реализации политической программы не произойдет, подразумевается, что кандидат (политическая партия) утратит доверие своего электората.

С учетом ч. 1 ст. 3 Конституции Российской Федерации, провозгласившей, что «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ», следует констатировать, что реализация институтов прямой демократии в России – явление очень редкое. На федеральном уровне после принятия Конституции в 1993 году референдумов больше не проводилось, имели место только региональные референдумы об объединении субъектов Российской Федерации³³³. Отказываясь от поиска политической подоплеки в низкой частоте реализации этого инструмента прямой демократии, следует, тем не менее, признать, что проведение референдума любого уровня требует существенных ресурсных затрат, что дополнительно осложняется огромной территориальной протяженностью России и особенностями

---

³³³ Случаи объединения российских регионов. URL: <https://ria.ru/20200513/1571374845.html> (дата обращения 13.12.2022).

распределения населения на ее территории. Несмотря на то, что возможности, которые несет доступ в Интернет для реализации институтов прямой и представительной демократии, были осознаны давно³³⁴, воплощение этих возможностей в формально закрепленные правомочия (то есть, вмешательство в нетехнический объективный фактор доступа в Интернет) произошло спустя длительное время. По большей степени здесь идет речь о правомочиях, относящихся к активному избирательному праву, а именно о возможностях участия в электронном голосовании посредством доступа в сеть Интернет, а равно как и голосование на референдуме таким же образом. Создание правовой основы для реализации этих возможностей на федеральном уровне произошло только в 2022 году, с принятием Федерального закона от 14 марта 2022 г. № 60-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации", которым была введена статья 64.1 «Дистанционное электронное голосование» в Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации". Для участия в дистанционном электронном голосовании избиратель, участник референдума правомочен обратиться на специальный портал в сети Интернет, где он проходит процедуры идентификации и аутентификации, подтверждения личности, после чего получает возможность проголосовать (ч. 15 ст. 64.1). В 2022 году количество заявлений, поданных через Интернет для участия в дистанционном электронном голосовании, составило 112 тысяч³³⁵. Доступ в Интернет в аспекте электронного голосования можно рассматривать не только в качестве способа реализации правомочий активного избирательного права, но, так же как гарантию участия в выборах для маломобильных граждан. Несмотря на положительные эффекты, которые доступ в Интернет способен оказать на реализацию правомочий, составляющих избирательные права, в юридической

---

³³⁴ Путин В.В. Демократия и качество государства. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1866753> (дата обращения: 24.03.2022).

³³⁵ 112 тысяч заявлений подано на Госуслугах для участия в электронном голосовании. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/41931/> (дата обращения: 20.12.2022).

литературе имеется и справедливая критика относительно реализации дистанционного голосования на данный момент. В частности, Е.И. Колюшин говорит о возможном неравенстве избирателей, «...так как уровень пользования новыми технологиями различных групп населения существенно различается в зависимости от возраста, места нахождения, вероисповедания и других факторов»³³⁶, фактически речь здесь идёт о субъективном нетехническом факторе доступа в сеть Интернет³³⁷.

С правом же на обращения в органы государственной власти ситуация обстоит иным образом, применение информационных технологий здесь уже весьма распространено. Правовое закрепление возможностей, предлагаемых сетью Интернет, в виде особого правомочия для подачи обращения в электронном виде, можно обнаружить уже в первой редакции ч.3 ст. 7 Федерального закона от 02 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»³³⁸, где говорилось, что: «Обращение, поступившее в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу в форме электронного документа, подлежит рассмотрению в порядке, установленном настоящим Федеральным законом».

Вследствие давности действия механизма приема обращений граждан в электронном виде это правомочие нашло широкое практическое применение. Например, имеется множество «интернет-приемных»³³⁹, ресурсов, через которые государственные органы и должностные лица принимают различные обращения

---

³³⁶ Колюшин Е.И. Правовые проблемы дистанционного электронного голосования избирателей // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 2. // СПС «КонсультантПлюс»

³³⁷ Хуснутдинов А.И. К вопросу о конституционном запрете официальной идеологии в условиях современного информационного общества и электронной демократии // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 4. С.10 – 12

³³⁸ Федеральный закон от 02 мая 2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 08.05.2006. № 19. ст. 2060.

³³⁹ Электронная приемная органов власти Республики Башкортостан. URL: <https://letters.openrepublic.ru/> (дата обращения: 24.03.2022).

граждан. Существует ресурс «Российская общественная инициатива»³⁴⁰, где инициативы, получившие более 100 000 голосов, рассматриваются на уровне Правительства Российской Федерации. Справедливо указывается³⁴¹, что «Российская общественная инициатива» является новым механизмом учета общественного мнения, а следовательно, отсутствие доступа в Интернет влечет за собой невозможность донести свое мнение до властей при помощи данного механизма.

Нельзя не отметить и сервис gosuslugi.ru, функционал которого состоит в предоставлении доступа в электронной форме к государственным услугам, содержит информацию о процедурах получения услуг, алгоритмах их получения, перечне документов, которые требуются для доступа к услуге. Прежде получение государственных услуг зачастую требовало личного обращения для реализации прав, что стоило заметных ресурсных затрат и было чревато бюрократическим противодействием. Сейчас же возможностей взаимодействий с государственными органами становится больше, а в случае нарушения регламента предоставления услуги можно самостоятельно подать жалобу в системе досудебного обжалования.

В последствии сервис государственных услуг продолжил своё развитие в так называемые «суперсервисы». Обновленный подход к государственным услугам состоит в том, что, «государство берет на себя заботу о документах, пока гражданин занят своими делами. Сервис распознает, что нужно человеку в жизненной ситуации, подбирает услуги, напоминает о положенных выплатах и присылает уведомление, когда все готово. Без бумажных документов и очередей, точно вовремя»³⁴². Речь идет о принципиально ином, «проактивном» подходе к

---

³⁴⁰ Российская общественная инициатива. URL: <https://www.roi.ru/> (дата обращения: 26.03.2022).

³⁴¹ Трущалова Т.О. Возможности дистанционного электронного голосования для участия граждан в управлении делами государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 5 // СПС КонсультантПлюс

³⁴² Суперсервисы: госуслуги без бумажных документов и визитов в госорганы. URL: <https://www.gosuslugi.ru/superservices> (дата обращения: 27.03.2022)

предоставлению государственных услуг, который состоит в том, что «услуги организованы таким образом, чтобы у пользователя не возникала необходимость поиска информации о них в сложных бюрократических структурах, а непосредственное участие его требовалось только в так называемых ключевых точках, или точках доступа»³⁴³.

На 2021-2023 годы запланировано развитие следующих суперсервисов³⁴⁴:

- «Рождение ребенка»;
- «Поступление в вуз онлайн»;
- «Оформление европротокола онлайн»;
- «Цифровое исполнительное производство»;
- «Правосудие онлайн»;
- «Пенсия онлайн»;
- «Уведомление и обжалование штрафов за нарушение ПДД онлайн»;
- «Утрата близкого человека»;
- «Мое здоровье онлайн»;
- «Трудовые отношения онлайн»;
- «Онлайн помощь при инвалидности»;
- «Цифровые документы об образовании онлайн»;
- «Социальная поддержка онлайн»;
- «Регистрация нарушений ПДД и правил благоустройства»;
- «Образование в Российской Федерации для иностранцев»;
- «Безбумажные перевозки пассажиров и грузов»;
- «Трудовая миграция онлайн».

В целом следует ожидать дальнейшего расширения применения информационных технологий в демократических процессах, связанных с

---

³⁴³ Талалина Э. В. Проактивные государственные услуги: на пути к алгоритмизации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 2. С. 11.

³⁴⁴ Ведомственная программа цифровой трансформации Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации на 2021-2023 годы // СПС «КонсультантПлюс».

обращением в органы государственной власти и влиянием на принимаемые ими решения. Развитие информационных технологий побудило законодателя формализовать новые правомочия, связанные и с избирательными правами граждан, и с подачей обращений органам власти.

7. Право на предпринимательскую деятельность (ст. 34 Конституции Российской Федерации).

Декларация отмечает роль информационных и коммуникационных технологий для предпринимательства (п. 11). Конституция России закрепляет за каждым право на свободное использование имущества и своих способностей для любой незапрещенной законом экономической деятельности, в том числе предпринимательской.

Интернет расширил как способы реализации этого права через возникновение новых форм экономической деятельности, так и само содержание этого права. Примером здесь являются процессы так называемой «уберизации экономики»³⁴⁵, названной так после выхода приложения «Uber» для заказа такси.

Что же касается возникновения новых правомочий, то в условиях российской действительности содержание права на предпринимательство существенно расширилось благодаря возникновению новой категории субъектов экономических отношений – самозанятых граждан, и специального для них налогового режима – «налог на профессиональный доход». Правовой основой данной новации стал Федеральный закон от 27 ноября 2018 года № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”»³⁴⁶. Данная инициатива со стороны государства обусловлена желанием легализовать деятельность граждан, приносящую им доход, освободить их от

---

³⁴⁵ Уберизация превыше всего. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/06/20/68969-uberizatsiya-prevyshe-vsego> (дата обращения: 24.03.2022).

³⁴⁶ Федеральный закон от 27 ноября 2018 года № 422-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход" // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 27 ноября 2018 года.

обременительных для многих обязанностей индивидуального предпринимателя в части сдачи отчетности в налоговую, предоставить возможность уплаты сниженной процентной ставки – 4% с доходов от физических лиц, и 6% - от юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (статья 10 Федерального закона № 422-ФЗ).

Регистрация в качестве самозанятого осуществляется без бюрократической волокиты и без походов по государственным учреждениям, технически получить статус самозанятого возможно из любой точки мира. Получение статуса самозанятого позволяет легализовать получаемый от деятельности доход, что влечет для гражданина не только обязанности в виде уплаты налогов, но также и возможности обращения за судебной защитой нарушенных прав, и позволяет подтвердить наличие дохода, что может быть важно при получении кредита, или в иных ситуациях, когда требуется подтвердить наличие легального дохода. Но это правомочие становится возможным реализовать только при условии наличия стабильного доступа к сети Интернет, и более того, необходимость доступа следует из самого Федерального закона № 422-ФЗ, его части 1 статьи 3, где дано определение мобильному приложению, на котором фактически зиждется весь комплекс правоотношений между самозанятым гражданином и государством: «Мобильное приложение "Мой налог" - программное обеспечение федерального органа исполнительной власти, уполномоченного по контролю и надзору в области налогов и сборов, применяемое физическими лицами с использованием компьютерного устройства (мобильного телефона, смартфона или компьютера, включая планшетный компьютер), подключенного к информационно-телекоммуникационной сети "Интернет"». То есть, государство здесь воздействовало на технический фактор (разработав мобильное приложение и создав работающую с ним инфраструктуру), а также на нетехнический объективный фактор, разработав соответствующее правовое регулирование. В случае, если самозанятый гражданин лишится интернет-доступа, он фактически не сможет продолжать данную экономическую деятельность, тем самым доступ в

Интернет становится условием получения для человека «легальных» средств к существованию, а для государства – налоговых отчислений. Удачность данной новации подтверждается взрывным ростом числа самозанятых граждан, за период с января по октябрь 2022 года самозанятых стало на 2 миллиона человек больше, их общее число составило 6 миллионов³⁴⁷.

Следует отметить, что реализация экономических прав посредством внедрения и использования информационных технологий – одно из наиболее динамически развивающихся направлений, в значительной степени выступающее локомотивом остальных изменений, касающихся области реализации прав человека.

8. Право свободно распоряжаться способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (ст. 37 Конституции Российской Федерации). Декларация не оставляет в стороне и право на труд, отмечая, что информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) «постепенно изменяют наши методы работы, основополагающее значение имеет создание защищенных, безопасных и не наносящих ущерба здоровью условий труда, предусматривающих использование ИКТ». В случае права на труд следует сказать как о принципиальном расширении его содержания. События 2020 года вокруг пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 позволяют сделать вывод и о том, что доступ в Интернет стал гарантией обеспечения безопасных условий труда, правомочие на которые закреплено в части 3 статьи 37 Конституции России. Международная организация труда указывает, что перевод работников на удаленную работу является одной из действенных мер по сдерживанию распространения пандемии³⁴⁸.

---

³⁴⁷ В России зафиксировали рост числа самозанятых. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16305483> (дата обращения: 20.12.2022).

³⁴⁸ Организация труда в условиях пандемии COVID-19: руководство для работодателей. URL: https://www.ilo.org/actemp/publications/WCMS_741557/lang--en/index.htm (дата обращения: 21.12.2022)

О возникновении нового правомочия в составе права на труд свидетельствует возникновение новой категории трудовых отношений – дистанционной работы. Отечественный законодатель уже произвел вмешательство в нетехнический объективный фактор доступа в сеть Интернет, внедрив Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 60-ФЗ в Трудовой кодекс Российской Федерации главу 49.1 «Особенности регулирования труда дистанционных работников»³⁴⁹. Данная категория трудовых отношений зиждется на постоянном и качественном доступе к сети Интернет. Благодаря этому закону легализована модель осуществления трудовой деятельности, при которой работник и работодатель могут годами успешно взаимодействовать, ни разу не встретившись в одном офисе. Прежде единственная возможность оформления данных отношений по модели гражданско-правовых не позволяла работникам эффективно защищать свои интересы и не позволяла рассчитывать на полагающиеся по Трудовому кодексу социальные гарантии. Теперь же появилась возможность легального трудоустройства не только в рамках региона проживания работника, но в рамках всей Российской Федерации, что ранее было принципиально невозможно.

9. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41 Конституции Российской Федерации). О возможностях информационно-коммуникационных технологий для услуг здравоохранения говорится в п. 51 Декларации. Кроме того, в п. 31 говорится и о такой инновации как телемедицина. Благодаря информационно-телекоммуникационным технологиям появилась возможность оказания медицинской помощи в ситуациях, когда визит врача недоступен. Кроме того, технический прогресс позволяет осуществлять дистанционный мониторинг жизненных показателей пациента в автоматическом режиме, с возможностью немедленного оказания помощи в случае возникновения необходимости. Пандемия

---

³⁴⁹ Федеральный закон от 5 апреля 2013 года № 60-ФЗ (ред. от 01.04.2019) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 8 апреля 2013 года.

COVID-19 показала возможность использования информационных технологий для контроля контактов с заразившимися людьми, хотя эта возможность оценивается неоднозначно с точки зрения вмешательства в частную жизнь³⁵⁰.

В литературе право на охрану здоровья показано в качестве комплексного права, в состав которого входят следующие правомочия: «право граждан на получение достоверной и своевременной информации о факторах, влияющих на здоровье; право на медико-социальную помощь; право на особую охрану здоровья граждан, занятых отдельными видами вредной профессиональной деятельности и деятельности, связанной с источником повышенной опасности; право на заботу государства об охране здоровья членов семьи; право на особую охрану здоровья беременных женщин и матерей, несовершеннолетних, инвалидов, граждан пожилого возраста, граждан, пострадавших при чрезвычайных ситуациях и в экологически неблагоприятных районах, и др.»³⁵¹

Кроме того, в литературе справедливо отмечается, что некоторые правомочия, также входящие в состав права на медицинскую помощь, могут реализовываться с помощью дистанционных телемедицинских технологий: «право на получение медицинских консультаций, на коррекцию ранее назначенного лечения, на наблюдение за состоянием здоровья, на онлайн-приобретение лекарственных средств и медицинских изделий»³⁵².

Для возможности реализации этих и других правомочий требуется вмешательство государства в технический фактор, выражающееся в создании информационно-телекоммуникационной инфраструктуры и подключении к ней

---

³⁵⁰ Талапина Э. В. Применение цифровых технологий в условиях пандемии с точки зрения прав человека: аналитический обзор // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. – Москва: Фонд "Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара", 2020.

³⁵¹ Челнокова Г.Б. Социальное законодательство, направленное на защиту от бедности в России: Научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2009. // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵² Липчанская М.А., Заметина Т.В. Социальные права граждан в условиях использования искусственного интеллекта: правовые основы и пробелы законодательного регулирования в России // Журнал российского права. 2020. № 11 // СПС «КонсультантПлюс».

медицинских организаций. Так, в соответствии с Паспортом федерального проекта «Информационная инфраструктура» предусмотрено, что с 2019 года доля больниц и поликлиник, подключенных к сети Интернет, должна достигать 100%, в отношении фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов доля 100% подключения должна достигать с 2021 года³⁵³.

В отношении же нетехнического объективного фактора вмешательство было произведено Федеральным законом от 29 июля 2017 № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья»³⁵⁴. Под телемедицинскими технологиями данный закон (п. 1 ст. 3) понимает «информационные технологии, обеспечивающие дистанционное взаимодействие медицинских работников между собой, с пациентами и (или) их законными представителями, идентификацию и аутентификацию указанных лиц, документирование совершаемых ими действий при проведении консилиумов, консультаций, дистанционного медицинского наблюдения за состоянием здоровья пациента».

В отношении осуществления дистанционного наблюдения за состоянием здоровья пациента был принят Приказ Минздрава России от 1 марта 2023 № 91н³⁵⁵,

---

³⁵³ «Паспорт федерального проекта “Информационная инфраструктура”» (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 № 9) // URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/870/> (дата обращения: 06.04.2023)

³⁵⁴ Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 30 июля 2017 года.

³⁵⁵ Приказ Минздрава России от 01.03.2023 N 91н «Об утверждении порядка обеспечения граждан медицинскими изделиями с функцией дистанционной передачи данных, порядка использования медицинских изделий с функцией дистанционной передачи данных гражданами, включая вопросы сохранности указанных изделий, порядка обслуживания медицинских изделий с функцией дистанционной передачи данных и их поверки, включая типовую форму гражданско-правового договора, заключаемого медицинской организацией с гражданином в целях передачи в пользование медицинских изделий с функцией дистанционной передачи данных» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 07.04.2023.

которым установлен «Порядок использования медицинских изделий с функцией дистанционной передачи данных гражданами...», которым фактически конкретизирована реализация этой новой возможности.

Из вышеуказанного следует вывод: с развитием телемедицинских технологий полноценная и максимально качественная охрана здоровья станет невозможной без доступа к сети Интернет. Здесь можно говорить о расширении фактического содержания права на здравоохранение, так как впервые появляется возможность постоянного отслеживания важнейших жизненных показателей, что можно сравнить с круглосуточным врачебным контролем, который доступен только в медицинских учреждениях, а также упрощается получение так называемого «second opinion» для пациента, которое позволяет оценить качество медицинской помощи в сложных случаях³⁵⁶.

10. Право на образование (ст. 43 Конституции Российской Федерации). Данное право неоднократно упоминается и в Декларации, там же указывается о необходимости содействовать применению информационных технологий на всех уровнях образования (п. 30), говорится о необходимости использования и развертывания этих технологий во всех аспектах жизни, в том числе и в образовании (п. 51). Что касается содержания права на образование в Российской Федерации, то оно определено Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», и включает в себя следующие правомочия: на получение начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования; начального, среднего и высшего профессионального образования. В случае права на образование можно говорить о том, что Интернет позволяет расширить его фактическое содержание, а также выступает в условиях чрезвычайных ситуаций гарантией реализации

---

³⁵⁶ Платонова Н.И., Шахабов И.В., Смышляев А.В., Кузнецов Д.В. Телемедицинские технологии в условиях пандемии COVID-19 // Медицинское право. 2021. № 1. // СПС «КонсультантПлюс».

составляющих его правомочий. Это гарантирование проявилось в ходе пандемии Covid-19, когда 80% российских университетов переходили полностью на дистанционный формат работы со студентами³⁵⁷, а в мире число школьников, перешедших на дистанционное обучение, составляло 1,5 миллиарда³⁵⁸. Всё это стало возможным благодаря появлению дистанционных образовательных технологий, внедрение которых потребовало вмешательства в технический фактор доступа, выразившегося в подключении образовательных учреждений к сети Интернет. В соответствии с Паспортом федерального проекта «Информационная инфраструктура»³⁵⁹, доля государственных (муниципальных) образовательных организаций, реализующих образовательные программы общего образования и/или среднего профессионального образования, подключенных к сети Интернет, с 2022 года должна составлять 100 процентов. Что касается нетехнического объективного фактора, то возможность получения образования дистанционно установлена в соответствии со ст. 16 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». В соответствии с ч.1 данной статьи, «под дистанционными образовательными технологиями понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников». Существуют и развиваются транснациональные проекты дистанционного образования. Широкую известность получили проекты «courser.org», «udacity.edx»

---

³⁵⁷ Дистанционное обучение в экстремальных условиях. URL: <https://academia.interfax.ru/ru/analytics/research/4491/> (дата обращения: 21.12.2022).

³⁵⁸ Более 1,5 млрд детей переведены на дистанционное обучение, но половина из них не имеют дома компьютера или интернета. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/04/1376532> (дата обращения: 21.12.2022).

³⁵⁹ «Паспорт федерального проекта “Информационная инфраструктура”» (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 № 9) // URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/870/> (дата обращения: 06.04.2023).

и др. Их участники могут бесплатно получить доступ к лекциям ведущих зарубежных специалистов и, как отмечают исследователи, в будущем дистанционные образовательные технологии могут существенно изменить всю систему образования³⁶⁰. Следует констатировать, что в случае отсутствия полноценного доступа к сети Интернет автоматически имеет место ограничение возможности личности получать образование, а также утрачивается гарантия на получение его в дистанционном формате в случае экстремальной ситуации.

11. Свобода творчества и защита интеллектуальной собственности (ст. 44 Конституции Российской Федерации). Еще одним правом, в отношении которого можно сказать, что произошло расширение его объема, является право на свободу творчества. Часть 1 статьи 44 Конституции России говорит про свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества. При этом на данный момент на уровне правового регулирования формализации новых правомочий, связанных со свободой творчества в Интернете, не обнаруживается, хотя фактически возникают новые категории результатов интеллектуальной деятельности, которые также должны пользоваться правовой охраной.

Благодаря Интернету появился специфический результат интеллектуальной деятельности, так называемый стриминг³⁶¹, отдаленным аналогом которого являются прямые трансляции, прежде доступные только для СМИ. Интернет предоставляет возможность распространения практически любых результатов интеллектуальной деятельности среди беспрецедентно широкой аудитории, тем самым, мотивируя авторов искать признания и совершенствоваться. Ранее произведение искусства зачастую не могло стать известным широкой аудитории,

---

³⁶⁰ «Традиционное образование изменится под влиянием онлайн-курсов». URL: <http://www.vedomosti.ru/career/news/2311978/ugrozhaet-li-tradicionnomu-vysshemu-obrazovaniju>. (дата обращения: 17.04.2022).

³⁶¹ Ситдикова Р.И., Васильев Э.Э. Поточковая видеозапись (стриминг) как объект интеллектуальной собственности // Юрист. 2021. № 9. // СПС «КонсультантПлюс»

если у автора не находилось средств для распространения произведения. Сейчас же ситуация стала другой, Интернет позволяет не только распространять произведения, но и организовывать сбор средств на их создание, посредством краудфандинга³⁶².

С другой стороны, с широким распространением Интернета не меньше возросла и необходимость защиты интеллектуальной собственности. Декларация ясно указывает на взаимосвязь поощрения свободы творчества с обеспечением права на защиту интеллектуальной собственности (п. 42). Что примечательно, аналогичная взаимосвязь прослеживается и в Конституции Российской Федерации, так как ч. 1 ст. 44 Конституции провозглашает в одном положении: «Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом».

Вопрос защиты интеллектуальной собственности – один из наиболее острых в глобальной компьютерной сети. Однако все чаще можно услышать констатацию того факта, что прежняя концепция охраны авторских прав устарела и более неприменима в Интернете³⁶³. Тем не менее, что касается правомочий, направленных на защиту интеллектуальной собственности, то здесь их формализация уже произошла. Подробно механизм введения ограничений против ресурсов, нарушающих исключительные права, будет рассмотрен в следующем параграфе, сейчас же отметим, что в соответствии со ст.15.6, 15.6-1, Закона об информации правообладатель вправе инициировать вмешательство государства в технический фактор доступа в сеть Интернет, выражающееся в блокировке

---

³⁶² Краудфандинговые платформы в России и мире. URL: https://ria.ru/disabled_know/20160822/1474985105.html (дата обращения: 17.04.2022).

³⁶³ Авторское право тормозит прогресс. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/08/29/731368-avtorskoe-pravo-progress> (дата обращения: 17.04.2022).

ресурса-нарушителя, а в ст. 15.7 законодатель закрепил правомочие урегулировать свои претензии к ресурсу-нарушителю во внесудебном порядке.

Ещё одной значимой проблемой³⁶⁴, возникшей перед наукой права в совсем недавнем прошлом, является правовая оценка результата деятельности искусственного интеллекта (нейросетей), и того, кому принадлежат права на созданное произведение, и носит ли этот результат творческий характер, должна ли предоставляться ему правовая охрана? В немалой степени развитие искусственного интеллекта обусловлено количеством материалов в сети Интернет, и их доступностью, так как «обучение» нейросети происходит в основном на произведениях, уже созданных авторами, что также порождает правовую неопределенность в части наличия прав. Как представляется, ответ на данные вопросы лежит не только в плоскости гражданского, но и в плоскости конституционного права (в силу непосредственной связи со свободой творчества) и требует самостоятельных исследований.

12. Право на участие в культурной жизни, доступ к культурным ценностям (ч. 2 ст. 44 Конституции Российской Федерации). Декларация отмечает, что приложения на базе информационно-коммуникационных технологий значимы для развития культуры (п. 51). Кроме того, отмечается, что «Информационное общество должно всеми соответствующими методами, включая перевод в цифровую форму, собирать и сохранять культурное наследие для будущих поколений» (п. 54).

В число правомочий, составляющих данное право, включается³⁶⁵ участие в культурной жизни, доступ к культурным ценностям, и именно это правомочие получило новый способ реализации. Доступ к культурным ценностям благодаря

---

³⁶⁴ Ивлиев Г.П., Егорова М.А. Юридическая проблематика правового статуса искусственного интеллекта и продуктов, созданных системами искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2022. № 6. // СПС «КонсультантПлюс».

³⁶⁵ Ивакина Д.С. Культурные права и свободы человека и гражданина: вопросы содержания, методологии и классификации // Журнал российского права. 2020. № 4 // СПС «КонсультантПлюс».

сети Интернет чрезвычайно упростился, подарив возможность, например, дистанционно посетить множество музеев мира, приобщившись к мультикультурному наследию человечества. При этом нельзя не рассматривать некоторые ресурсы сети как самостоятельные объекты культурного достояния, к которым возможно отнести уже упоминавшуюся Википедию, которая при всех своих недостатках³⁶⁶, связанных с не всегда достоверной информацией, имеет трудно переоценимую значимость. Человечество накопило за период развития огромный пласт общего достояния, долгое время ограниченно доступного. Сейчас же ситуация в корне изменилась, однако отсутствие полноценного доступа в Интернет серьезным образом ограничивает возможности личности ознакомления с культурным достоянием. Несмотря на возрастающую значимость сети Интернет для реализации культурных прав, пока в законодательстве не обнаруживается в явном виде формализации новых правомочий, данная сеть скорее выступает средством реализации прежних правомочий, составляющих данное право. Впрочем, имеются акты, направленные на расширение возможностей доступа к объектам культуры через формирование электронных публичных библиотек, музейных и театральных интернет-ресурсов. Здесь следует указать на пункт н) Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики», где указывается о необходимости Правительству «обеспечить поддержку создания публичных электронных библиотек, сайтов музеев и театров в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а также размещение в свободном бесплатном доступе в сети Интернет фильмов и спектаклей выдающихся режиссеров кино и театра»³⁶⁷.

---

³⁶⁶ Использование «Википедии» в научной работе: быть или не быть. URL: <https://moluch.ru/information/wiki/> (дата обращения: 23.12.2022).

³⁶⁷ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 07.05.2012.

Наряду с упрощением доступа к культурным ценностям Интернет также стал и гарантией сохранения возможности такого доступа в случае возникновения чрезвычайных ситуаций, примером чему явилась пандемия Covid-19, когда в ходе локдауна доступ в Интернет стал единственным способом реализовать правомочия данного права³⁶⁸.

13. Право на неприкосновенность частной жизни. Воздействие Интернета на реализацию прав личности характеризуется положительно далеко не всегда. Здесь выделяется право на неприкосновенность частной жизни. Конституция Российской Федерации в ст. 23 и 24 гарантирует право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, уточняя, что сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются. Также в ч. 2 ст. 23 указывается на право для каждого на сохранение переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в тайне. В литературе справедливо указывается, что право на неприкосновенность частной жизни имеет комплексный характер, при этом ввиду абстрактности границ приватности отмечается, что «это личное право вследствие своей комплексности включает все гражданские (частные) права, характеризующие существо личной жизни человека, неприкосновенность и надлежащую защиту данной области жизнедеятельности человека, и общественные, экономические и культурные права людей, воздействующие на качество индивидуальной частной жизни индивида»³⁶⁹.

В анализируемой Декларации ряд норм преследует цель обеспечить право на неприкосновенность частной жизни; в ст. 35 указывается на необходимость развития «глобальной культуры кибербезопасности», под которой подразумевается повышение безопасности и обеспечение защиты данных и

---

³⁶⁸ Российская культура уходит в онлайн из-за коронавируса. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/67939/> (дата обращения: 22.12.2022).

³⁶⁹ Шадрин С. А. Содержание права на неприкосновенность частной жизни по российскому и европейскому законодательству // Актуальные проблемы российского права. 2018. N 9. С. 215.

неприкосновенности частной жизни. При этом содержание термина «кибербезопасность» в Декларации, равно как в законодательстве Российской Федерации не раскрывается³⁷⁰. Однако, имеется термин «информационная безопасность Российской Федерации». В частности, имеется документ под названием «Доктрина информационной безопасности», утвержденный Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 года № 646³⁷¹, где под таковым подразумевается (пп. в) п.2) «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства». В отношении же личности данного определения не имеется, в связи с этим, не вполне понятна конкретная связь и соотношение информационной безопасности личности и государства.

На практике часто возникают ситуации, свидетельствующие о серьезных проблемах в обеспечении информационной безопасности и права на неприкосновенность частной жизни. Периодически случаются крупные скандалы, связанные с утечками персональных данных³⁷². Несмотря на то, что по отношению к остальным рассмотренным в данном параграфе правам человека влияние доступа в сеть Интернет проявляется в целом положительно, можно констатировать, что влияние на неприкосновенность частной жизни негативно, и распространяется на весь комплекс правомочий этого права, высказываются даже идеи о «конце

---

³⁷⁰ Термин используется без уточнения его содержания в некоторых актах. См., напр.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2012 года № 2237-р (ред. от 31.10.2015) «Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013 - 2020 годы» // СЗ РФ. 2012. № 50 (ч. 6). Ст. 7089.

³⁷¹ Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 № 646 "Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации" // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 06.12.2016.

³⁷² «Яндекс.Еда» выявила утечку информации пользователей. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5238703> (дата обращения: 29.03.2022).

приватности»³⁷³, и о необходимости стремиться к минимизации вреда для частной жизни, а не к его исключению. С таким подходом сложно согласиться, так как он осложняет положение слабой стороны в такого рода отношениях – субъектов персональных данных, которым придется обосновывать степень причиненного им вреда, тогда как операторы персональных данных получают преференции³⁷⁴.

Проблема здесь заключается и в том, что в настоящий момент сложно найти примеры «лучших практик» в мировом масштабе, которые бы существовали длительный период времени и показали высокую эффективность, сфера регулирования оборота персональных данных только находится в процессе становления. В числе «передового» опыта именно защиты персональных данных рассматривается Общий Регламент Европейского союза о защите персональных данных (GDPR), где в качестве санкции за различные нарушения введены высокие штрафы в десятки миллионов евро или процентов с оборотов компании (статья 83 GDPR)³⁷⁵. Отмечается, что «...особенности европейского подхода к правовой регламентации защиты персональных данных получают все большее признание и распространение в мире, что и является основной тенденцией развития правового регулирования защиты персональных данных на данном этапе. При этом на настоящий момент не имеется иной, глобальной правовой модели регламентации защиты персональных данных»³⁷⁶. По всей видимости, России придется разрабатывать собственные подходы к правовому регулированию защиты персональных данных, возможно с учетом европейского опыта, так как напрямую его перенести не представляется возможным, особенно это касается драконовских штрафов в условиях непростой экономической ситуации.

---

³⁷³ Конец частной эпохи. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/07/09/806225-konets-privatnoi-epohi> (дата обращения: 22.12.2022)

³⁷⁴ Талапина Э. В. Право на информационное самоопределение: на грани публичного и частного // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. №5. С.38.

³⁷⁵ URL: https://gdpr-text.com/ru/read/article-83/#para_gdpr-a-83_4 (дата обращения: 22.12.2022)

³⁷⁶ Нам К.В. Особенности развития правового регулирования оборота и защиты персональных данных // Вестник гражданского права. 2020. № 5. // СПС «КонсультантПлюс».

Интенсивное наступление на приватность вынуждает законодателя формализовывать новые правомочия, призванные скомпенсировать возможные негативные последствия для личности. В число таких следует отнести как уже рассмотренное выше «право на забвение», подразумевающее возможность инициировать вмешательство в технический фактор доступа, заключающееся в обязанности поисковых систем удалить недостоверную или утратившую актуальность информацию. Также законодателем формализован в Законе о персональных данных ряд правомочий в области их обработки, к примеру это право отзыва согласия на обработку данных (ч.2 ст. 9), требовать от любого лица прекращения передачи данных субъекта (ч.14 ст. 10.1), на доступ субъекта персональных данных к своим данным (ст. 14). Однако нельзя сказать, что предпринятых мер достаточно, и действующие правовые механизмы защиты персональных данных эффективны. Об этом свидетельствует количество утечек персональных данных, которое в 2022 году выросло в 40 раз³⁷⁷.

По итогам анализа отдельных конституционных прав и их соотношения с правом на доступ в Интернет мы приходим к следующему выводу. Следует отчасти согласиться с подходом, получившим наиболее широкое распространение на международном уровне, рассматривающем Интернет в контексте средства реализации прав человека. Однако в этом виде подход все же представляется недостаточно полно учитывающим реальное место Интернета в системе прав человека. Как мы показали выше, в ряде аспектов можно говорить о расширении объема содержания прав человека, а также о гарантии реализации прав человека в чрезвычайных ситуациях, что произошло в ходе пандемии Covid-19, когда иные варианты реализации прав были недоступны. Нарастающие темпы научно-технического прогресса, стремительное проникновение Интернета во все сферы жизни, а также глобализация заставляет склоняться к идее о том, что право на доступ в Интернет является новым основным правом. Каждую новую возможность,

---

³⁷⁷ Число утечек данных россиян в 2022 году выросло в 40 раз, заявила сенатор. // URL: <https://ria.ru/20230209/dannye-1850899583.html> (дата обращения: 10.04.2023)

появляющуюся благодаря развитию Интернета и касающуюся реализации прав человека, следует оценивать в том числе и с той позиции, что ограничение доступа к Интернету означает и ограничение доступа к этой возможности. Однако у цифровизации есть негативный аспект: переводя всё больше и больше сфер жизни в онлайн, не решая проблему цифрового разрыва, мы рискуем создать менее доступную среду для людей, которые не владеют цифровыми технологиями в достаточной степени, или же лишены доступа к соответствующей инфраструктуре либо оборудованию.

§ 4. Проблемы ограничения доступа в Интернет

Проблематика регулирования доступа в Интернет не может рассматриваться вне контекста его ограничений. Как мы установили ранее, право на доступ в Интернет относительное, а не абсолютное. Разнообразие возможностей, им предоставляемое, приводит к выводу о том, что вопрос о возможности вмешательства как такового не обсуждается. Вопрос состоит в выборе адекватного ограничения для каждого случая вмешательства, с тем чтобы права не ограничивались слишком радикально, но ограничения позволяли достичь своей цели.

Проблема ограничений прав часто становится предметом изучения конституционалистов. Б.С. Эбзеев указывает, что «проблема ограничений прав есть часть теории свободы, а значимость ее доктринальной разработки и конституционного нормирования обусловлена ... диалектикой индивидуального и коллективного в организации и функционировании социума и необходимостью ее адекватного восприятия Конституцией»³⁷⁸.

Говоря о доступе в Интернет, острым вопросом представляется выяснение пределов и ограничений вмешательства государства в реализацию прав и свобод посредством доступа в сеть Интернет. Это особенно актуально и по той причине,

---

³⁷⁸ Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М.: Проспект, 2015. С. 189.

что до недавнего времени внимание законодателя к правовому регулированию доступа в Интернет зачастую сводилось к введению разного рода ограничений, и часто такие новации сопровождались заметным общественным резонансом. Учитывая возрастающее влияние доступа в Интернет и учитывая, что «...пределы публичной власти должны конструироваться с учетом того, что государству следует не только воздерживаться от посягательства на права и свободы человека и гражданина, но и создавать условия реализации таких прав и свобод, осуществляя эффективное управление обществом»³⁷⁹, представляется актуальным исследование вводимых ограничений и их пределов. Ситуация осложняется тем, что в законодательстве специальных указаний на пределы вмешательства в доступ в Интернет не установлено, представляется, что новое комплексное право на доступ в Интернет в случае формализации как раз и может стать таким пределом. Тем не менее, существует универсальный конституционно-правовой механизм, специфический для государственного вмешательства в реализацию прав и свобод человека и устанавливающий пределы этого вмешательства, базирующийся на норме ч.3 ст. 55 Конституции России, и нашедший отражение в практике Конституционного Суда Российской Федерации, а также и в литературе. Охарактеризуем этот механизм подробнее.

Конституционным Судом была выработана позиция по вопросу о критериях ограничений прав человека. Суть этой позиции состоит в том, что «ограничения конституционных прав ... должны быть необходимыми и соразмерными конституционно признаваемым целям таких ограничений; в тех случаях, когда конституционные нормы позволяют законодателю установить ограничения закрепляемых ими прав, он не может осуществлять такое регулирование, которое посягало бы на само существо того или иного права и приводило бы к утрате его реального содержания; при допустимости ограничения того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями государство, обеспечивая

---

³⁷⁹ Троицкая А.А. Пределы публичной власти: конституционно-правовое осмысление // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2009. №5. С.47

баланс конституционно защищаемых ценностей и интересов, должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры; публичные интересы, перечисленные в ст. 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, не имеют обратной силы и не затрагивают само существо конституционного права, т.е. не ограничивают пределы и применение основного содержания соответствующих конституционных норм; чтобы исключить возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации, норма должна быть формально определенной, точной, четкой и ясной, не допускающей расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произвольного их применения»³⁸⁰.

В науке конституционного права исследование вопроса пределов ограничений прав человека привело к формированию метода тестирования возможных ограничительных мер на пропорциональность³⁸¹. Заключается этот метод тестирования в проверке легитимности цели ограничения, необходимости и соразмерности ограничения.

Конституция Российской Федерации устанавливает несколько оснований для ограничения прав и свобод человека. Это публичные интересы, установленные ч. 3 ст. 55 Конституции России: защита основ конституционного строя,

---

³⁸⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 октября 2003 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова» // Российская газета. № 221. 31 октября 2003 г.

³⁸¹ Шлинк Б. Пропорциональность. К проблеме баланса фундаментальных прав и общественных целей // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 2(87). С. 56; Лапаева В.В. Критерии ограничения прав человека и гражданина в Конституции Российской Федерации // Государство и право. 2013. № 2. С. 16.

нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, оборона страны и безопасность государства. Необходимость ограничения подразумевает, что для достижения легитимной цели в сложившейся ситуации обойтись без этой меры не представляется возможным. Соразмерность ограничений анализируется на предмет того, являются ли предполагаемые меры наименее ограничивающими права, но позволяющими при этом достигнуть легитимной цели. Исследуя существующие и возможные ограничения доступа в Интернет, мы предполагаем использовать этот метод как получивший заметное признание в науке и практике.

На практике ограничение доступа реализуется через вмешательство в отношении правомочий права на доступ в Интернет, касающихся технического и нетехнического факторов доступа в Интернет. Конкретные ограничения доступа в Интернет, используемые в качестве средства регулирования, могут носить индивидуально-определенный и общий характер.

Ограничения индивидуально-определенного характера, в свою очередь, возникают по причине изменения правового статуса пользователя Интернета, и могут выражаться:

- 1) в воспрепятствовании доступу как таковому;
- 2) в ограничении деятельности, осуществляемой с помощью Интернета.

Воспрепятствование доступу как таковому характерно в случае подвергания личности пенитенциарным мерам воздействия. Сама возможность ограничений доступа «в местах не столь отдаленных», цель и основания таких ограничений представляются в той же степени легитимными, как и остальные условия уголовного наказания, изолирующие от общества людей, совершивших преступления. Данные ограничения по своей сути не представляют собой нового явления, и, следовательно, в той же степени соотносятся с основаниями ограничений прав человека по ч. 3 ст. 55 Конституции, что и иные ограничения, которые вынужденно претерпевает человек после назначения ему уголовного наказания в виде лишения свободы. Одной из целей уголовного наказания,

предусмотренных ч. 2 ст. 46 Уголовного кодекса Российской Федерации³⁸², является предупреждение совершения новых преступлений; в соотношении с основаниями, указанными в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации этим основанием будет защита прав и законных интересов других лиц. Интернет же вполне может быть использован в различной преступной деятельности, в том числе и лицами, отбывающими в качестве наказания лишение свободы. Это свидетельствует о легитимности цели ограничения заключенных в доступе к Интернету, а также о необходимости ограничения.

Интересно, что прямого запрета пользоваться Интернетом для лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, не установлено. Однако о фактическом запрете свидетельствует, например, п. 12 Приложения № 1 «Перечень вещей и предметов, продуктов питания, которые осужденным запрещается изготавливать, иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать» к Приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 16 декабря 2016 года № 295 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений», причисляющий к таковым «электронно-вычислительные машины, пишущие машинки, множительные аппараты, электронные носители информации и другую компьютерную и оргтехнику». Помимо этого, п. 17 того же Перечня указывает на «...телевизионные приемники с выходом в информационно-телекоммуникационную сеть “Интернет” и с встроенными медиаплеерами, электронные носители и накопители информации, средства мобильной связи и коммуникации либо комплектующие к ним, обеспечивающие их работу». В этом случае производится ограничение правомочия, относящегося к техническому фактору, описанному ранее, а именно – правомочию обладать оборудованием, позволяющим работать в Интернете.

Помимо этого, в возможности пользоваться Интернетом по усмотрению суда могут быть ограничены лица, находящиеся под домашним арестом (подп. 5 ч. 6 ст.

---

³⁸² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

105¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). В этом случае ограничивается правомочие использовать доступ в Интернет в любых непротиворечащих закону целях, так как лицо по решению органа судебной власти лишается возможности использовать средства связи в результате применения к нему меры пресечения, предусмотренной законодательством.

Вместе с тем такой подход, а именно полное лишение доступа представляется избыточным и не соответствующим критериям соразмерности, так как в этом случае ограничивается сразу целый ряд возможностей для реализации прав, которые не связываются с правовым статусом заключенного или подвергнутого мере пресечения. Ярким примером здесь выступает описанный выше случай в Эстонии, где заключенному был ограничен доступ к интернет-сайтам, на которых содержалась информация правового характера, доступ к которой является критичным для эффективной защиты прав. Имеются сведения о подобных ситуациях и в России³⁸³. В условиях лишения свободы быстрое информирование осужденных о тех или иных изменениях в российском законодательстве оставляет желать лучшего, и оперативный доступ к актуальной правовой информации был бы весьма полезен.

Адекватным и соразмерным вариантом ограничения доступа в Интернет для осужденных была бы некая альтернатива доступу в сеть, как минимум, в режиме «только для чтения», или же только к ресурсам из «белого списка», без возможности распространять информацию в сети, вступать в социальные взаимодействия, с контролем за деятельностью отбывающих наказание. В этом отношении представляет интерес подход властей Норвегии к осужденному за убийство 77 человек А. Брейвику, которому, несмотря на тяжесть совершенных злодеяний, предоставлена возможность доступа к копии Википедии без

---

³⁸³ Лень срок продлевает // URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/10/12/70149-len-srok-prodlevaet> (дата обращения: 01.04.2022).

подключения к Интернету³⁸⁴. Схожая инициатива получает развитие и в Германии, где в Берлине планируется к концу 2023 года оснастить все тюрьмы достаточным числом гаджетов с выходом в Интернет³⁸⁵. Учитывая, что отбывание наказания в местах лишения свободы само по себе не подразумевает ограничение доступа к справочной информации, к возможности интеллектуального развития, то здесь доступ в Интернет позволяет осуществить осужденным те же права, которые они могут реализовывать в ограниченном объеме, не используя информационно-телекоммуникационные технологии. Разница здесь лишь в том, что реализовывать возможности, дозволяемые уголовно-исполнительным законодательством, посредством современных технологий гораздо проще. Но очевидно, что в этом случае от выработки ограничений, соответствующих социальной изоляции, уйти не представляется возможным.

Иным образом складывается ситуация с индивидуально-определенными ограничениями в отношении отдельных аспектов использования оборудования, подключенного к Интернету. Примером таких ограничений являются те, что распространяются на военнослужащих. Невнимание к этой проблеме способно при определенных обстоятельствах существенно навредить интересам обороны государства, примером чего является казус с сервисом Strava, раскрывшим движение военных США и России и положение военных баз на основе данных о местоположении с устройств для фитнеса³⁸⁶. Впоследствии был принят Федеральный закон от 6 марта 2019 года № 19-ФЗ «О внесении изменений в статьи

---

³⁸⁴ 21+ // URL: <https://lenta.ru/articles/2012/08/24/friday/> (дата обращения: 01.04.2022).

³⁸⁵ В Берлине заключенным впервые провели в тюрьму интернет // URL: <https://rg.ru/2022/12/18/v-berline-zakliuchennym-vpervye-proveli-v-tiurmu-internet.html> (дата обращения: 25.12.2022).

³⁸⁶ World U.S. soldiers are revealing sensitive and dangerous information by jogging // URL: https://www.washingtonpost.com/world/a-map-showing-the-users-of-fitness-devices-lets-the-world-see-where-us-soldiers-are-and-what-they-are-doing/2018/01/28/86915662-0441-11e8-aa61-f3391373867e_story.html?hpid=hp_hp-top-table-main_strava-415pm%3Ahomepage%2Fstory&utm_term=.e7c54cc2b614 (дата обращения: 01.04.2022).

7 и 28.5 Федерального закона «О статусе военнослужащих»³⁸⁷, где в пункте 1.3 статьи 7 содержится запрет «иметь при себе электронные изделия (приборы, технические средства) бытового назначения (далее - электронные изделия), в которых могут храниться или которые позволяют с использованием информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" распространять или предоставлять аудио-, фото-, видеоматериалы и данные геолокации». То есть в данном случае опять-таки ограничивается правомочие обладания оборудованием, позволяющим работать в сети Интернет.

Информация, попавшая в глобальную компьютерную сеть, очень часто там и остается навсегда; лицо, ее туда загрузившее, может не сохранить над ней контроль. Если попадающая в него информация затрагивает не только частные, но и публичные интересы, например оборону страны и безопасность государства, то это позволяет предположить, что некие ограничения будут вполне легитимны.

Связанные с этим необходимые ограничения должны касаться отдельных аспектов работы в компьютерной сети и быть направлены на недопущение деятельности военнослужащих, которая может повлечь разглашение определенных сведений. По сути, эти ограничения являются частью обеспечения информационной безопасности, что в свою очередь позволяет сделать вывод об их соразмерности до тех пор, пока они осуществляются в интересах, указанных в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации. В качестве примера таких ограничений можно привести положения абз. 4 п. «в» ст. 16.2 Федерального закона от 3 апреля 1995 года № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности»³⁸⁸, где указано: «Военнослужащим и гражданскому персоналу органов федеральной службы безопасности запрещается размещать в средствах массовой информации, в информационно-телекоммуникационной сети Интернет информацию (в том числе

---

³⁸⁷ Федеральный закон от 6 марта 2019 года № 19-ФЗ «О внесении изменений в статьи 7 и 28.5 Федерального закона «О статусе военнослужащих» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 06 марта 2019 года.

³⁸⁸ Федеральный закон от 03 апреля 1995 года № 40-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О федеральной службе безопасности» // СЗ РФ. 1995. № 15. Ст. 1269.

фото-, видеоматериалы и другие материалы) о себе, других сотрудниках органов федеральной службы безопасности, позволяющую раскрыть ведомственную принадлежность к кадровому составу органов федеральной службы безопасности, о своей служебной деятельности, деятельности органов федеральной службы безопасности». При этом законом не установлен полный запрет на использование социальных сетей, однако фактически происходит ограничение правомочия использовать доступ в Интернет для любых непротиворечащих закону целей путем установления прямого запрета размещать чувствительную для интересов обороны государства информацию.

Характеризуя в целом ограничения доступа в сеть Интернет, следует отметить, что потребность в данного рода ограничениях может возникать в силу реализации субъектами своих вполне легальных, базирующихся на нормах Конституции Российской Федерации и отраслевого законодательства прав и законных интересов. В ходе данной реализации могут возникать конфликты. Необходимость преодоления таких конфликтов и является целью потенциального ограничения, так как участники общественного отношения, вызвавшего конфликт, не могут разрешить этот конфликт в легальном поле без вмешательства регулятора, а регулятор, как правило, не в состоянии предложить альтернативные пути урегулирования конфликта, не связанные с ограничениями для одной либо для всех сторон общественных отношений. Для целей исследования ключевых проблем ограничения доступа в Интернет следует выявить такие конфликты, ориентируясь на сложившиеся реалии, связанные с Интернетом, и на нормы Конституции Российской Федерации. Специфика доступа именно в Интернет, выступающего в качестве универсального средства реализации множества прав и свобод, состоит в том, что возникающие конфликты интересов носят острый характер, так как они ввиду особой значимости базируются на признанных Конституцией Российской Федерации правах и свободах. Одним из таких прав является право на информацию, правомочия в составе которого реализуются посредством интернет-доступа, и такая реализация часто вызывает противоречия с другими

конституционно охраняемыми ценностями. Поэтому для преодоления этих противоречий требуется вмешательство государства в виде пропорционального ограничения правомочия распространять информацию. Здесь может возникнуть логичный вопрос о том, имеет ли смысл говорить об ограничении правомочия в составе права на доступ в Интернет, ведь по сути здесь речь идет о правомочиях, составляющих конституционное право на информацию? Мы полагаем, что речь идет именно о вмешательстве в право на доступ в Интернет в случае блокировки всего ресурса, ведь в таком случае происходит ограничение правомочия распространять и получать определенную «запрещенную» информацию не только в отношении конкретного пользователя, но потенциально ограничиваются правомочия неопределенного числа пользователей информационного ресурса, которые могли вообще не иметь интереса к запрещенной информации и не знать о ее существовании на интересующем их информационном ресурсе. На практике же зачастую невозможно осуществление блокировки отдельной страницы с «запрещенной» информацией в силу особенностей работы современных протоколов Интернета, которые мы охарактеризуем далее.

Обратившись к реалиям и конституционным нормам, мы обнаруживаем следующие конфликты (противоречия) интересов, которые требуют регулятивного вмешательства государства:

А. Противоречие между свободой слова (ч. 1 ст. 29), распространения убеждений (ст. 28), создания, распространения и получения информации (ч. 4 ст. 29) и публичными интересами.

Распространяемые убеждения любого характера, будь то религиозные, политические, морально-этические и нравственные, могут не разделяться всеми членами общества, разжигать рознь по разным основаниям. Схожим образом обстоят дела и с распространением информации. Далекое не любая информация полезна или хотя бы нейтральна. Существует немало форм деятельности, связанной с распространением информации и угрожающей публичным интересам. Если мы вновь обратимся к содержанию ч. 3 ст. 55 Конституции Российской

Федерации, то мы убедимся, что для целей защиты указанных там публичных интересов ограничение распространения информации более чем оправдано. Так, например, распространение информации, направленной на разжигание розни на национальной, расовой и иной почве создает угрозу для безопасности общества и государства, основам конституционного строя. Некоторая распространяемая информация прямо противоречит защите нравственности и здоровья, например, это касается продажи и изготовления наркотиков. Все это позволяет констатировать, что ограничение права на создание, распространение и получение информации теоретически вполне оправдано, легальное основание для этого имеется. И более того, на практике такие ограничения получили широкое распространение.

Российский законодатель, наряду с нормами, предусматривающими ответственность за ту или иную незаконную деятельность, связанную в том числе и с распространением запрещенной информации (например, экстремизм), предусмотрел и специфический механизм блокирования доступа, направленный непосредственно на создание соответствующих ограничений в Интернете, заключающийся во вмешательстве в технический фактор доступа, а именно в создании ограничений для приема и передачи информации посредством оборудования и программного обеспечения, то есть ограничиваются правомочия взаимодействовать с данным ресурсом. Для пользователя ресурса последствия блокировки заключаются в том, что после ее применения получение доступа к запрещенным материалам не представляется возможным, как минимум, без применения контрмер по обходу блокировки, или же без реализации правомочия требовать устранения незаконных ограничений, если такая блокировка незаконна. Следует отметить, что сама блокировка применяется в качестве меры государственного принуждения в случае, если от владельца сайта или провайдера хостинга добиться удаления материалов или ограничения к ним доступа не получилось (см., например, п. 9 ст. 15.1 Закона об информации), так и «по факту» обнаружения нарушений, без предварительных попыток добиться добровольного удаления незаконной информации владельцем сайта или провайдером хостинга (п.

3 ст. 15.3 Закона об информации). Этот подход законодателя представляет интерес, в первую очередь, с позиции анализа необходимости именно такого ограничения. В первом случае владелец сайта может быть незнаком с положениями российского законодательства, в соответствии с которыми размещенная на его ресурсе информация не является законной (либо не знать о факте размещения), и может после получения соответствующего запроса удалить эту информацию или ограничить к ней доступ, тем самым исключив необходимость применения мер государственного принуждения. В случае если проблему так решить не удалось, то остается применение меры государственного принуждения в виде блокировки, иных возможных способов воспрепятствовать нарушениям не имеется, то есть, данное ограничение является объективно необходимым. Например, такой подход применяется в соответствии с ч. 5 ст. 15.1 Закона об информации по отношению к детской порнографии; способам, методам разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, о местах их приобретения, способах и местах культивирования наркосодержащих растений, способам совершения самоубийства и призыву к ним и др.

Второй подход, отличающийся тем, что блокировке подвергается ресурс по факту обнаружения на нем информации, применяется, например, в ст. 15.3 Закона об информации в отношении информации, содержащей призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, информационных материалов иностранной или международной неправительственной организации, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации и сведений, позволяющих получить доступ к указанным информации или материалам.

И в первом, и во втором случае распространяемая информация может нести угрозу для приведенных в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации публичных интересов, что легитимирует ограничение права на создание,

распространение и получение этой информации. Ограничение выражается во вмешательстве в технический фактор доступа в Интернет, в создании ограничений для приема и передачи информации посредством оборудования и программного обеспечения. Для пользователей это вмешательство выражается в ограничении правомочия использовать доступ в Интернет в любых целях, не запрещенных законом, так как в этом случае фактически устанавливается запрет на его использование для доступа к ресурсу-нарушителю. При этом законодатель пошел по пути установления альтернативы только в первом случае, предоставив возможность исключить доступ к незаконной информации без применения мер принуждения. Во втором случае такой альтернативы не имеется, принудительные меры осуществляются сразу же по факту обнаружения незаконной информации. Следует указать, что ограничение доступа к информации и в том, и в другом случае – объективно единственная мера, которую можно применить в реалиях Интернета. При этом нельзя, однако, с уверенностью сказать, что такая блокировка будет абсолютно эффективна против попыток доступа с территории Российской Федерации, в силу наличия способов обхода блокировки, тем более что такой обход не преследуется по закону³⁸⁹. Таким образом, вряд ли справедливо утверждать, что публичные интересы, указанные в Конституции Российской Федерации, будут эффективно защищены. Других же, по крайней мере, готовых к применению альтернатив просто не имеется. Вопрос о необходимости таких ограничений вызывает именно их действие во втором случае, так как в соответствии с первой моделью существует возможность защитить публичные интересы и без применения мер государственного принуждения в виде блокировки. Здесь, на наш взгляд, следовало пойти по тому же сценарию, что и в первом случае, сохранив возможность удаления незаконной информации силами администрации ресурса

---

³⁸⁹ Пользователей заблокированного Instagram не будут привлекать к ответственности // URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/03/14/913374-instagram> (дата обращения: 18.04.2023)

без включения блокировки, возможно, при этом сократив срок реагирования администрации сайта на запрос об удалении или блокировке доступа.

Решение законодателя об использовании помимо судебного порядка введения блокировок административного порядка вполне понятно. Судебной системе зачастую не хватает оперативности, и защита ценностей, установленных ч.3 ст. 55 Конституции не всегда будет эффективна, особенно учитывая скорость, с которой распространяется информация в Интернете. Однако судебный порядок выглядит предпочтительнее с точки зрения минимизации возможности непропорционального вмешательства в реализацию гражданами информационных прав.

Если же исходить из необходимости внесудебной блокировки в короткие сроки, без предварительной попытки вступить во взаимодействие с оператором ресурса, то можно предложить другой подход к их осуществлению, позволяющий улучшить баланс интересов. Он состоит в закреплении в законодательстве возможности для владельца ресурса обратиться в суд для инициирования судебного разбирательства в упрощенном порядке, с тем чтобы на время рассмотрения судом этого обращения доступ был восстановлен. Что же касается критерия соразмерности, то здесь всплывает иная проблема. Множество блокировок, осуществляемых в Российской Федерации, носят избыточный характер, так как вместе с ресурсами, разместившими незаконную информацию, под блокировку попадают ресурсы, никакого отношения к нарушениям не имеющие, но расположенные на том же IP-адресе, что и ресурсы-нарушители. Такой казус стал предметом рассмотрения Европейского Суда по правам человека, который 27 апреля 2017 года коммуницировал российским властям жалобу по делу «Харитонов против России», уже упомянутому ранее. Суть дела состоит в том, что ресурс, принадлежащий В.В. Харитонову, оказался заблокирован по причине нахождения на одном адресе с ресурсом, занимавшимся распространением

наркотических средств³⁹⁰. Теоретически блокировка ресурса, содержащего незаконную информацию – страницы или целого сайта – вполне соответствует критерию соразмерности, при условии того, что будет блокироваться именно незаконная информация, причем корректным образом, иначе говоря, если вмешательство в технический фактор доступа в Интернет будет осуществлено надлежащим образом, и только в отношении тех ресурсов (в том числе и отдельных страниц), где размещена незаконная информация. Блокирование всего сайта из-за того, что на нескольких его страницах размещена незаконная информация, представляется несоразмерным в случае, когда остальное содержание сайта не вступает в противоречие с законодательством. Блокировка отдельных ресурсов теоретически возможна, но требует серьезного реформирования сетевой инфраструктуры у организаций, предоставляющих доступ в Интернет, а, следовательно, ресурсных затрат³⁹¹. В противном случае ограничение не будет отвечать критерию соразмерности. В условиях санкционного давления проблема возможности соразмерного ограничения также обостряется³⁹². Сложность обеспечения соразмерности обусловлена повсеместным внедрением протокола доступа к интернет-сайтам по https-протоколу, технические особенности которого не позволяют блокировать отдельно страницы сайта, по причине зашифрованного канала связи, возможна только блокировка сайта целиком³⁹³. В качестве альтернативы полной блокировки, способной смягчить негативные последствия для прав человека, и возможно добавить соразмерности принимаемым мерам, было бы создание ограниченной функциональной копии сайта без информации, ставшей поводом к блокировке оригинального сайта, и обязанность всех провайдеров-

---

³⁹⁰ Kharitonov v. Russia. App. No(s). 10795/14 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-173648> (дата обращения: 04.04.2022).

³⁹¹ Обновлено рекомендации Роскомнадзора операторам связи по ограничению доступа к запрещенной информации // URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news46956.htm> (дата обращения: 04.04.2022).

³⁹² Блок крепчает // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5281701> (дата обращения: 05.04.2022)

³⁹³ Блок сработал постранично URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2015/03/11/6499625/rkn-na-strazhe-morali.shtml> (дата обращения: 26.12.2022)

поставщиков доступа демонстрировать эту копию при обращении на ресурс-нарушитель, с предупреждением пользователя о том, что оригинальный сайт заблокирован. В случае, если же на одном IP-адресе расположено несколько сайтов, которые становятся недоступны по причине невозможности применить «избирательную» блокировку (как в случае с рассмотренным выше делом Харитонов), то для обеспечения соразмерности следовало бы как минимум установить тот факт, что по блокируемому адресу расположено несколько сайтов, донести до владельцев этих сайтов данную информацию, и возможно, создать их копии по согласованию с владельцами, доступные исключительно в сетях провайдеров Российской Федерации.

Б. Противоречие между неприкосновенностью частной жизни, личной и семейной тайной, тайной сообщений (ст. 23 Конституции Российской Федерации) и публичными интересами.

Защита личной и семейной тайны, тайны сообщений и неприкосновенности частной жизни гарантируется Конституцией Российской Федерации (ст. 23). С другой стороны, сущностью производимого посредством Интернета информационного обмена является то, что информация постоянно обрабатывается оборудованием сторонних лиц и организаций, и фактически находится на носителях, не принадлежащих самим субъектам вышеназванных тайн.

Рамки, установленные ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, теоретически позволяют ограничивать тайны, предусмотренные ее ст. 23. Вездесущность Интернета делает его инструментом, возможности которого государства просто не могут игнорировать для целей обеспечения безопасности, защиты здоровья, прав и законных интересов других лиц. То, в какой форме и где хранятся сведения, составляющие охраняемые законом тайны, значения не имеет – эти данные должны пользоваться одинаковой защитой в любых условиях, и следовательно, защита их может быть ограничена при условии достаточных оснований.

Попытки государства получить доступ к личным тайнам граждан могут иметь заметные политические последствия. Так, в частности, случилось с программой разведки PRISM, благодаря которой правительство США фактически осуществляло глобальную слежку на основе функционала информационных технологий³⁹⁴. Создание подобных систем, работающих совместно с Интернетом, представляет собой вмешательство в технический фактор доступа в Интернет, а именно – вмешательство в инфраструктуру, задействованную в информационном обмене. Компании, аккумулирующие у себя гигантские объемы информации, касающейся пользователей, также испытывают на себе давление со стороны властей и делятся имеющейся у них информацией по запросам компетентных органов. Количество таких обращений может быть весьма велико, об этом можно судить по так называемым отчетам о прозрачности, которые подготавливает компания Google³⁹⁵, где представлена отчетность об обращении правоохранительных органов за информацией, хранимой этой компанией. Теоретически сам по себе факт наличия вмешательства в инфраструктуру, задействованную в информационном обмене, не нарушает охраняемые тайны, по крайней мере, до момента получения каким-либо лицом доступа к информации, обрабатываемой информационной инфраструктурой. Сам факт вмешательства вполне может производиться в целях защиты публичных интересов, предусмотренных ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, например, борьбы с незаконным оборотом наркотиков (охрана здоровья и нравственности), борьбы с терроризмом (обеспечение безопасности государства). Таким образом, вопрос заключается в том, каким именно будет механизм ограничения охраняемых Конституцией Российской Федерации тайн и как он будет функционировать на практике. Учитывая место и роль Интернета в современной жизни, потребность использования его возможностей для защиты в том числе и публичных интересов,

---

³⁹⁴ Под колпаком у PRISM // URL: <https://vz.ru/world/2013/6/7/636158.html> (дата обращения: 05.04.2022).

³⁹⁵ Отчет Google о доступности сервисов и данных // URL: <https://transparencyreport.google.com/about> (дата обращения: 09.04.2022).

вмешательство в технический фактор доступа, в информационную инфраструктуру фактически является безальтернативным. Однако описанное нами плачевное состояние приватности на современном этапе обостряет актуальность минимизации государственного вмешательства в сферу частной жизни.

Практическая же реализация этого вмешательства в технический фактор доступа в Интернет вызывает вопросы. Со стороны государства наблюдаются примеры резонансных законодательных инициатив, которые вызывают множество обсуждений касательно соразмерности вводимых ими ограничений целям защиты публичных интересов. Ярким примером здесь выступает Федеральный закон от 6 июля 2016 года № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»³⁹⁶. Вопросы вызвали положения ст. 13, вносящие поправки Закон о связи, в ст. 64 в части закрепления в ч.1 обязанности операторов связи хранить информацию о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, текстовых сообщений, изображений, звуков, видео- или иных сообщений пользователей услугами связи – в течение трех лет с момента окончания осуществления таких действий. Помимо этого, хранению должны подлежать также сами текстовые сообщения пользователей услугами связи, голосовая информация, изображения, звуки, видео-, иные сообщения пользователей, сроком до шести месяцев с момента окончания их приема, передачи, доставки и (или) обработки. Хранимые данные должны предоставляться органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, и более того, операторы

---

³⁹⁶ Федеральный закон от 06 июля 2016 года № 374-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 07 июля 2016 года.

связи обязаны оказывать следственным органам содействие в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства (ч.5).

Схожие положения содержатся в ст. 15 этого же закона, вносящей поправки в ст. 10.1 Закона об информации. Здесь уже организатор распространения информации³⁹⁷ в сети Интернет обязывается хранить информацию – о фактах деятельности пользователей по приему, передаче, доставке, обработке голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков, видео- и иных электронных сообщений, и информацию о пользователях в течение одного года с момента осуществления таких действий (подп. 1) ч. 3). Аналогично устанавливается обязательство хранения текстовых сообщений пользователей сети Интернет, голосовой информации, изображений, звуков, видео-, иных электронных сообщений пользователей сети Интернет сроком до шести месяцев с момента окончания их приема, передачи, доставки и (или) обработки (подп.2 ч.3). Кроме того, имеются и дополнительные обязанности в части предоставления информации для декодирования зашифрованных сообщений в федеральный орган исполнительной власти в сфере обеспечения безопасности (ч. 4.1), а также обязанности по идентификации пользователей в мессенджерах по абонентскому номеру оператора подвижной телефонной связи, ограничению возможностей использовать сервис по требованию уполномоченного органа исполнительной власти (ч.4.2).

Как видим, масштаб хранимых данных по этому закону чрезвычайно велик, значим и объем обязательств операторов связи и организаторов распространения информации, связанных с обеспечением приватности пользователей. Интерес представляет анализ соразмерности данной новации. Прежде всего, как уже было отмечено, само по себе вмешательство в инфраструктуру с целью хранения данных

---

³⁹⁷ Организатором распространения информации в сети "Интернет" является лицо, осуществляющее деятельность по обеспечению функционирования информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются для приема, передачи, доставки и (или) обработки электронных сообщений пользователей сети "Интернет" (ч.1 ст. 10.1 Закона об информации).

без получения на это согласия со стороны пользователя не ограничивает права на тайну частной жизни, неприкосновенность сообщений. Технологически данный процесс будет представлять собой сохранение копии данных в течение определенного срока, без какого-либо вмешательства человека. На наш взгляд, по этой причине сам по себе факт хранения информации не должен рассматриваться как нарушение права на конфиденциальность, при условии, что доступ к этому хранилищу для посторонних будет исключен, как и вероятность произвольной модификации данных. То же самое касается обязанности идентификации пользователей по абонентскому номеру, обработка этих данных мессенджерами уже была давно распространена, законодатель лишь ввел единые правила этой идентификации³⁹⁸. Гораздо сложнее оценить возможность ограничения использования мессенджера по требованию органа государственной власти и требования по передаче информации для дешифровки зашифрованных сообщений, так как таким образом потенциально может быть ограничена тайна переписки.

Ответ на вопрос о соразмерности данных вмешательств со стороны государственных органов зависит от порядка, по которому осуществляется взаимодействие государственных органов с операторами связи и организаторами распространения информации. Нельзя отрицать, что данные новации в законодательстве создают предпосылки для ограничения неприкосновенности частной жизни, тайны переписки в том числе и не в тех целях, что установлены ч.3 ст. 55 Конституции России. Представляется, что путь к оптимальному балансированию отношений здесь лежит в создании стороннего, возможно, общественного контроля за обращениями уполномоченных органов за этой информацией. В качестве аналогии здесь можно привести практику отчетов о прозрачности, в соответствии с которой официально публикуются сведения о

---

³⁹⁸ Постановление Правительства РФ от 20 октября 2021 года № 1801 «Об утверждении Правил идентификации пользователей информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" организатором сервиса обмена мгновенными сообщениями» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 21 октября 2021 года.

случаях обращения государственных органов к организациям-владельцам Интернет-сервисов. Такого рода отчеты подготавливает компания Google³⁹⁹. Это позволило бы иметь представление о том, насколько серьезная складывается ситуация с доступом к конфиденциальным сведениям. К сожалению, государство выступает против введения этой практики. Об этом говорит, в частности, п. 16 Постановления Правительства Российской Федерации от 23 сентября 2020 года № 1526 «О Правилах хранения организаторами распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" информации о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков, видео- или иных электронных сообщений пользователей информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и информации об этих пользователях и предоставления ее уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации»⁴⁰⁰, где установлен запрет на разглашение информации о конкретных фактах и содержании такого взаимодействия. В таком случае о степени соразмерности таких вмешательств остается только догадываться. Данная информация могла бы публиковаться в виде статистики, не препятствующей реализации оперативно-розыскной деятельности, но оставляющей возможности для общественного контроля.

В. Противоречие между правом свободного доступа, распространения информации (ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации) и гарантией охраны

---

³⁹⁹ Отчет Google о доступности сервисов и данных // URL: <https://transparencyreport.google.com/about> (дата обращения: 09.04.2022).

⁴⁰⁰ Постановление Правительства Российской Федерации от 23 сентября 2020 года № 1526 «О Правилах хранения организаторами распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" информации о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков, видео- или иных электронных сообщений пользователей информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и информации об этих пользователях и предоставления ее уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 29 сентября 2020 года.

интеллектуальной собственности (ч. 1 ст. 44 Конституции Российской Федерации).

Регулирование, направленное на разрешение данного противоречия, содержится в статьях 15.6 (Порядок ограничения доступа к сайтам в сети "Интернет", на которых неоднократно и неправомерно размещалась информация, содержащая объекты авторских и (или) смежных прав, или информация, необходимая для их получения с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет"), 15.6-1 (порядок ограничения доступа к копиям заблокированных сайтов), 15.7 (внесудебные меры по прекращению нарушения авторских и (или) смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети "Интернет", принимаемые по заявлению правообладателя) Закона об информации.

Исторически сложилось, что развитие информационного обмена в Интернете одновременно сопровождалось нигилистическим отношением множества пользователей к интересам авторов и правообладателей несмотря на то, что большинство пользующегося спросом контента создавалось авторами в коммерческих целях, зачастую с существенными ресурсными затратами. Свободное распространение объектов интеллектуальной собственности по каналам сети Интернет приводит к удовлетворению спроса пользователей Интернета на доступ к объектам интеллектуальной собственности без выплат денежного вознаграждения правообладателю. При этом интеллектуальная собственность защищена как Конституцией Российской Федерации (ч. 1 ст. 44), так и международными актами (Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений, Всемирной конвенции об авторском праве и др.). Ориентируясь на норму ч. 3 ст. 55 Конституции, которая среди прочего допускает ограничение прав и свобод человека для целей защиты прав и законных интересов других лиц, приходится констатировать, что ограничение свободного доступа и распространения информации в целях защиты интеллектуальной собственности вполне легитимно.

Ситуация с нарушениями исключительных прав в целом характеризуется тем, что правообладателям, заинтересованным в максимально широком распространении своих произведений за плату, приходится конкурировать с экземплярами своих же произведений, размещаемых в открытом доступе на множестве интернет-ресурсов множеством пользователей. Претензионное взаимодействие с администрацией ресурсов трудно назвать эффективным из-за описанных выше факторов масштабности и трансграничности Интернета: удалив противоправный контент с крупных ресурсов файлообмена, «незамеченными» остаются другие, мелкие ресурсы, на которых администрация может не идти навстречу правообладателю и не вести претензионной работы. Сами же владельцы ресурса могут находиться в юрисдикции государства, где не ведется эффективной работы по защите интересов правообладателей из других государств. Немаловажно и то, что доступ в Интернет становится дешевле, а скорости подключения – увеличиваются, что позволяет получить доступ к любым произведениям. В связи с этим правообладателям приходится прибегать к специфическим мерам государственного принуждения для защиты интеллектуальной собственности в Интернете.

Мировой опыт защиты исключительных прав в глобальной компьютерной сети сводится к судебным процессам, последующим блокировкам, и привлечению к ответственности, вплоть до уголовной, владельцев ресурсов. В случае выхода администрацией ресурса за пределы правомочия легального использования доступа в Интернет для любых незапрещенных законом целей путем размещения произведения без разрешения правообладателя со стороны государства происходит вмешательство в технический фактор доступа, информационный ресурс перестает быть доступным для пользователей. Что же касается уголовной ответственности, то показательным примером здесь является судебный процесс над создателями ресурса thepiratebay.org, которые были приговорены к штрафам и лишению свободы решением Стокгольмского окружного суда № 13301-06 от 17 апреля 2009

года⁴⁰¹. При этом сами пользователи привлекаются к ответственности реже. В этом случае примечателен опыт Германии, где при незаконном скачивании из Интернета объекта интеллектуальной собственности пользователь может быть привлечен к ответственности в виде крупного денежного штрафа⁴⁰².

В России же осуществляется блокировка ресурсов, распространяющих объекты авторских прав. Правовой основой ограничений доступа к этим ресурсам стал Федеральный закон от 2 июля 2013 года № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях»⁴⁰³ которым был введен соответствующий механизм через дополнение Закона об информации ст. 15.2. Запуск этого механизма инициируется правообладателем, который обращается в Роскомнадзор с соответствующим заявлением. Далее Роскомнадзор выявляет провайдера хостинга, направляет ему уведомление о нарушении авторских прав с указанием наименования произведения, его автора, правообладателя, доменного имени и сетевого адреса, позволяющих идентифицировать сайт в сети Интернет, на котором размещена информация, содержащая объекты авторских и (или) смежных прав (кроме фотографических произведений и произведений, полученных способами, аналогичными фотографии), или информация, необходимая для их получения с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, без разрешения правообладателя или иного законного основания, а также указателей страниц сайта в сети Интернет, позволяющих идентифицировать такую информацию, и с требованием принять меры по ограничению доступа к такой информации (п. 2 ч. 2). Затем уже провайдер

---

⁴⁰¹ Stockholm district court Division 5 Unit 52 verdict B 13301-06 // URL: https://www.wired.com/images_blogs/threatlevel/2009/04/piratebayverdicts.pdf (дата обращения: 09.04.2022).

⁴⁰² Germany Caps Piracy Fines // URL: <https://www.hollywoodreporter.com/news/germany-caps-piracy-fines-577989> (дата обращения: 09.04.2022).

⁴⁰³ Федеральный закон от 2 июля 2013 года № 187-ФЗ (ред. от 12.03.2014) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 03 июля 2013 года.

хостинга требует от владельца ресурса исключить доступ к незаконному контенту, и в случае невыполнения этого требования ему приходится блокировать доступ (ч. 4). В противном случае блокировка осуществляется операторами связи, которым Роскомнадзор направляет уведомление (ч. 5).

Если оценивать данные меры по блокировке в рамках традиционной концепции авторского права, то безусловно, основания запрещения доступа к незаконно размещенному в Интернете объекту авторских прав у правообладателя имеются. Более того, иного варианта мер, позволяющих защитить интересы правообладателя в краткосрочной перспективе, с учетом текущего уровня развития законодательства, не имеется – при невозможности физического удаления незаконно размещенного объекта единственным вариантом является только воздействие на технический фактор доступа в виде блокировки. Однако вопрос о соразмерности вызывает механизм блокировки, предусмотренный ст. 15.6 Закона об информации, в соответствии с которым допускается так называемая «вечная блокировка» сайта-нарушителя. Пункт 2 данной статьи прямо указывает на то, что не допускается снятие ограничения доступа к сайту, на котором неоднократно и неправомерно размещалась информация, содержащая объекты авторских и или (смежных) прав, или информация для их получения. Сайт, который был использован для размещения в свободном доступе экземпляров объектов интеллектуальной собственности, вполне может предоставлять доступ и к произведениям, перешедшим в общественное достояние, а в таком случае ограничение доступа ко всему ресурсу представляется заведомо несоразмерным.

Следует отметить, что введение блокировок за нарушение авторских прав вызвало чрезвычайно высокий общественный резонанс. Так, на портале Российской общественной инициативы была создана петиция с требованием отмены данного закона⁴⁰⁴, которая набрала требуемые 100 000 голосов поддержки чуть более чем за месяц. Однако эта петиция не возымела сколь-либо значимого

---

⁴⁰⁴ Отменить закон о произвольных блокировках интернет-ресурсов от 02.07.2013 № 187-ФЗ (закон против интернета) // URL: <https://www.roi.ru/4494/> (дата обращения: 05.04.2022).

эффекта, закон остался действующим. Впрочем, и эффективность его реализации сложно оценить высоко. Ярким примером, иллюстрирующим неэффективность существующего ограничительного подхода в отношении ресурсов Интернета, уличенных в нарушении авторских прав, является сайт rutracker.org. 25 января 2016 года вступило в силу решение суда по делу № 3-0726/2015 о «вечной» блокировке на территории России доступа к этому ресурсу⁴⁰⁵. После нескольких месяцев блокировки «посещаемость упала примерно на 40-50%. Наибольшее влияние блокировки оказали на мобильные устройства, с обычных компьютеров блокировки легко обходятся. При этом блокировка незначительно отразилась на активности файлообмена ... По нашей статистике, активность файлообмена снизилась незначительно – падение составило менее 5%»⁴⁰⁶. В условиях санкционного давления и в связи с уходом стриминговых сервисов из России, позволявшим получить доступ к культурным ценностям на легальной основе и удобным способом, потребность в «альтернативных», но не вполне легальных способах получения доступа к кинофильмам, музыке, разнообразному аудиовизуальному контенту, растет, что послужило возникновению общественной дискуссии о необходимости смягчения законодательства в области блокировок интернет-сайтов с нелегальным контентом⁴⁰⁷. Однако власти относятся к инициативе легализации пиратства настороженно⁴⁰⁸.

В целом же устоявшегося в мире и бесспорного подхода, позволяющего адекватно сбалансировать интересы пользователей и правообладателей, не имеется. Развитие глобального информационного обмена выявило существенный

---

⁴⁰⁵ Решение по делу № 3-0726/2015 от 04 декабря 2015 г. // URL: <https://mosgorsud.ru/mgs/services/cases/first-civil/details/2005f099-b276-4d33-be4b-5ece3fe761ac> (дата обращения: 06.04.2022).

⁴⁰⁶ RuTracker оценил падение посещаемости торрента в 40–50% после блокировки в России // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3053152/> (дата обращения: 09.04.2022).

⁴⁰⁷ На Урале предложили разблокировать RuTracker из-за санкций. URL: <https://regnum.ru/news/society/3524515.html> (дата обращения: 06.04.2022)

⁴⁰⁸ Шадаев: Минцифры выступает против легализации "пиратского" ПО в России. URL: <https://rg.ru/2022/06/07/shadaev-mincifry-vystupaet-protiv-legalizacii-piratskogo-po-v-rossii.html> (дата обращения: 28.12.2022).

дисбаланс между частными интересами правообладателей и интересами общественными.

Представляется, что вопрос поиска (или установления) баланса интересов в данном случае требует обширного самостоятельного и системного исследования. В действующем виде правовое регулирование неэффективно, сама концепция интеллектуальной собственности требует адаптации по отношению к реалиям Интернета.

Г. *Противоречие между сервисами Интернета и поставщиками доступа в Интернет (проблема сетевого нейтралитета)*. Суть данной проблемы состоит в том, что во взаимодействие пользователей и сервисов в Интернете могут вмешиваться провайдеры телекоммуникационных услуг, предоставляя приоритет в передаче определенной информации либо доступа на определенные сервисы перед другими разновидностями информации или сервисами – то есть осуществляют самовольное вмешательство в технический фактор доступа в Интернет, создавая искусственные ограничения.

Из-за такого рода злоупотреблений возможна ситуация, в которой ресурсы сети не будут доступны, либо их использование будет чрезвычайно затруднительным⁴⁰⁹. Тем самым будут нарушены правомочия использовать доступ для любых целей, непротиворечащих закону. Это явилось предпосылкой для возникновения принципа сетевого нейтралитета, призванного не допустить нарушения данного рода. Если рассматривать этот вопрос сугубо с позиции конституционных норм, то здесь усматривается противоречие между гарантиями свободного поиска, получения, передачи, производства и распространения информации любым законным способом (ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации), запретом недобросовестной конкуренции (ч. 2 ст. 34 Конституции Российской Федерации) с одной стороны и свободой предпринимательства – с другой (ч. 1 ст. 34 Конституции Российской Федерации). Как видно, легитимных

---

⁴⁰⁹ Сетевой нейтралитет: что это такое и кто за него воюет // URL: <http://www.bbc.com/russian/features-40557357> (дата обращения: 03.02.2022).

оснований для введения такого рода ограничений свободы предпринимательской деятельности вполне достаточно.

Кроме того, этот принцип рассматривается и на уровне региональных международных организаций. Ему уделено внимание, в частности, в Рекомендации Комитета Министров Совета Европы № REC (2016)1 государствам-членам «О защите и развитии права на свободу выражения мнения и права на уважение частной жизни в условиях сетевого нейтралитета», где этот принцип рассматривается в качестве средства, обеспечивающего недискриминационный подход к интернет-трафику, а также права пользователей на получение и распространение информации по своему выбору (п. 4). Государствам-членам рекомендуется принять все необходимые меры вместе с соответствующими заинтересованными сторонами для целей защиты сетевого нейтралитета (п. 5). Следует, однако, отметить, что далеко не везде этот принцип соблюдается, и его сложно назвать общепризнанным. В отношении него ведутся дискуссии, вплоть до его отмены. Так, Федеральная комиссия по связи США 14 декабря 2017 года приняла Декларативное Постановление FCC-17-166, которым сетевой нейтралитет в США фактически был отменен⁴¹⁰.

На текущий же момент времени термин «сетевой нейтралитет», «сетевая нейтральность» отечественному законодательству незнаком, существует только ряд общих норм, которые можно рассматривать в качестве предпосылок для внедрения этого принципа. К примеру, так как нарушение сетевого нейтралитета в буквальном смысле представляет собой создание искусственных препятствий для передачи, обработки и доступа к информации, такая деятельность будет нарушать норму ч. 2 ст. 3 Закона об информации, согласно которой установление ограничений доступа к информации возможно только федеральными законами. Законодательное закрепление принципа сетевого нейтралитета будет примером

---

⁴¹⁰ Declaratory ruling, report and order, and order. FCC 17-166. Adopted: December 14, 2017 Released: January 4, 2018 // URL: <https://www.fcc.gov/document/fcc-releases-restoring-internet-freedom-order> (дата обращения: 03.02.2022).

воздействия на нетехнический объективный фактор и станет, в свою очередь, гарантией, способствующей здоровой конкуренции среди сервисов Интернета, а значит, обеспечит для пользователей наилучшие условия доступа к предоставляемым посредством глобальной компьютерной сети благам.

Д. Противоречия между конституционным правом на свободное предпринимательство (ч.1 ст. 34 Конституции Российской Федерации) и публичными интересами. Как уже было отмечено нами ранее, Интернет предоставляет качественно новые возможности для предпринимательства, то есть расширяет содержание этого права через возникновение новых правомочий в его составе. Эти возможности иногда реализуются способами, противоречащими публичным интересам, указанным в ч.3 ст. 55 Конституции. Соответственно, государству приходится вводить законодательные ограничения такой деятельности, то есть ограничивать правомочие использовать доступ в Интернет в любых не запрещенных законодательством целях путем ввода запретов и ограничений. Примерами такого рода вмешательств являются ограничения розничной торговли лекарственными препаратами для медицинского и ветеринарного применения без лицензии, ограничения, связанные с осуществлением азартных игр, ограничения розничной продажи дистанционным способом алкогольной продукции (подп. а) п.5 Постановления Правительства РФ от 26 октября 2012 № 1101)⁴¹¹. Практически все эти виды ограничений не следует рассматривать в отрыве от общего контекста правового регулирования данных сфер, они не представляют из себя качественно нового явления, а являются продолжением государственной регулятивной политики. В отношении каждого ограничения прослеживается связь с публичными интересами: государственное

---

⁴¹¹ Постановление Правительства РФ от 26 октября 2012 года № 1101 (ред. от 14.11.2023) «О единой автоматизированной информационной системе "Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» // СЗ РФ. 29.10.2012. № 44. ст. 6044.

регулирование фармацевтической деятельности и дистанционной продажи алкогольной продукции непосредственно связано с публичными интересами обеспечения общественного здоровья, в отношении же проведения азартных игр ограничения осуществляются в целях защиты нравственности, прав и законных интересов граждан⁴¹². Соответственно, возможности Интернета позволяют осуществить продажу продукции сомнительного качества и происхождения, алкогольная продукция легко может быть продана несовершеннолетним, а азартные игры могут полноценно существовать вне правового поля благодаря Интернету, тем самым сводя на нет все усилия по борьбе с нелегальными казино, и без блокировок таких ресурсов-нарушителей здесь не представляется возможным обойтись, и такие блокировки адекватны и пропорциональны для целей защиты публичных интересов. Вопросы вызывает внесудебный, административный порядок введения ограничений, предусмотренный пп. 1 ч.5 ст. 15.1 Закона об информации. Хотя ч.6 данной статьи предусматривает возможность обжалования решения о блокировке в течение трех месяцев со дня принятия, вызывает сомнение применение только последующего судебного контроля в отношении всех оснований, предусмотренных пп. 1 ч. 5 ст. 15.1. Данное соображение продиктовано случающимися ошибками, связанными с применением ограничительных мер по отношению к ресурсам, содержащим информацию, которая кажется противозаконной только при поверхностном рассмотрении, в действительности же встречаются ошибки интерпретации информации, которые ведут к блокировке ресурса⁴¹³. Адекватным вариантом здесь была бы возможность для владельца

---

⁴¹² См.: ч.1 ст.1 Федерального закона от 22 ноября 1995 года № 171-ФЗ (ред. от 28.04.2023) «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // СЗ РФ. 27 ноября 1995 года № 48. ст. 4553; ч.1 ст.1 Федерального закона от 29 декабря 2006 года № 244-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 1 января 2007 года № 1 (1 ч.). ст. 7.

⁴¹³ ФСКН приняла инструкцию к игре за пропаганду наркотиков // URL: <https://www.securitylab.ru/news/432364.php> (дата обращения: 06.07.2023)

ресурса инициировать судебную проверку, которая на время рассмотрения судом заявления владельца ресурса приостанавливала бы введение ограничительных мер.

Резюмируя данный параграф, мы приходим к следующим выводам.

1. Ограничения доступа в Интернет как явление могут быть обусловлены следующими причинами:

1) *в силу изменения правового статуса пользователя Интернета* (например, приобретение статуса осужденного, отбывающего наказание в виде реального лишения свободы). Таким образом, ограничения будут иметь индивидуально-определенный характер;

2) *в силу манипуляций государством в отношении технического и нетехнического объективного фактора доступа в Интернет* в отношении определенных возможностей сети (ограничения общего характера). Такого рода ограничения обусловлены развитием общественных отношений, возникших в ходе реализации субъектами возможностей, предоставляемых Интернетом для реализации прав, и порожденными в связи с этим устойчивыми противоречиями. На данный момент есть необходимость разрешения следующих конфликтов интересов между участниками отношений, связанных с Интернетом:

а) противоречие между свободой слова, распространения убеждений, информации и публичными интересами;

б) противоречие между неприкосновенностью частной жизни, личной и семейной тайной, тайной сообщений и публичными интересами;

в) противоречие между правом свободного доступа к информации и гарантией охраны интеллектуальной собственности;

г) противоречие между сервисами Интернета и поставщиками доступа в Интернет (проблема сетевого нейтралитета).

д) противоречие между сервисами Интернета и публичными интересами.

2. Возможность ограничений доступа в Интернет по инициативе законодателя для разрешения конфликта интересов между участниками отношений, связанных с Интернетом, в целом согласуется с основаниями,

указанными в ч. 3 ст. 55 Конституции России, а также способна обеспечивать защиту указанных в этой статье публичных интересов. 3. Наиболее же сложно ситуация обстоит с соразмерностью вводимых ограничений. На наш взгляд, несоразмерными ограничениями являются:

- избыточные блокировки, когда в результате блокировки по легальным основаниям из-за технических особенностей функционирования сети Интернет заблокированными оказываются ресурсы, не содержащие информацию, размещение которой является поводом для введения ограничений.

- «вечная блокировка», применяемая в отношении сайтов, уличенных в неоднократном и неправомерном размещении объектов авторских или смежных прав, либо информация для их получения. Здесь имеет место пример большего благоприятствования реализации частных интересов перед публичными, так как тот же интернет-сайт может использоваться для распространения объектов, являющихся общественным достоянием, и блокировка несоразмерно ограничивает возможность пользователей получить к таким объектам доступ.

Заключение

На заре своего возникновения Интернет был своего рода «джентельменским клубом», вещью от ученых и для ученых, и долго являлся саморегулирующейся средой общественных отношений. С течением времени и развитием отношений Интернет стал неотъемлемой частью нашей жизни, что позволяет ставить вопрос о возведении возможности подключаться и работать в нем в ранг неотъемлемых общечеловеческих прав, что мы и показали в данной работе.

На Интернет обратили свое внимание и государства. Почти во всем мире ими производятся попытки вмешиваться в проистекающие процессы и регулировать их с большей или меньшей результативностью.

Интернет представляет собой качественно иной объект регулирования, аналогов которому история не знает. Являясь средой взаимодействия для всего человечества, он не принадлежит отдельному государству, группе государств или иному какому-либо субъекту, правомочия которого в осуществлении регулирования не вызвали бы ни у кого сомнений и оспаривания. В этом состоит уникальность Интернета как объекта регулирования – для его эффективного осуществления требуются согласованные действия всех регуляторов, не только государств, но представителей бизнеса и пользовательского сообщества.

Представляется, что главные задачи, стоящие перед регулированием доступа в Интернет, состоят не только в разрешении противоречий и конфликтов интересов, возникших благодаря развитию информационных технологий, но и в выработке адекватного и взвешенного регулирования, а также отход от запретительного регулирования, которому Интернет успешно противостоит. Вводя неэффективное, «запретительное» регулирование, государство только вызывает усугубление ситуации, которое выражается в следующем:

- интенсивно развиваются технологии обхода ограничений, вводимых государством;

- проблема сама по себе не решается, борьба ведется с последствиями, а не с первопричиной;

- подрывается собственный авторитет регулятора общественных отношений, способствуя развитию правового нигилизма.

На наш взгляд, проблема регулирования Интернета является глобальным вызовом для всей науки права и для конституционного права в частности.

Актуальность темы диссертации была обусловлена слабой разработанностью в науке конституционного права концепции права на доступ в Интернет, равно как и вопрос его влияния на реализацию конституционных прав и свобод.

В диссертации охарактеризован конституционно-правовой аспект сети Интернет и доступа в него, показано его значение в качестве средства реализации прав и свобод человека, выделены факторы технического и нетехнического характера, которыми определяется реализация права на доступ в Интернет в условиях того или иного правового режима.

Был проведен анализ зарубежных конституций и законов, судебных актов органов конституционного контроля, других судов, международно-правовых актов, который позволил установить тенденцию признания права на доступ в Интернет в качестве самостоятельного права, что проявляется как в прямом закреплении в источниках, в использовании возможностей Интернета во взаимодействии личности, общества и государства, а также во взятии государствами на себя отдельных обязательств по отношению к развитию доступа в Интернет без прямого закрепления права на доступ в Интернет в законодательстве.

Кроме того, обоснована юридическая природа этого нового права, а также место этого права в системе конституционных прав по признанным наукой конституционного права классификациям. Право на доступ в Интернет следует рассматривать как право человека, позитивное, относительное, индивидуальное и личное, принадлежащее к четвертому поколению прав человека.

Помимо этого, было показано соотношение права на доступ в Интернет с другими конституционными правами и свободами, признанными и закрепленными Конституцией Российской Федерации, установлено, в каких случаях право на доступ в Интернет является средством реализации конкретного конституционного права, а в каких оно еще и расширяет содержание последнего, предоставляя новые возможности для личности. Также были охарактеризованы возможные пути признания этого права в Российской Федерации. Таковыми путями являются:

- закрепление соответствующего положения в Конституции Российской Федерации;
- принятие федерального закона, предоставляющего гарантии в области обеспечения доступа в Интернет и работы в нем;
- выработка Конституционным Судом Российской Федерации соответствующей позиции, т.е. признание данного права человека и гражданина органом конституционного контроля.

Было также выявлено содержание права на доступ в Интернет, детерминированное существующими техническим и нетехническим субъективным фактором. Эти факторы определяют конкретные правомочия личности и корреспондирующие этим правомочиям обязательства государства. Со стороны технического фактора такими правомочиями являются владение оборудованием для работы в Интернете, получение доступа к инфраструктуре провайдера, на получение адресации в Интернете и на качественное соединение с сетью. Субъективный нетехнический фактор детерминирует правомочие использовать доступ для любых целей, не противоречащих закону. Объективный фактор проявляется в позитивных обязательствах государства ликвидировать цифровые разрывы во всех их проявлениях, способствовать реализации прав человека в Интернете, как и в реальном мире, а негативные обязательства – не создавать новых форм цифрового разрыва.

В диссертации уделено внимание действующим ограничениям в области доступа в Интернет, выявлены основные противоречия интересов участников

отношений в Интернете. Ограничения доступа могут быть обусловлены правовым статусом лица-пользователя Интернета и иметь индивидуально-определенный характер, а также возникать вследствие манипуляций государством в отношении технического и нетехнического объективного фактора доступа. Действующим в Российской Федерации ограничениям дана оценка на соответствие их критериям наличия легального обоснования, необходимости и соразмерности. В целом основания для тех или иных ограничений доступа в Интернет в Конституции обнаруживаются, однако практическое введение этих ограничений вызывает вопросы, причем как со стороны необходимости, так и со стороны соразмерности.

В рамках исследования подготовлена почва для дальнейшего изучения возможных способов регулирования Интернета и использования его преимуществ для реализации прав и свобод человека. Потенциал Интернета слишком широк и всеобъемлющ, чтобы от него возможно было отказаться без ущерба для экономики, научного и культурного прогресса. Интернет нуждается в регулировании на уровне государства, прежде всего, с точки зрения его развития, а не ограничений, принятия мер, способствующих раскрытию его потенциала для личности, общества и государства.

Список литературы

I. Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации. Принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ.) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 6 октября 2022 года.

2. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 31.07.2023) // СЗ РФ. 25.07.1994. № 13. Ст. 1447.

3. «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08 марта 2015 года № 21-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 09.03.2015.

4. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 24.06.2023) // СЗ РФ. 18.11.2002. № 46. ст. 4532.

5. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // СЗ РФ. 29.07.2002. №30. ст. 3012.

6. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 27.11.2023) // СЗ РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I), ст. 4921.

7. Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1 (ред. от 13.06.2023) «О языках народов Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 12.12.1991. № 50. ст. 1740.

8. Федеральный закон от 30 декабря 2021 года № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 30 декабря 2021 года.

9. Федеральный закон от 2 июля 2021 года № 319-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О связи"» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 2 июля 2021 года.

10. Федеральный закон от 01 июля 2021 года № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" на территории Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 01 июля 2021 года.

11. Федеральный закон от 1 мая 2019 года № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О связи" и Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 1 мая 2019 года.

12. Федеральный закон от 6 марта 2019 года № 19-ФЗ «О внесении изменений в статьи 7 и 28.5 Федерального закона "О статусе военнослужащих"» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 6 марта 2019 года.

13. Федеральный закон от 27 ноября 2018 года № 422-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход"» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 27 ноября 2018 года.

14. Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 30 июля 2017 года.

15. Федеральный закон от 06 июля 2016 года № 374-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О внесении изменений в Федеральный закон ”О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 07 июля 2016 года.

16. Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 14 июля 2015 года.

17. Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 162-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О стандартизации в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 30.06.2015.

18. Федеральный закон от 2 июля 2013 года № 187-ФЗ (ред. от 12.03.2014) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 03 июля 2013 года.

19. Федеральный закон от 5 апреля 2013 года № 60-ФЗ (ред. от 01.04.2019) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 8 апреля 2013 года.

20. Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 04.08.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 30 декабря 2012 года.

21. Федеральный закон от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217.

22. Федеральный закон от 29 декабря 2006 года № 244-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 1 января 2007 года № 1 (1 ч.). ст. 7.

23. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 06.02.2023) // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). ст. 3451.

24. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 02.11.2023) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448.

25. Федеральный закон от 02 мая 2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 08.05.2006. № 19. ст. 2060.

26. Федеральный закон от 7 июля 2003 года № 126-ФЗ «О связи» (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 14.07.2003. № 28. Ст. 2895.

27. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

28. Федеральный закон от 22 ноября 1995 года № 171-ФЗ (ред. от 28.04.2023) «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // СЗ РФ. 27 ноября 1995 года № 48. ст. 4553.

29. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об общественных объединениях» // СЗ РФ. 22.05.1995. № 21, ст. 1930.

30. Федеральный закон от 03 апреля 1995 года № 40-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О федеральной службе безопасности» // СЗ РФ. 10.04.1995. № 15. Ст. 1269.

31. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2021 года № 3340-р «Об оказании бесплатной юридической помощи с применением электронных сервисов» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 29 ноября 2021 года.

32. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2012 года № 2237-р (ред. от 31.10.2015) «Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013 - 2020 годы» // СЗ РФ. 10.12.2012. № 50 (ч. 6). Ст. 7089.

33. Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2012 № 1735-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы "Развитие судебной системы России на 2013 - 2020 годы"» // СЗ РФ. 01.10.2012. № 40. ст. 5474

34. Постановление Правительства РФ от 20 октября 2021 года № 1801 «Об утверждении Правил идентификации пользователей информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" организатором сервиса обмена мгновенными сообщениями» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 21 октября 2021 года.

35. Постановление Правительства РФ от 12 апреля 2018 года № 445 (ред. от 28.03.2022) «Об утверждении Правил хранения операторами связи текстовых сообщений пользователей услугами связи, голосовой информации, изображений, звуков, видео- и иных сообщений пользователей услугами связи» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 19 апреля 2018 года.

36. Постановление Правительства РФ от 26 октября 2012 года № 1101 (ред. от 14.11.2023) «О единой автоматизированной информационной системе "Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» // СЗ РФ. 29.10.2012. № 44. ст. 6044.

37. Постановление Правительства РФ от 21 апреля 2005 года № 241 (ред. от 16.11.2020) «О мерах по организации оказания универсальных услуг связи» // СЗ РФ. 25.04.2005. № 17. ст. 1572.

38. Постановление Правительства РФ от 21 апреля 2005 г. № 242 (ред. от 17.04.2021) «Об утверждении Правил государственного регулирования тарифов на универсальные услуги связи» // СЗ РФ. 25.04.2005. № 17. ст. 1573.

39. Приказ Минкомсвязи России от 21 июля 2015 года № 259 (ред. от 02.08.2016) «Об утверждении Перечня сайтов информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", доступ к которым предоставляется оператором универсального обслуживания бесплатно» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 15.10.2015.

40. Постановление Правительства РФ от 16 ноября 2015 года № 1236 (ред. от 28.12.2022) «Об установлении запрета на допуск программного обеспечения, происходящего из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

41. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 года № 313 (ред. от 29.04.2023) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Информационное общество"» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 24.04.2014.

42. Приказ Минкомсвязи России от 31 марта 2020 года № 148 "О проведении эксперимента об оказании гражданам на безвозмездной основе услуг связи по передаче данных и по предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" на территории Российской Федерации для использования социально значимых информационных ресурсов в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" (ред. от 1.07.2021) // Документ не был опубликован.

43. Постановление Правительства Российской Федерации от 23 сентября 2020 года № 1526 «О Правилах хранения организаторами распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет"

информации о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков, видео- или иных электронных сообщений пользователей информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и информации об этих пользователях и предоставления ее уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 29 сентября 2020 года.

44. Постановления Правительства от 16 июня 2021 года № 914 «О приостановлении действия абзаца второго пункта 6 Правил хранения операторами связи текстовых сообщений пользователей услугами связи, голосовой информации, изображений, звуков, видео- и иных сообщений пользователей услугами связи // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 18.06.2021 (утратило силу с 30.03.2022).

45. Постановление Правительства РФ от 21 января 2022 года № 29 «Об утверждении Правил присоединения сетей электросвязи и их взаимодействия и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 26.01.2022.

46. Постановления Правительства РФ от 28 марта 2022 года № 498 «О внесении изменений в Правила хранения операторами связи текстовых сообщений пользователей услугами связи, голосовой информации, изображений, звуков, видео- и иных сообщений пользователей услугами связи, приостановлении действия отдельного положения указанных Правил и признании утратившим силу Постановления Правительства Российской Федерации от 16 июня 2021 г. № 914» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 18.06.2021.

47. Приказ Минздрава России от 01.03.2023 № 91н «Об утверждении порядка обеспечения граждан медицинскими изделиями с функцией

дистанционной передачи данных, порядка использования медицинских изделий с функцией дистанционной передачи данных гражданами, включая вопросы сохранности указанных изделий, порядка обслуживания медицинских изделий с функцией дистанционной передачи данных и их поверки, включая типовую форму гражданско-правового договора, заключаемого медицинской организацией с гражданином в целях передачи в пользование медицинских изделий с функцией дистанционной передачи данных» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 07.04.2023.

48. Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию (утв. Президентом РФ 24 января 2020 года № Пр-113) // URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/62673> (дата обращения: 26.03.2022).

49. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 07.05.2012.

50. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 года № 646 "Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации" // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 06 декабря 2016.

51. Указ Президента РФ от 12 апреля 2021 года № 213 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 12 апреля 2021 года.

II. Международные правовые акты

1. Резолюция, принятая Советом по правам человека от 1 июля 2016 года, «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете»
A/HRC/RES/32/13 // URL:

<http://www.refworld.org.ru/topic,51dc064c4,51dc104c253,57e9166b4,0,,RESOLUTION,.html> (дата обращения: 31.03.2022).

2. Резолюция N 1987(2014) Парламентской ассамблеи Совета Европы "Право доступа к Интернету" // СПС «КонсультантПлюс».

3. Recommendation CM/Rec(2011)8 of the Committee of Ministers to member states on the protection and promotion of the universality, integrity and openness of the Internet // URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805cc2f8 (дата обращения: 28.03.2022).

4. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression. UNGA HRC A/HRC/17/27. 16 May 2011 // URL: http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/17session/A.HRC.17.27_en.pdf (дата обращения: 07.03.2022).

5. Рекомендация CM/Rec(2008) 6 О мерах по развитию уважения к свободе выражения мнения и информации в связи с Интернет-фильтрами // URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016805d3c4a (дата обращения: 31.03.2022).

6. Recommendation CM/Rec(2007)16 of the Committee of Ministers to member states on measures to promote the public service value of the Internet // URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805d4a39 (дата обращения: 08.03.2022).

7. Тунисская Программа действий от 15 ноября 2005 г. WSIS-05/TUNIS/DOC/6(Rev.1)-R // URL: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/agenda_wsis.pdf (дата обращения: 28.03.2022).

8. Declaration of the Committee of Ministers on human rights and the rule of law in the Information Society CM (2005)56 // URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805da1a0 (дата обращения: 15.03.2022).

9. Декларация принципов Построение информационного общества - глобальная задача в новом тысячелетии от 12 декабря 2003 г. // URL: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf (дата обращения: 08.03.2022).

10. План действий от 12 декабря 2003 г. WSIS-03/GENEVA/DOC/5-R // URL: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/plan_wsis.pdf (дата обращения: 28.03.2022).

11. Окинавская хартия Глобального информационного общества от 22 июля 2000 г. // URL: <http://kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 28.03.2022).

12. Международный пакт от 16 декабря 1966 г. «О гражданских и политических правах» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

13. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН // Российская газета. 1995. 5 апреля.

III. Нормативные правовые акты зарубежных государств

1. Telecommunications (Interception and Access) Amendment (Data Retention) Act 2015 No. 39, 2015. URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2015A00039> (дата обращения: 29.11.2022)

2. Declaratory ruling, report and order, and order. FCC 17-166. Adopted: December 14, 2017 Released: January 4, 2018 // URL: <https://www.fcc.gov/document/fcc-releases-restoring-internet-freedom-order> (дата обращения: 03.02.2022).

3. The Constitution of Nepal // URL: <http://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/np/np029en.pdf> (дата обращения: 07.03.2022).

4. Конституция Египта // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=1013&attempt=1> (дата обращения: 07.03.2022).

5. Decreto por el que se reforman y adicionan diversas disposiciones de los artículos 6o., 7o., 27, 28, 73, 78, 94 y 105 de la Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos, en materia de telecomunicaciones // URL: http://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/ref/dof/CPEUM_ref_208_11jun13.pdf (дата обращения: 07.03.2022).

6. Constitucion de la republica bolivariana de venezuela // URL: https://www.oas.org/dil/esp/constitucion_venezuela.pdf (дата обращения: 01.02.2022).

7. Ley 2/2011, de 4 de marzo, de Economía Sostenible // URL: http://noticias.juridicas.com/base_datos/Admin/l2-2011.html (дата обращения: 07.03.2022).

8. Decree of the Ministry of Transport and Communications on the minimum rate of a functional Internet access as a universal service (732/2009) // URL: <http://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/2009/en20090732.pdf> (дата обращения: 30.03.2022).

9. LOI n° 2009-669 du 12 juin 2009 favorisant la diffusion et la protection de la creation sur internet // URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=324043 (дата обращения: 26.03.2022).

10. The Electronic Transactions Act // URL: <http://www.tepc.gov.np/uploads/files/12the-electronic-transaction-act55.pdf> (дата обращения: 07.03.2022).

11. Constitución de la República del Ecuador // URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/178829> (дата обращения: 07.03.2022).

12. Electronic Communications Act // URL: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/ee/Riigikogu/act/520052016001/consolide> (дата обращения: 07.02.2022).

13. Lei Constitucional n.º 1/2001 // URL: <https://dre.pt/web/guest/pesquisa/-/search/577358/details/normal?q=lei+constitucional> (дата обращения: 07.03.2022).

14. The Constitution of Greece // URL: <http://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/gr/gr220en.pdf> (дата обращения: 21.04.2022).

15. Code de la santé publique. Deuxième partie : Santé sexuelle et reproductive, droits de la femme et protection de la santé de l'enfant, de l'adolescent et du jeune adulte, Livre II : Interruption volontaire de grossesse // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006072665&dateTexte=20180328> (дата обращения: 26.03.2022).

16. Public Information Act. Passed 15.11.2000 RT I 2000, 92, 597 // URL: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/ee/Riigikogu/act/518012016001/consolide> (дата обращения: 07.02.2022).

17. Decreto-ley no. 35 de las telecomunicaciones, las tecnologías de la información y la comunicación y el uso del espectro radioeléctrico. Gaceta Oficial No. 92 Ordinaria de 17 de agosto de 2021 // URL: <https://www.mined.gob.cu/document/gaceta-oficial-no-92-ordinaria-de-17-de-agosto-de-2021/> (дата обращения: 22.11.2022)

IV. Судебная практика

1. Определение Конституционного Суда РФ от 08.11.2018 г. № 2797-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда о проверке конституционности части 6 статьи 121, абзаца третьего части 1 статьи 177 и части 2 статьи 259 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Определение Конституционного Суда от 28 июня 2018 г. № 1662-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Нетупского Павла Иосифовича на нарушение его конституционных прав частями 3, 4 и 6 статьи 15 Федерального закона “Об обеспечении доступа к информации о деятельности

судов в Российской Федерации”, пунктом 1 части 1 статьи 6 Федерального закона “О персональных данных” и статьей 4 Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2014 г. № 1759-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Харитонов Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части 2 статьи 15.1 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и пунктом 2 статьи 3 Федерального закона “О внесении изменений в Федеральный закон “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Определение Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года “О порядке введения в действие Закона Российской Федерации “О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О судостроительстве РСФСР”, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Российская газета. 27 ноября 2009 г. (Определение). № 226.

5. Определение Конституционного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 3024-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы иностранной организации “Watchtower Bible and Tract Society of New York, Inc.” на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 3 статьи 1 и статьей 13 Федерального закона “О противодействии экстремистской деятельности”, а также пунктом 2 части 5 статьи 15.1 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2012 г. № 162-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Данилова Ивана Геннадьевича на нарушение его конституционных прав частью 3 статьи 125 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частями 1 и 2 статьи 15 Федерального закона “Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Определение Конституционного Суда РФ от 25 мая 2017 г. № 1063-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Еникеева Евгения Владимировича и других на нарушение их конституционных прав частями второй и восьмой статьи 10 и частью второй статьи 199 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Определение Конституционного Суда РФ от 28 сентября 2017 г. № 2210-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лысаковского Дмитрия Ивановича на нарушение его конституционных прав частями первой и третьей статьи 16, пунктом 12 части первой статьи 17, частью четвертой статьи 25 и частью второй статьи 36 Федерального закона “О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений”» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2018 г. № 1153-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Седова Владимира Сергеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 4.1 статьи 10.1 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Определение от 17 июня 2013 г. № 1001-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью “АВТОВОКЗАЛ СЕРВИС” на нарушение конституционных прав и свобод частями 1 и 3 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Постановление Конституционного Суда РФ от 09 июля 2013 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Крылова» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 11 июля 2013 г.

12. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 октября 2017 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” в связи с жалобой гражданина А.И. Сушкова» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 27 октября 2017 г.

13. Постановление Конституционного Суда РФ от 04 декабря 2017 г. № 35-П «По делу о проверке конституционности части 1.3 статьи 32.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Ю.А. Рейнхиммеля» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 06 декабря 2017 г.

14. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 февраля 2006 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “О связи” в связи с запросом Думы Корякского автономного округа» // Российская газета. № 50. 14 марта 2006 г.

15. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова» // Российская газета. № 221. 31 октября 2003 г.

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2012 г. № 29-П «По делу о проверке конституционности положений части пятой статьи 244.6 и части второй статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»

Федерации в связи с жалобами граждан А.Г. Круглова, А.В. Маргина, В.А. Мартынова и Ю.С. Шардыко» // Российская газета. № 289. 14 декабря 2012 г.

17. Постановление от 28 июня 2007 г. № 8-П "По делу о проверке конституционности статьи 14.1 Федерального закона "О погребении и похоронном деле" и Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, в связи с жалобой граждан К.И. Гузиева и Е.Х. Кармовой" // СЗ РФ. 02 июля 2007 г. № 27, ст. 3346.

18. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2021 № 22-П «По делу о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона "О персональных данных" в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "МедРейтинг"» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 28 мая 2021.

19. Решение по делу № 3-0726/2015 от 04.12.2015 // URL: <https://mosgorsud.ru/mgs/services/cases/first-civil/details/2005f099-b276-4d33-be4b-5ece3fe761ac> (дата обращения: 06.04.2022)

20. Решение Тверского районного суда г. Москвы по делу № 02–2473/2022 от 21 марта 2022 г. URL: <https://mosgorsud.ru/rs/tverskoj/services/cases/civil/details/de7ea6a0-a3ab-11ec-8a7e-51b31fb55b35> (дата обращения: 31.03.2022)

21. KHARITONOV v. RUSSIA. App. No(s). 10795/14 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-173648> (дата обращения: 04.04.2022).

22. CASE OF VLADIMIR KHARITONOV v. RUSSIA. Application no. 10795/14. Judgement. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-203177> (дата обращения: 04.04.2022).

23. WRIT PETITION (CIVIL) NO. 1031 OF 2019 and WRIT PETITION (CIVIL) NO. 1164 OF 2019 URL: https://main.sci.gov.in/supremecourt/2019/28817/28817_2019_2_1501_19350_Judgement_10-Jan-2020.pdf (дата обращения: 07.03.2022)

24. Amparo en revisión 1/2017 // URL: <https://globalfreedomofexpression.columbia.edu/wp-content/uploads/2017/07/SC-Internet-Ruling.pdf> (дата обращения: 07.03.2022).

25. Решение Афинского Единоличного Суда первой инстанции 13478/2014 // URL: http://www.opi.gr/images/library/nomologia/politika/mpr/13478_2014.pdf (дата обращения: 07.03.2022).

26. Judgment of the Court (Grand Chamber), 13 May 2014. Google Spain SL and Google Inc. v Agencia Española de Protección de Datos (AEPD) and Mario Costeja González // URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:62012CJ0131> (дата обращения: 07.03.2022).

27. Решение Афинского Единоличного Суда первой инстанции 4658/2012 // URL: http://www.eea.gr/system/uploads/asset/data/5336/piratia_diadiktiou.pdf (дата обращения: 21.04.2022).

28. Resolución N° 10627 - 2010 // <http://proledi.ucr.ac.cr/wp-content/uploads/2018/10/CUADERNILLO-04-El-derecho-de-acceso-a-Internet-y-la-Libertad-de-Expresio%CC%81n.pdf> <https://nexuspj.poder-judicial.go.cr/document/sen-1-0007-483875> (дата обращения: 06.03.2024).

29. Constitutional judgment 3-3-1-5-09 OF THE SUPREME COURT EN BANC // URL: <https://www.riigikohus.ee/en/constitutional-judgment-3-3-1-5-09> (дата обращения: 07.03.2022).

30. Décision n° 2009-580 DC du 10 juin 2009 // URL: <http://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/2009/2009-580-dc/decision-n-2009-580-dc-du-10-juin-2009.42666.html> (дата обращения: 07.03.2022).

31. Stockholm district court Division 5 Unit 52 verdict B 13301-06 // URL: <http://www.ifpi.org/content/library/Pirate-Bay-verdict-English-translation.pdf> (дата обращения: 09.04.2022).

32. WRIT PETITION (CIVIL) NO. 1031 OF 2019 and WRIT PETITION (CIVIL) NO. 1164 OF 2019 URL:

https://main.sci.gov.in/supremecourt/2019/28817/28817_2019_2_1501_19350_Judgment_10-Jan-2020.pdf (дата обращения: 07.03.2022)

V. Специальная научная и монографическая литература

1. Авакьян, С.А. Конституционное право России: Учебный курс. 2-е изд., перераб. и доп. В 2 т. Т. 1. / С.А. Авакьян // М.: Юрист, 2007. — 719 с.
2. Авакьян, С.А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 23-28.
3. Агеев, А.С. Digital divide и элементы его архитектуры: к вопросу о правовых аспектах цифрового неравенства // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 10. С. 23-26.
4. Адзинова Е.А., Кряжкова О.Н. Право на судебную защиту: регулирование и интерпретация / Е.А. Адзинова, О.Н. Кряжкова // Конституционное и муниципальное право. 2006. №7. С. 13-18.
5. Азизов, Р.Ф. Правовые аспекты функционирования сети Интернет в китайской Народной Республике / Р.Ф. Азизов // Пенитенциарная наука. 2015. №1 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovyye-aspekty-funktsionirovaniya-seti-internet-v-kitayskoj-narodnoy-respublike> (дата обращения: 20.11.2022).
6. Алексеев, С. С. Права человека: энциклопедический словарь / отв. ред. С.С. Алексеев. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2019. 656 с.
7. Алексеев, С. С. Общая теория права. Курс в 2-х томах. Т. 2. М., 1982. 360 с.
8. Алешкова, И.А. Дудко, И.А. Коллективные права: актуальные аспекты теории и практики / И.А. Алешкова, И.А. Дудко // Государство и право. 2017. № 6. С.11-18.
9. Анисимова, А.С. Механизм правового регулирования Интернет-отношений: проблемы теории и практики / А.С. Анисимова. Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. 222 с.

10. Антопольский А.А. Права человека и Интернет: практика Европейского суда по правам человека / А.А. Антопольский // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. С. 159 – 185.
11. Батурин, Ю.М. Проблемы компьютерного права / Ю.М. Батурин М.: Юрид. лит., 1991. 272 с.
12. Бачило, И. Л. Информационное право: учебник для вузов / И. Л. Бачило. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2023. 419 с.
13. Бевзенко, Р.С. Объекты гражданских правоотношений: Учеб. пос. М.: НИУ ВШЭ, 2010. 72 с.
14. Белл, Д. Социальные рамки информационного общества. Перевод с английского / Под общ. ред.: Гуревича, П.С., Пер.: Никуличева, Ю. В. // Новая технократическая волна на Западе. —М.: Прогресс, 1988. 450 с.
15. Богдановская, И.Ю. Сетевая нейтральность: политико-правовые аспекты (на примере опыта США) // Информационное право. 2015. № 4. С. 39 - 44.
16. Богданов, Е.В. Природа и сущность права граждан на жилище / Е.В. Богданов // Журнал российского права. 2003. № 4. СПС «КонсультантПлюс».
17. Бондарь, Н.С. Права человека и местное самоуправление в Российской Федерации. / Н.С. Бондарь. – Ростов-на-Дону, 1998. 381 с.
18. Брой, Ш.У. Негативное воздействие кризиса, вызванного пандемией Covid-19, на обеспечение права детей на образование /Ш.У. Брой // Юрист. 2022. № 1. С. 33 - 36.
19. Варламова, Н.В. Классификация прав человека: подходы к проблеме / Н. В. Варламова // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. №.4. С.152-166.
20. Васильева, М.И. Право граждан на доступ к природным ресурсам (общетеоретическое и межотраслевое обоснование) / М.И. Васильева // Журнал российского права. 2012. № 8. // СПС «КонсультантПлюс».

21. Венгеров, А.Б. Право и информация в условиях автоматизации управления. Теоретические проблемы / Венгеров А.Б. – М.: Юрид. лит., 1978. 208 с.
22. Витрук, Н.В. Общая теория правового положения личности / Н.В. Витрук. – М.: НОРМА, 2008. 448 с. // СПС «КонсультантПлюс».
23. Вишнякова, М.А. О правовой природе перерывов в ежедневной работе / М.А. Вишнякова // Право и экономика. 2014. № 10. СПС «КонсультантПлюс».
24. Воеводин, Л.Д. Юридический статус личности в России /Л.Д. Воеводин. – М., 1997. 304 с.
25. Гавришов, Д.В. Гарантии реализации субъективного права на информацию: конституционно-правовой аспект. Автореф. дисс. канд. юрид. наук: 12.00.02. / Гавришов Дмитрий Валентинович. — М.: 2010. 22 с;
26. Гаджиев, Г.А. Цели, задачи и предназначение Конституционного Суда Российской Федерации. Часть I / Г.А. Гаджиев // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 1. СПС «КонсультантПлюс».
27. Галиакберов, А.Ф., Хисамов, А.Х., Хафизова, Л.Р. Развитие судебной системы в условиях цифровой модернизации // Российский судья. 2021. № 5. С. 34-36.
28. Государственное право Германии. Авт.кол. Н. Ахтенберг, П. Бадура, Е.В. Бекенферде и др. Т. 1. М., 1994. 312 с.
29. Грачева, С.А., Черемисинова, М.Е. Вопросы конституционного обеспечения цифровых прав // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2018. № 4 (32). С. 59.
30. Грачева, С.А. Вопросы судебной защиты передачи и распространения данных в сети интернет (на примере дел о противодействии экстремизму) // Защита данных: научно-практический комментарий к судебной практике / отв. ред. В.В. Лазарев, Х.И. Гаджиев. М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2020. с. 94-110.

31. Грачева, С.А., Черемисинова, М.Е. Основные права и свободы в цифровом измерении // Вестник Южно-Уральского государственного университета. серия «Право». 2021. № 1 (21). С. 64-73.
32. Гулин, Е. В. Права человека: учебное пособие / Е.В. Гулин // 3-е изд. М.: РИОР: ИНФРА-М., 2022. 176 с.
33. Демидов, О. Глобальное управление Интернетом и безопасность в сфере использования ИКТ: Ключевые вызовы для мирового сообщества / О. Демидов // М.: Альпина Паблишер, 2016. 198 с.
34. Дмитриева, Е.Г. Проблемы защиты персональных данных в цифровом мире и пути их решения // Право и бизнес. 2021. № 3. // СПС «КонсультантПлюс».
35. Должиков, А.В. "Рукописи не горят": неписанные права в конституционном правосудии / А.В. Должиков // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 1 // СПС «КонсультантПлюс».
36. Ершов, В.В., Ершова Е.А. Современные проблемы международного права / В.В. Ершов, Е.А. Ершова // [Электронный режим доступа Научные работы (избранное) профессора В.В. Ершова и профессора Е.А. Ершовой].
37. Ефимцева, Т.В., Петров, В.И. Практические проблемы применения правил о размещении телекоммуникационного оборудования в многоквартирных домах в условиях конкуренции на товарных рынках Российской Федерации / Т.В. Ефимцева, В.И. Петров // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2021. № 4. С. 33 - 38.
38. Живулина, Т.Л. Права человека и правопонимание: историческое взаимодействие / Т.Л. Живулина // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/prava-cheloveka-i-pravoponimanie-istoricheskoe-vzaimodeystvie> (дата обращения: 19.03.2022).
39. Зиновьева, Е. С. Международно-политические аспекты развития Интернета / Е.С. Зиновьева // Вестник МГИМО. 2013. №4 (31). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-politicheskie-aspekty-razvitiya-interneta> (дата обращения: 21.02.2023).

40. Зорькин, В. Д. Право в цифровом мире // URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (дата обращения: 27.02.2022).

41. Иванов, А.Ю. Контроль монополизации в условиях цифровой экономики: первая часть дискуссии о пятом антимонопольном пакете / А.Ю. Иванов // Закон. 2018. № 2. // СПС «КонсультантПлюс».

42. Ивакина, Д.С. Культурные права и свободы человека и гражданина: вопросы содержания, методологии и классификации / Д.С. Ивакина // Журнал российского права. 2020. № 4 // СПС «КонсультантПлюс».

43. Ивлиев, Г.П., Егорова, М.А. Юридическая проблематика правового статуса искусственного интеллекта и продуктов, созданных системами искусственного интеллекта / Г.П. Ивлиев, М.А. Егорова // Журнал российского права. 2022. № 6. // СПС «КонсультантПлюс».

44. Информационное право / Под ред. М.А. Федотова М.: Юрайт, 2023. 868 с.

45. Караманукян, Д.Т. Акты Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе: Учебное пособие / Д.Т. Караманукян / Омск: Омская юридическая академия, 2013 // СПС «КонсультантПлюс».

46. Касенова, М.Б. Правовое регулирование трансграничного функционирования и использования Интернета. Дисс. ... док. юрид. наук:12.00.03 /Касенова Мадина Балташевна. — М., 2016. 511 с.

47. Киреева, Е.Ю. Цифровая демократия: мифы и реальность // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7 // СПС Консультант-Плюс.

48. Ковалев, А.А. Международная защита прав человека: Учебное пособие / А.А. Ковалев. – М.: Статут, 2013. // СПС «КонсультантПлюс».

49. Колюшин, Е.И. Правовые проблемы дистанционного электронного голосования избирателей / Е.И. Колюшин // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 2. // СПС «КонсультантПлюс»

50. Конституционное право Российской Федерации: учебник для студентов, обучающихся по направлению подготовки "Юриспруденция" (квалификация "бакалавр") / И.А. Алжеев, И.Б. Власенко, Е.Ю. Догадайло [и др.]; отв. ред. С.И. Носов. – М.: Статут, 2014. 391 с.

51. Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий (ГАС «Доступ к правосудию»): монография / отв. ред. Л. Н. Масленникова. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. 664 с.

52. Корпен, А.С. К вопросу о содержании права на доступ к правосудию /А.С. Корпен // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. №2. С. 111-121.

53. Кравец, И.А. Информационный и цифровой конституционализм и конституционные общественные инициативы в условиях российского правового пространства / И.А. Кравец // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 9. С. 9-15.

54. Кравец, И. А. Цифровой конституционализм и будущее информационного общества (в контексте глобализации и интеграционных процессов) / И. А. Кравец // Право и государство. 2020. № 3-4(88-89). С. 85-104.

55. Кравец, И. А. Цифровой конституционализм: методологические и правовые аспекты / И. А. Кравец // Государство и право. 2022. № 1. С. 19-33.

56. Крашенинникова, Н. А. История государства и права зарубежных стран. В 2 томах.: Том 2: Современная эпоха: учебник / отв. ред. Крашенинникова Н.А., Москва: Норма, ИНФРА-М, 2020. 816 с.

57. Кряжков, В.А. Традиционный образ жизни коренных малочисленных народов в конституционно-правовом измерении / В.А. Кряжков // Государство и право. 2017. №12. С.44-55.

58. Лапаева, В.В. Критерии ограничения прав человека и гражданина в Конституции Российской Федерации / В.В. Лапаева // Государство и право. 2013. №2. С.14-24.

59. Лессиг, Л. Свободная культура/Пер. с англ. — М.: Прагматика Культуры, 2007. — 272 с.
60. Липатова, С.Л. Защита конституционных прав человека на честь и достоинство от посягательств в компьютерной сети "Интернет". дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. / Липатова Светлана Львовна. —М., 2006.—230 с.
61. Липчанская, М.А., Заметина Т.В. Социальные права граждан в условиях использования искусственного интеллекта: правовые основы и пробелы законодательного регулирования в России / М.А. Липчанская, Т.В. Заметина // Журнал российского права. 2020. № 11 // СПС «КонсультантПлюс».
62. Липчанская, М. А. Динамика развития конституционного права на образование в условиях цифровизации и внедрения технологий искусственного интеллекта: регуляторные риски и перспективы / М. А. Липчанская // Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации: Сборник научных трудов / Под общей редакцией Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. Москва: Инфотропик Медиа, 2022. С. 171-180.
63. Липчанская, М. А. Правовые и управленческие меры, направленные на реализацию конституционного права на охрану здоровья в условиях пандемии и развития ии / М. А. Липчанская // Государство, власть, управление и право: Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 06 декабря 2021 года. Москва: Государственный университет управления, 2022. С. 200-202.
64. Липчанская, М.А. Развитие информационной функции институтов представительной демократии в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 10. С. 8 - 13.
65. Лопатин В.Н. Информационная безопасность в электронном государстве / В.Н. Лопатин // Информационное право. 2018. № 2. С. 14 - 19.
66. Лукашева, Е.А. Права человека: Учебник / Е.А. Лукашева. – 2-е изд., перераб. — М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. — 560 с.

67. Люшер, Ф. Конституционная защита прав и свобод личности. /Ф. Люшер — М., 1993. —383 с.
68. Марков, А. С., Фадин, А. А. Организационно-технические проблемы защиты от целевых вредоносных программ типа Stuxnet. / А. С. Марков, А. А. Фадин // Вопросы кибербезопасности. 2013 № 1(1). С.28-36.
69. Масленникова, С.В. Право граждан на народное представительство. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М.: 2001. 199 с.
70. Матузов, Н.И. Правовая система и личность / Н.И. Матузов. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та., 1987. 293 с.
71. Медведев, Д.А. 25 лет Конституции: баланс между свободой и ответственностью / Д.А. Медведев // URL: <http://government.ru/news/35053/> (дата обращения: 12.03.2022)
72. Международная и внутригосударственная защита прав человека: Учебник / А. Х. Абашидзе, З. Г. Алиев, К. Ф. Амиров [и др.]; под ред Р.М. Валеева — М.: Статут, 2011 // СПС «КонсультантПлюс».
73. Мирская, Т. И. К вопросу о понятии коллективных прав / Т.И. Мирская // Государство и право. 2015. № 11. С.95-100.
74. Морозов, А.В. История и перспективы развития системы мониторинга правоприменения Минюста России. // Мониторинг правоприменения. 2020. № 2 (35). С.11-18.
75. Морозов, А.В. История правовой информатизации Минюста России // Правовая информатика. 2020. № 2. С.92-99.
76. Нам, К.В. Особенности развития правового регулирования оборота и защиты персональных данных / К.В. Нам // Вестник гражданского права. 2020. № 5. // СПС «КонсультантПлюс».
77. Нудненко, Л.А. Некоторые проблемы правовой регламентации конституционного права гражданина на информацию / Л.А. Нудненко // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 5. С. 40 - 44.

78. Овсепян, Ж. И. Конституционно-правовой статус человека (гражданина) в России: монография / Ж. И. Овсепян // Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2018. 702 с.

79. Пазюк, А.В. Доступ к Интернету: права человека или универсальная услуга с точки зрения международного права // URL: <https://digital.report/dostup-k-internetu/> (дата обращения: 28.03.2022).

80. Платонова, Н.И., Шахабов, И.В., Смышляев, А.В., Кузнецов, Д.В. Телемедицинские технологии в условиях пандемии COVID-19 /Н.И. Платонова, И.В. Шахабов, А.В. Смышляев, Д.В. Кузнецов // Медицинское право. 2021. № 1. // СПС «КонсультантПлюс».

81. Погорелова, М.А. Конституционно-правовое регулирование права на информацию в Российской Федерации. автореф. дисс. кандидата юрид. наук: 12.00.02 / Погорелова Марина Александровна. — М., 2010. 38 с.

82. Права интернет-пользователей: Россия и мир, теория и практика / И.Лева, Г.Шуклин, Д.Винник. М.: Ассоциация интернет-издателей; «Кабинетный ученый», 2013. 144 с.

83. Правовое пространство: границы и динамика: монография / Ю.А. Тихомиров, А.А. Головина, И.В. Плюгина [и др.]; отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2021. 240 с.

84. Путин, В. В. Демократия и качество государства // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1866753> (дата обращения: 24.03.2022).

85. Пчелинцева, Л.М. Проблемы исследования природы и содержания конституционного права граждан на жилище /Л.М. Пчелинцева // Конституционное и муниципальное право. 2004. № 2 // СПС «КонсультантПлюс».

86. Рагимов, А.Т. Особенности юридической природы прав человека / А.Т. Рагимов // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 8 // СПС «КонсультантПлюс».

87. Рашидханова, Д.К. Репродуктивные права личности: сущность и правовая природа /Д.К. Рашидханова // Социальное и пенсионное право. 2007. № 4. // СПС «КонсультантПлюс».

88. Ситдикова, Р.И., Васильев, Э.Э. Потокковая видеозапись (стриминг) как объект интеллектуальной собственности / Р.И. Ситдикова, Э.Э. Васильев // Юрист. 2021. № 9. // СПС «КонсультантПлюс».

89. Старостина, И.А. Всенародные обсуждения: правовые возможности и практика / И.А. Старостина // Вестник Московского университета, сер.11. Право. 1998. № 1.

90. Строгович, М.С. Основные вопросы советской социалистической законности / М.С. Строгович. — М.: Наука, 1966. 190 с.

91. Талапина, Э. В. Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект): монография / Э.В. Талапина. — М.: Юриспруденция, 2015. 192 с.

92. Талапина, Э.В. Право на информацию в свете теории субъективного публичного права /Э.В. Талапина // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. №6. С. 70 - 83.

93. Талапина, Э. В. Применение цифровых технологий в условиях пандемии с точки зрения прав человека: аналитический обзор / Э. В. Талапина, И. А. Черешнева // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. Москва: Фонд "Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара", 2020.

94. Талапина, Э. В. Право на информационное самоопределение: на грани публичного и частного /Э.В. Талапина // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. №5. С.24 – 43.

95. Талапина, Э. В. Проактивные государственные услуги: на пути к алгоритмизации / Э. В. Талапина, Д. Ю. Козяр (Двинских) // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 2. С. 7-32.

96. Талимончик, В. П. Международно-правовое регулирование отношений информационного обмена / В. П. Талимончик — «Юридический центр», 2011. URL: litres.ru/valentina-talimonchik/mezhdunarodno-pravovoe-regulirovanie-otnosheniy-informacionnogo-obmena/ (дата обращения: 28.02.2023).
97. Терин, В.П. Массовая коммуникация. Исследование опыта Запада / В.П. Терин — М.: Изд-во МГИМО, 2000.
98. Троицкая, А.А. Сравнительный метод в науке конституционного права и решениях органов конституционного контроля. дисс. док. юрид. наук: 12.00.02. М., 2020. 485 с.
99. Троицкая, А.А. Пределы прав и абсолютные права: за рамками принципа пропорциональности? / А.А. Троицкая // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. №2(105). С.46-69.
100. Троицкая, А.А. Основные права: происхождение, юридическая природа и пределы защиты / А.А. Троицкая // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 1. С. 65.
101. Троицкая, А.А. Пределы публичной власти: конституционно-правовое осмысление / А.А. Троицкая // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2009. №5. С.43-61.
102. Трушалова, Т.О. Возможности дистанционного электронного голосования для участия граждан в управлении делами государства / Т.О. Трушалова // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 5 // СПС КонсультантПлюс.
103. Урбанович, П. П. Компьютерные сети: учебное пособие / П. П. Урбанович, Д. М. Романенко // Москва; Вологда: Инфра-Инженерия, 2022. 460 с.
104. Ушакова, Т.Е. Хартия основных прав Европейского Союза: два шага вперед и один — назад в процессе европейской интеграции // URL: http://evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=483&Itemid=53 (дата обращения: 26.03.2022).

105. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: Республика, 2001. 719 с.
106. Халатов, С.А., Чудиновская Н.А. О юридической ответственности судебного представителя / С.А. Халатов, Н.А. Чудиновская // Закон. 2020. № 10. С. 95–108.
107. Хуснутдинов, А.И. О соотношении конституционной гарантии свободного распространения информации и права на доступ в Интернет / А.И. Хуснутдинов // Информационное право. 2014. № 6 (42). С. 31-34.
108. Хуснутдинов, А.И. К вопросу о конституционном запрете официальной идеологии в условиях современного информационного общества и электронной демократии / А.И. Хуснутдинов // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 4. С.10–12.
109. Хуснутдинов, А.И. Право на доступ в Интернет - новое право человека? / А. И. Хуснутдинов // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 4. С. 109 – 123.
110. Хуснутдинов, А.И. Бесплатный доступ к социально значимым интернет-сайтам в России: новый налог и вызов для конкуренции? / А.И. Хуснутдинов // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 6. С. 95 – 107.
111. Чаплинский А.В. Конституционное право граждан на информацию в сфере организации судебной власти: автореф. ... дисс. канд. юрид. наук: 12.00.02. / Чаплинский Александр Владимирович. — М.: 2012. 22 с.
112. Челнокова, Г.Б. Социальное законодательство, направленное на защиту от бедности в России: Научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2009 // СПС «КонсультантПлюс».
113. Шабанов, Р.И. Правовая природа права на занятость / Р.И. Шабанов // Трудовое право в России и за рубежом. 2016. № 4 // СПС «КонсультантПлюс».
114. Шадрин, С. А. Содержание права на неприкосновенность частной жизни по российскому и европейскому законодательству // Актуальные проблемы российского права. 2018. N 9. С. 208-217.

115. Шахрай, С.М. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для академического бакалавриата и магистратуры / С.М. Шахрай. – 4-е изд., изм. и доп. – М.: Статут, 2017 // СПС «КонсультантПлюс».
116. Шевердяев, С.Н. Методика оценки сайтов российских органов власти: Препринт WP8/2007/02 / С.Н. Шевердяев. М.: ГУ ВШЭ, 2007. 68 с.
117. Шереметова, Г.С. Право на бесплатную юридическую помощь в гражданском процессе. М.: Статут, 2015 / Г.С. Шереметова // СПС «КонсультантПлюс».
118. Шлинк, Б. Пропорциональность. К проблеме баланса фундаментальных прав и общественных целей / Б. Шлинк // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. №2(87). С.56-76.
119. Щербович, А.А. Конституционное право на доступ к Интернету: мировой опыт и выводы для России / А.А. Щербович // Копирайт. 2015. №3. С.57-70.
120. Щербович, А.А. Конституционные гарантии свободы слова и права доступа к информации в сети Интернет. дисс. канд. юрид. наук: 12.00.02. / Щербович Андрей Андреевич. — М., 2013.—250 с.
121. Щербович, А.А. Реализация конституционных прав и свобод в Интернете: Монография / А.А. Щербович. — М.: ТЕИС, 2015. —148 с.
122. Щукин, Ф.В., Фетисова, Т.В. ГАС "Правосудие": опыт судов общей юрисдикции Нижегородской области в применении сервисов электронного правосудия / Ф.В. Щукин, Т.В. Фетисова // Администратор суда. 2022. № 1. С. 6 - 11.
123. Эбзеев, Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации / Б.С. Эбзеев. — М.: Юридическая литература, 2015. 656 с.
124. Эбзеев, Б.С., Прудников, А.С. Конституционное право России / Б.С. Эбзеев, А.С. Прудников. – М.: Юнити, 2012. 671 с.

125. Юдкина, И.А. Правовая природа компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок / И.А. Юдкина // Журнал российского права. 2012. № 5 // СПС «КонсультантПлюс».

126. Davidson, Barbara. Which Countries Have the Most Affordable Internet? // URL: <https://www.netcredit.com/blog/which-countries-have-most-affordable-internet/> (дата обращения: 27.02.2022)

127. Jack Linchuan Qiu. Virtual censorship in China: keeping the gate between the cyberspaces // International Journal of Communications Law and Policy. Winter 1999/2000. Issue 4. URL: https://ciaotest.cc.columbia.edu/olj/ijclp/ijclp_4/ijclp_4a.pdf (дата обращения: 20.02.2023)

128. Jasmontaite Lina, De Hert Paul. Access to the Internet in the EU: a Policy Priority, a Fundamental, a Human Right, or a Concern of eGovernment?’ in Wagner, B., C. Kettemann, M. & Vieth, K. (eds.), Research Handbook on Human Rights and Digital Technology: Global Politics, Law and International Relations, Cheltenham, United Kingdom: Edward Elgar Publishing, Vol. 6. No 19. February 2020 P. 15. URL: <https://brusselsprivacyhub.eu/publications/BPH-Working-Paper-VOL6-N19.pdf> (дата обращения: 20.02.2023)

129. Lessig, Lawrence Code 2.0. / URL: <http://codev2.cc/download+remix/Lessig-Codev2.pdf> (дата обращения: 27.02.2022).

130. Lucchi Nicola. The role of Internet access in enabling individual’s rights and freedoms. European University Institute - RSCAS working paper. URL: https://www.researchgate.net/publication/241276736_The_role_of_Internet_access_in_enabling_individual%27s_rights_and_freedoms (дата обращения: 20.02.2023).

131. Marat Salikov, Igor Ostapovich, Valentina Rudenko. Human rights, internet and law in the era of new global challenges: Материалы Шестого Уральского Форума конституционалистов. Екатеринбург, 2021. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46710050> (дата обращения: 11.02.2022) P.42-58.

132. Mellakauls, Andris Access to the Internet - a human right? // URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=0900001680474fb0> (дата обращения: 27.02.2022).
133. Melvin M. Vopson The information catastrophe URL: <https://doi.org/10.1063/5.0019941> (дата обращения: 13.12.2022).
134. Neil Gandal, Carl Shapiro. The Effect of Native Language on Internet Usage. URL: https://www.researchgate.net/publication/1955480_The_Effect_of_Native_Language_on_Internet_Usage (дата обращения: 19.12.2022)
135. Paul De Hert, Dariusz Kloza. Internet (access) as a new fundamental right. Inflating the current rights framework? European Journal of Law and Technology, Vol. 3. No. 3, 2012. URL: <https://www.ejlt.org/index.php/ejlt/article/view/123/268> (дата обращения: 20.02.2023)
136. Penney, J.W. Internet Access Rights: A Brief History and Intellectual Origins // William Mitchell Law Review. 2011. Vol. 38. Iss. 1. P.10-42
137. Rutzen, Douglas, Zenn, Jacob, Association and Assembly in the Digital Age // URL: http://www.icnl.org/research/journal/vol13iss4/art_1.htm#_ftn15 (дата обращения: 27.02.2022).
138. Shandler, R., & Canetti, D. A Reality of Vulnerability and Dependence: Internet Access as a Human Right. Israel Law Review, 52(1), P.96 URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/israel-law-review/article/abs/reality-of-vulnerability-and-dependence-internet-access-as-a-human-right/20B747C454E16B7257954C34D800807B> (дата обращения: 20.02.2023)
139. Vasak, K. Human Rights: A Thirty-Year Struggle: the Sustained Efforts to give Force of law to the Universal Declaration of Human Rights. UNESCO Courier. 1977. 30 (11) P. 29-32.

VI. Иные источники

1. «ВКонтакте» подвела итоги 2021 г.: 72.5 млн. пользователей в России и 1.2 млрд. просмотров видео в день // URL: <https://cnews.ru/link/n544629> (дата обращения: 05.03.2022).
2. «Великий фаервол»: особенности интернета в Китае // URL: <http://tass.ru/info/2530474> (дата обращения: 28.02.2022).
3. 112 тысяч заявлений подано на Госуслугах для участия в электронном голосовании. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/41931/> (дата обращения: 20.12.2022).
4. 21+ // URL: <https://lenta.ru/articles/2012/08/24/friday/> (дата обращения: 20.12.2022).
5. Авторское право тормозит прогресс // URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/08/29/731368-avtorskoe-pravo-progress> (дата обращения: 17.04.2022).
6. Без чипов и проводников: как технологические санкции отразятся на компаниях России. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/457123-bez-cipov-i-provodnikov-kak-tehnologiceskie-sankcii-otrazatsa-na-kompaniah-rossii> (дата обращения: 30.03.2022)
7. Блокировку Telegram высоко оценили // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3614069> (дата обращения: 15.03.2022).
8. Блок крепчает // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5281701> (дата обращения: 05.04.2022).
9. Блок сработал постранично URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2015/03/11/6499625/rkn-na-strazhe-morali.shtml> (дата обращения: 26.12.2022)
10. Более 1,5 млрд детей переведены на дистанционное обучение, но половина из них не имеют дома компьютера или интернета. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/04/1376532> (дата обращения: 21.12.2022).
11. В Берлине заключенным впервые провели в тюрьму интернет // URL: <https://rg.ru/2022/12/18/v-berline-zakliuchennym-vpervye-proveli-v-tiurmu-internet.html> (дата обращения: 25.12.2022).

12. Ведомственная программа цифровой трансформации Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации на 2021-2023 годы // СПС «КонсультантПлюс».
13. В России зафиксировали рост числа самозанятых. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16305483> (дата обращения: 20.12.2022).
14. В Северной Корее работает только 28 сайтов // URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2801510> (дата обращения: 02.03.2021).
15. Валерий Фадеев: Надо выделить деньги из бюджета на компьютеры и интернет для малообеспеченных семей! // URL: http://www.president-sovet.ru/presscenter/news/valeriy_fadeev_nado_vydelit_dengi_iz_byudzheta_na_kompyutery_i_internet_dlya_maloobespechennykh_seme/ (дата обращения: 22.03.2023).
16. Важный собеседник // URL: <https://takiedela.ru/2017/10/vazhnyy-sobesednik/> (дата обращения: 30.03.2022).
17. Взлом высоких технологий // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5218254> (дата обращения: 28.04.2023).
18. ГОСТ Р 55387-2012 «Качество услуги “Доступ в Интернет”. Показатели качества». URL: <https://internet-law.ru/gosts/gost/54681/> (дата обращения: 30.11.2022).
19. Декларация целей пиратской партии //URL: <https://pirate-party.ru/docs/deklaracziya-czelej/> (дата обращения: 26.03.2022).
20. Дистанционное обучение в экстремальных условиях. URL: <https://academia.interfax.ru/ru/analytics/research/4491/> (дата обращения: 21.12.2022).
21. Задачи и компетенция канцлера права // URL: <http://www.oiguskantsler.ee/ru/задачи-и-компетенция-канцлера-права> (дата обращения: 07.03.2022).
22. Западные сайты пошли на контакт с Роскомнадзором // URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/08/12/2014/54819853cbb20f382b230277 (дата обращения: 29.12.2022)

23. Зарубежный трафик дал брешь URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5240878> (дата обращения: 13.03.2022).
24. Знакомимся с реализацией свободной mesh-сети // URL: <http://samag.ru/archive/article/1731> (дата обращения: 06.03.2022).
25. Интернет оказался под PRISMой спецслужб. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2207917> (дата обращения: 08.03.2023)
26. Интернет-провайдер Lumen прекращает работу в России URL: <https://tass.ru/ekonomika/14004669> (дата обращения: 13.03.2022).
27. Информационная система «Правовая помощь» запущена в 10 субъектах Российской Федерации URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/49231/> (дата обращения: 03.04.2023).
28. Использование «Википедии» в научной работе: быть или не быть. URL: <https://moluch.ru/information/wiki/> (дата обращения: 23.12.2022).
29. Как мобильный интернет за год изменил жизнь Кубы // URL: <https://rg.ru/2019/12/06/kak-mobilnyj-internet-za-god-izmenil-zhizn-kuby.html> (дата обращения: 28.02.2022)
30. Как отключение российских провайдеров от LINX скажется на скорости интернета URL: <https://www.bfm.ru/news/495062> (дата обращения: 13.03.2022).
31. Кириенко сообщил, что доля интернет-компаний в ВВП РФ составляет около 4% // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3937701> (дата обращения: 06.03.2022)
32. Конец приватной эпохи. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/07/09/806225-konets-privatnoi-epohi> (дата обращения: 22.12.2022)
33. Концепция информатизации Верховного Суда Российской Федерации" (утв. приказом Верховного Суда РФ от 15.02.2021 № 9-П) // URL: <http://www.vsrfr.ru/files/29675/> (дата обращения: 29.03.2023).

34. Концепция развития информатизации судов до 2020 года, утв. Постановлением Президиума Совета судей РФ 19.02.2015 № 439 // URL: <https://base.garant.ru/71062432/> (дата обращения: 29.03.2023).

35. Краудфандинговые платформы в России и мире // URL: https://ria.ru/disabled_know/20160822/1474985105.html (дата обращения: 17.04.2022).

36. Крупнейшие IT-компании покидают Россию. URL: <https://www.vesti.ru/hitech/article/2685316> (дата обращения: 06.03.2022)

37. Ленъ срок продлевает // URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/10/12/70149-len-srok-prodlevaet> (дата обращения: 01.04.2022).

38. Минсельхоз предложил досудебную блокировку сайтов по продаже вейпов. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5827172> (дата обращения: 15.04.2023)

39. Минкомсвязь будет настаивать на создании государственного Интранета // URL: <https://rg.ru/2017/02/14/minkomsviaz-budet-nastaivat-na-sozdanii-gosudarstvennogo-intraneta.html> (дата обращения: 28.03.2022).

40. Мобильные операторы перестали подключать абонентов к безлимитному интернету // Forbes. 2021. 30 ноября. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/447697-mobil-nye-operatory-perestali-podklucat-abonentov-k-bezlimitnomu-internetu> (дата обращения: 26.03.2022)

41. МТС требует зарегулировать деятельность Skype в России // URL: http://www.cnews.ru/news/top/mts_trebuat_zaregulirovat_deyatelnost (дата обращения: 28.02.2022).

42. На Урале предложили разблокировать RuTracker из-за санкций URL: <https://regnum.ru/news/society/3524515.html> (дата обращения: 06.04.2022)

43. Новые технологические санкции могут сказаться на параллельном импорте. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/02/27/964338-novie-sanktsii-mogut-skazatsya-na-parallelnom-importe> (дата обращения: 08.03.2023)

44. Обновлены рекомендации Роскомнадзора операторам связи по ограничению доступа к запрещенной информации // URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news46956.htm> (дата обращения: 04.04.2022).

45. Операторы связи потратили на оборудование для закона Яровой 10 млрд рублей // URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2019/12/10/818309-operatori-svyazi-kupili-oborudovanie-rosteha> (дата обращения: 30.03.2023).

46. Опрос Би-би-си: доступ к интернету – неотъемлемое право // URL: http://www.bbc.com/russian/international/2010/03/100308_internet_poll.shtml (дата обращения: 06.02.2022).

47. Организация труда в условиях пандемии COVID-19: руководство для работодателей. URL: https://www.ilo.org/actemp/publications/WCMS_741557/lang--en/index.htm (дата обращения: 21.12.2022).

48. Отечественные TLS-сертификаты стали доступны для скачивания на "Госуслугах" // URL: <https://tass.ru/ekonomika/15793463> (дата обращения: 18.03.2023)

49. Отменить закон о произвольных блокировках интернет-ресурсов от 02.07.2013 № 187-ФЗ (закон против интернета) // URL: <https://www.roi.ru/4494/> (дата обращения: 05.04.2022).

50. Отчет Google о доступности сервисов и данных // URL: <https://transparencyreport.google.com/about> (дата обращения: 09.04.2022).

51. Под колпаком у PRISM // URL: <https://vz.ru/world/2013/6/7/636158.html> (дата обращения: 05.04.2022)

52. Пользователей заблокированного Instagram не будут привлекать к ответственности // URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/03/14/913374-instagram> (дата обращения: 18.04.2023)

53. РАЭК: доля интернета в ВВП РФ в 2015 г выросла до 2,3% с 2,2% // URL: <https://ria.ru/economy/20160413/1409780623.html> (дата обращения: 02.02.2022).

54. Решение экспертной рабочей группы федерального уровня о принятии мер по реализации общественной инициативы «Отменить «закон Яровой» от 19 января 2017 года // URL: https://www.roi.ru/upload/28432_решение.pdf (дата обращения: 31.03.2022).
55. Решение экспертной рабочей группы федерального уровня о принятии мер по реализации общественной инициативы «Отменить закон о произвольных блокировках Интернет-ресурсов от 02.07.2017 г. № 187-ФЗ // URL: https://www.roi.ru/upload/4494_Reshenie.pdf (дата обращения: 31.03.2022).
56. Роскомнадзор внес в реестр запрещенных сайтов несколько IP-адресов «ВКонтакте», «Яндекса», Twitter и Facebook // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3614948> (дата обращения: 04.12.2022).
57. Роскомнадзор объяснил блокировку IP-адресов Google // URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2018/04/22/767433-roskomnadzor-obuyasnil-blokirovku-google> (дата обращения: 04.12.2022).
58. Российская культура уходит в онлайн из-за коронавируса. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/67939/> (дата обращения: 22.12.2022).
59. Российские банки защитились от отключений из Брюсселя // URL: <http://izvestia.ru/news/601876> (дата обращения: 16.04.2022).
60. Руководство по стеку протоколов TCP/IP для начинающих // URL: <https://selectel.ru/blog/tcp-ip-for-beginners/> (дата обращения: 16.04.2022).
61. Рунет 2.0 URL: https://www.vedomosti.ru/technologies/industries_and_markets/articles/2023/06/14/980324-runet-2-0 (дата обращения: 04.07.2023).
62. Сайт BOINC // URL: <https://boinc.berkeley.edu/index.php> (дата обращения: 20.03.2022).
63. Сайт donotpay.co.uk // URL: <http://www.donotpay.co.uk/signup.php> (дата обращения: 20.03.2022).
64. Сайт Freshdoc.ru // URL: <http://www.freshdoc.ru> (дата обращения: 20.03.2022).

65. Сайт github.com // URL: <https://github.com/> (дата обращения: 26.03.2022).
66. Сайт LiveJournal.com // URL: <http://www.livejournal.com/> (дата обращения: 22.03.2022).
67. Сайт Pravoved.ru // URL: <https://pravoved.ru/> (дата обращения: 25.03.2022).
68. Сайт WordPress.org // URL: <https://wordpress.org/> (дата обращения: 22.03.2022).
69. Сайт Youtube.com // URL: youtube.com. (дата обращения: 22.03.2022).
70. Сайт Госуслуги. Замена паспорта РФ в связи с достижением возраста 20 или 45 лет // URL: <https://www.gosuslugi.ru/10052/1> (дата обращения: 20.03.2022).
71. Сайт Российская общественная инициатива // URL: <https://www.roi.ru/> (дата обращения: 26.03.2022).
72. Сетевой нейтралитет: что это такое и кто за него воюет // URL: <http://www.bbc.com/russian/features-40557357> (дата обращения: 03.02.2022).
73. Случаи объединения российских регионов. URL: <https://ria.ru/20200513/1571374845.html> (дата обращения 13.12.2022).
74. Социологи: половина россиян ежедневно заходит в интернет // URL: http://www.bbc.com/russian/russia/2014/07/140701_levada_internet_poll (дата обращения: 02.02.2022).
75. Список Википедий // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Википедия:Список_Википедий (дата обращения: 23.03.2022).
76. СПЧ подготовил доклад о положении дел с правами и свободами человека и гражданина в цифровом пространстве РФ. URL: http://president-sovet.ru/presscenter/news/spch_podgotovil_doklad_o_polozhenii_del_s_pravami_i_svodami_cheloveka_i_grazhdanina_v_tsifrovom_pr/ (дата обращения: 15.02.2022).
77. Суверенный "конец света": как Иран жил неделю без интернета // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7189991> (дата обращения: 28.02.2022).

78. Суд не принял апелляцию на блокировку торрента RuTracker.org URL: <https://www.computerra.ru/194101/sud-ne-prinyal-apellyatsiyu-na-blokirovku-torrenta-rutracker-org/> (дата обращения: 27.03.2023).
79. Суперсервисы: госуслуги без бумажных документов и визитов в госорганы. URL: <https://www.gosuslugi.ru/superservices> (дата обращения: 27.03.2022)
80. С чего начинался российский Интернет // URL: <http://samag.ru/archive/article/556> (дата обращения: 12.03.2022).
81. Традиционное образование изменится под влиянием онлайн-курсов // URL: http://www.vedomosti.ru/career/news/2311978/ugrozhaet_li_tradicionnomu_vysshemu_obrazovaniyu. (дата обращения: 17.04.2022).
82. Уберизация превыше всего // URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/06/20/68969-uberizatsiya-prevyshe-vsego> (дата обращения: 24.03.2022).
83. ФСКН приняла инструкцию к игре за пропаганду наркотиков // URL: <https://www.securitylab.ru/news/432364.php> (дата обращения: 06.07.2023)
84. Число утечек данных россиян в 2022 году выросло в 40 раз, заявила сенатор. // URL: <https://ria.ru/20230209/dannye-1850899583.html> (дата обращения: 10.04.2023).
85. Чучхе онлайн: что гуглят друзья Ким Чен Ына // URL: https://www.gazeta.ru/tech/2017/07/26/10804556/north_korea_internet.shtml (дата обращения: 02.03.2022).
86. Шадаев: Минцифры выступает против легализации "пиратского" ПО в России. URL: <https://rg.ru/2022/06/07/shadaev-mincifry-vystupaet-protiv-legalizacii-piratskogo-po-v-rossii.html> (дата обращения: 28.12.2022).
87. Электронная приемная органов власти Республики Башкортостан // URL: <https://letters.openrepublic.ru/> (дата обращения: 24.03.2022).

88. Эстония погружается в интернет-пространство // URL: https://www.1tv.ru/news/2011/06/19/124026-estoniya_pogruzhaetsya_v_internet_prostranstvo (дата обращения: 07.03.2022).
89. «Яндекс.Еда» выявила утечку информации пользователей. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5238703> (дата обращения: 29.03.2022).
90. À l'Assemblée nationale, quatre députés votent la mort de la Hadopi en 2022 // URL: <http://www.nextinpact.com/news/99663-a-assemblee-nationale-quatre-deputes-votent-mort-hadopi-en-2022.htm> (дата обращения: 07.03.2022).
91. À l'Assemblée, une centaine d'amendements contre le délit d'entrave à l'IVG // URL: <http://www.lefigaro.fr/politique/2016/11/29/01002-20161129ARTFIG00285--1-assemblee-une-centaine-d-amendements-contre-le-delit-d-entrave-a-l-ivg.php> (дата обращения: 26.03.2022).
92. ClamAV запретил обновления антивирусных баз с российских IP-адресов. URL: <https://tendence.ru/news/clamav-zapretil-obnovleniya-antivirusnyh-baz-s-rossiyskih-ip-adresov> (дата обращения: 29.03.2022).
93. Cuba passes internet censorship and cybersecurity law URL: <https://therecord.media/cuba-passes-internet-censorship-and-cybersecurity-law/> (дата обращения: 21.11.2022)
94. Facebook пригрозили заблокировать в России // URL: <https://lenta.ru/news/2017/09/26/fb/> (дата обращения: 31.03.2022).
95. Forget comcast. Here's the diy approach to internet access // URL: <https://www.wired.com/2016/07/forget-comcast-heres-the-diy-approach-to-internet-access/#.jr4wdjpl1e> (дата обращения: 05.03.2022).
96. Germany Caps Piracy Fines // URL: <https://www.hollywoodreporter.com/news/germany-caps-piracy-fines-577989> (дата обращения: 09.04.2022).
97. Hadopi: 600 € d'amende et quinze jours de suspension pour un abonné // URL: <https://www.nextinpact.com/news/80487-hadopi-600-d-amende-et-quinze-jours-suspension-pour-abonne.htm> (дата обращения: 07.03.2022).

98. Hilbert Martin Lopez Priscila. The world's Technological capacity to Store, Communicate, and Compute information // URL: <http://www.sciencemag.org/content/332/6025/60> (дата обращения: 22.04.2022).
99. Internet Access Is Not a Human Right // URL: http://www.nytimes.com/2012/01/05/opinion/internet-access-is-not-a-human-right.html?_r=2 (дата обращения: 21.03.2022).
100. Interim Regulations on the Management of International networking of Computer Information // URL: <https://wipolex.wipo.int/en/text/182413> (дата обращения: 20.11.2022)
101. Iran: Regime admits over 40% Iranians view satellite TV despite crackdown // URL: <https://www.wired.com/2016/04/ingenious-way-iranians-using-satellite-tv-beam-banned-data/> (дата обращения: 02.03.2022).
102. Minitel: The rise and fall of the France-wide web // URL: <http://www.bbc.com/news/magazine-18610692> (дата обращения: 03.03.2022).
103. Letter to Iran, Regarding the Regulatory System for Cyberspace Services Bill. URL: <https://www.eff.org/ru/deeplinks/2022/03/letter-iran-regarding-regulatory-system-cyberspace-services-bill> (дата обращения 25.11.2022).
104. North Korea Loses Its Link to the Internet // URL: https://www.nytimes.com/2014/12/23/world/asia/attack-is-suspected-as-north-korean-internet-collapses.html?_r=0 (дата обращения: 02.03.2022).
105. RuTracker оценил падение посещаемости торрента в 40–50% после блокировки в России // URL: <https://rns.online/internet/RuTracker-otsenil-padenie-poseschaemosti-torrenta-v-40-50-posle-blokirovki-v-Rossii-2016-08-01/> (дата обращения: 09.04.2022).
106. Tehran Unfeters Cellphones, and the Pictures Start Flowing // URL: <https://www.nytimes.com/2014/09/03/world/asia/iran-speeds-up-cellphone-connections.html> (дата обращения: 02.03.2022).

107. The charter of human rights and principles for the internet // URL: <http://www.ohchr.org/Documents/Issues/Opinion/Communications/InternetPrinciplesAndRightsCoalition.pdf> (дата обращения: 22.03.2022).

108. The Tiger University program // URL: <https://www.itcollege.ee/en/it-college/foundation-management/the-tiger-university/the-tiger-university-program/> (дата обращения: 07.02.2022).

109. This is Cuba's Netflix, Hulu, and Spotify – all without the internet // URL: <http://www.vox.com/2015/9/21/9352095/netflix-cuba-paquete-internet> (дата обращения: 02.03.2022).

110. Twitter замедлен штатно. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news73480.htm> (дата обращения: 13.04.2023)

111. VPN и IPSec на пальцах // URL: <http://www.nestor.minsk.by/sr/2005/03/050315.html> (дата обращения: 27.02.2021).

112. Woodard C. Estonia, where being wired is a human right // URL: <http://www.csmonitor.com/2003/0701/p07s01-woeu.html> (дата обращения: 07.03.2022).

113. World U.S. soldiers are revealing sensitive and dangerous information by jogging // URL: https://www.washingtonpost.com/world/a-map-showing-the-users-of-fitness-devices-lets-the-world-see-where-us-soldiers-are-and-what-they-are-doing/2018/01/28/86915662-0441-11e8-aa61-f3391373867e_story.html?hpid=hp_hp-top-table-main_strava-415pm%3Ahomepage%2Fstory&utm_term=.e7c54cc2b614 (дата обращения: 01.04.2022).